

АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ: МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Анатолий Васильевич Торкунов — ректор МГИМО, академик, хранитель и продолжатель миссии — празднует свой юбилей. За плечами семь десятилетий увлекательной жизни, пора выходить на восьмой старт. MJ предпринял исследование истории успеха А. Торкунова, его достижений и вех на пути к мечте. Но какая она, его мечта? Попробуйте отыскать ответ на этот вопрос сами — мы уверены, у каждого он будет свой. И это хорошо.

Десять лет назад мы брали интервью у Анатолия Васильевича Торкунова накануне его 60-летнего юбилея. Мы все тогда были моложе на десять лет — ректор, редактор МЖ, который с ним беседовал, и фотограф Юрий Лукин, который делал фотосессию.

Спустя десять лет, в 2020 году, мы опять встретились в том же составе, что уже неплохое достижение.

Помните, у Маяковского: «Когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях — ярчайший где, я вспоминаю одно и то же: двадцать пятое — первый день»? Поэт писал о «первом дне творения» новой эры, для нас же важно, что, если мы сдвинем дату на сутки, будет 26-е, а 26 авгу-

шегося в обычной в общем-то советской семье, сформировался муж — государственный, университетский, академический. Который входит в интеллектуальную элиту страны.

Поколение Торкунова стало переходным, его судьба и судьбы его товарищей пришлось на переходное время. «Мы в полной мере не можем назвать себя шестидесятниками, — сказал он десять лет назад, — поскольку в самостоятельную жизнь мы вошли в начале 70-х.

Но я считаю, что наше поколение сыграло очень важную роль, в том числе в плане утверждения демократических ценностей. Среди тех, кто в 1991 году защищал молодую российскую демократию у Белого дома, было немало мидовцев. Очень много наших

выпускников — публицистов, историков, обозревателей, телекомментаторов — было среди деятелей демократического крыла, причем я не имею в виду радикально-демократическую его часть, где демократия отсутствует, а есть только поза. Наше поколение сыграло существенную роль в демократизации российской внешней политики. Только один наш курс дал 30 послов, которые еще работают — как за границей, так и в центральном аппарате. Так что я считаю, что жизнь мое поколение прожило никак не зря. Да и жизнь еще не прожита! Как говорил один известный киногерой: «В 60 лет политическая жизнь только начинается». В этом возрасте многие мои сверстники находятся в прекрасной форме, многие даже нынешние политики, достигнув этого рубежа, только поднимались на политический небосклон, на олимп. Хотя молодым тоже ведь надо постепенно освобождать дорогу».

Спустя десять лет физическая форма А. В. Торкунова прекрасна, его окружает молодая команда единомышленников, университет вышел на старт своей следующей стратегии до 2025 года. Жизнь продолжается! 📺

Спустя десять лет физическая форма А. В. Торкунова прекрасна, его окружает молодая команда единомышленников, университет вышел на старт своей следующей стратегии до 2025 года. Жизнь продолжается!

ста — первый день, от которого ведет отсчет своей жизни ректор МГИМО.

В этот день ему исполнится 70 лет. И мы решили рассказать об этих семи десятилетиях, проследить, как из мальчика, родив-

А. ТОРКУНОВ: «Главное событие первого десятилетия жизни? Конечно, рождение!»

26 августа 1950 года в семье Василия Ивановича и Нины Петровны Торкуновых, в которой уже была дочь Елена, родился сын Анатолий.

«Отец приехал из Калужской области в Москву в начале 30-х, — рассказывает Анатолий Васильевич. — Он был знатным зиловцем, начинал простым рабочим и за короткий срок дорос до замдиректора карбюраторного завода, стал любимцем самого Лихачева».

МЖ: Интересно, а он знал в ту пору что-нибудь о дипломатии? Довольно много выходцев из рабочей среды получали до войны путевку в эту сферу.

Вряд ли у него были какие-то идеи, связанные с дипломатией, он работать приехал, деньги зарабатывать, семью кормить. Правда, был он очень способным человеком, быстро выбился в бригады, до войны получил квартиру в зилловском доме, окончил Промышленную академию. Но потом ушел на фронт, прошел всю войну. Был танкистом, начинал как специалист по машинам на должности командира ремонтной танковой роты, вернулся с фронта майором. У него были ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени — вся грудь в орденах.

Н. П. Торкунова

Толя Торкунов с сестрой Леной

МЖ: Вы ребенком играли с его наградами?

Играл. С орденом Красной Звезды, с медалью за отвагу, которая особенно ценилась на войне и солдатами, и офицерами. Позже, когда получил доступ к архивным материалам Министерства обороны, прочитал в наградных листах в подробностях, за что он получил каждую из наград — обо всех его героических действиях. А они были связаны с прямыми столкновениями с немецкими танкистами во время ремонта техники на поле боя. Приходилось ему защищаться и от вражеской пехоты, которая наступала, там даже в одном документе указывается, сколько «фри-

Дома на Велозаводской улице — памятники эпохи конструктивизма

цев» (так и написано) уничтожил отец во время одной операции, когда приводил в порядок «раненые» танки. Должен, к своему стыду и стыду нашего поколения, сказать, что мы в те годы особенно с расспросами к отцам не приставали. И хотя я прекрасно знал, на каком фронте отец воевал, знал его боевых товарищей, но к подробностям не было интереса. Один раз в ответ на мою не очень деликатную реплику он меня осадил: «Как можно рассказывать о том, как приходилось танками давить людей!» Люди невоенные, гражданские — а отец был именно гражданским человеком, война не была его ремеслом — вспоминать о войне не очень любили. Товарищей, забавные эпизоды вспоминали, а о тяжелых моментах у нас дома было как-то не принято говорить. Как и в семьях других фронтовиков —

Отец был гражданским человеком, война не была его ремеслом, и вспоминать о ней он не очень любил

друзей отца. Кстати, братство свое они поддерживали, у отца были собраты по оружию по всей стране — совершенно разные люди. Очень близкий друг жил на Украине — Мыкола, он регулярно приезжал к нам, останавливался на несколько дней. О войне они не вспоминали, а вот военные песни петь любили! И у нас в семье всегда пели песни военных и предвоенных лет, тем более что, когда я женился на Ирине Геннадьевне, в ее лице семья обрела прекрасную пианистку, которая нам аккомпанировала.

МЖ: Какую песню ваш отец любил больше всего?
«Темную ночь».

МЖ: А фильмы смотрел про танкистов? «На войне как на войне», например?

Фильмы о войне он не мог досмотреть до конца: с годами воспоминания эти были для него все более трогательными за душу — настолько, что он вставал с кресла и выходил из комнаты. А по-

Фрагмент из фильма «Жаворонок» («Ленфильм», 1964 год. Реж. Н. Курихин, Л. Менакер)

скольку телевизор в те годы был один на всю семью, я часто был тому свидетелем... Если можно было бы вернуться в то время, я с огромным удовольствием расспросил бы отца о его медалях! А в особенности о двух польских, ведь он участвовал в операциях за освобождение Польши — Варшавской и Висло-Одерской. Это было бы не только интересно, но и полезно: я же занимался деятельностью российско-польской группы по сложным вопросам.

МЖ: А вы Адаму Ротфельду, сопредседателю группы с польской стороны, говорили о тех двух наградах? Этот личный момент мог бы задать тон обсуждению военного периода.

Да, полякам я о них говорил, но они и не отрицают подвига наших солдат — знают, что 600 тысяч советских воинов погибли. А мой отец был среди тех, кто выжил, слава богу.

МЖ: Ваша мама тоже была участницей войны?

Да, хотя в боях она не участвовала — работала телефонисткой на военном аэродроме.

МЖ: А как родители познакомились? Есть семейная легенда? Нет, такой легенды нет. Они позна-

В. И. Торкунов

комились после войны. Мама работала в конструкторском бюро на ЗИЛе, а поскольку они жили в одном районе на «Автозаводской» и моя бабушка по материнской линии хорошо знала родных отца, так они и познакомились. Мама была очень красивая женщина, самостоятельная, доброжелательная. Со своим зятем, мужем моей сестры, и моей женой она всю жизнь ладила, отношения были прекрасные, а это серьезный показатель. Вообще, у нас в семье никогда не было никакого

раздрая, мы всегда жили дружно, уже взрослыми приезжали каждое воскресенье с дочкой к родителям на Велозаводскую — на обед, фундаментальный русский обед с пирогами. Общались, пели песни, полдня проводили с мамой и папой. В этом смысле я сторонник того, чтобы семейное общение поддерживалось, традиции соблюдались.

вала маму реализовать эту важную миссию. От категорий зависело вознаграждение актеров и режиссеров, поэтому мнение рабочего класса вряд ли считалось решающим. Тем не менее каждую неделю мама ездила на «Мосфильм», а также в специальный просмотрный зал на улице Горького, где обычно комиссии показывали два советских фильма и один иностран-

ный. И что удивительно, на просмотры можно было брать мужа и детей. Правда, детей разрешали не всегда — как раз из-за иностранных картин. Тем не менее «Восемь с половиной» Феллини я посмотрел ребенком впервые именно там! Иногда просмотры заканчивались очень поздно, я помню, как в одну ночь мы с сестрой и бабушкой в отчаянии собирались обзванивать больницы и станции скорой помощи, но в третьем часу ночи отец с матерью наконец вернулись домой — после двух советских им показали еще два иностранных фильма.

В качестве вишенки на торте могу рассказать о том, как мама подружилась с Верой Петровной Марецкой, замечательной актрисой, звездой советского экрана. Во время обмена мнениями о достоинствах и недостатках новых фильмов они выяснили, кто что любит заготавливать на зиму. А потом стали активно обмениваться готовой продукцией: мама привозила Марецкой квашеную капусту, а Вера Петровна маме — варенье.

Комиссия, пока ее не прикрыли, существовала довольно долго — лет пять-шесть. Мама, конечно, стала прилично разбираться в кино — в гораздо большей степени, чем отец, познакомилась с актерами, режиссерами. Соприкосновение с культурной элитой, разбор фильмов на профессиональном уровне стали для нее, по сути, культурными университетами. Я помню, как она радовалась, когда комиссия, которая довольно часто ошибалась, выставяла низкую категорию фильму, который впоследствии становился хитом кинопроката, исправляла ошибку и давала ему другую категорию.

Так было, помню, с «Человеком-амфибией», который изначально получил третью категорию, но потом вышел в чемпионы проката, заработав сумасшедшие деньги.

МЖ: А какими были, так сказать, ваши университеты?

В 1957 году я пошел в первый класс в 508-ю школу, это была восьмилетка. И хотя она находилась не так близко от наших зиловских домов, мы сами ходили туда пешком — в те годы детям больше доверяли, да и безопасно было. Школа была очень хорошая, директором работал фронтовик, и не просто

фронтовик — полковник в отставке. А главное, была там потрясающая учительница Нинель Петровна Черняева, которая дала мне очень много, она привила мне любовь к литературе и театру.

МЖ: А почему она вас выделила? Сочинения писали хорошо?

Писал хорошо, но делал много орфографических ошибок. Хотя очень много читал. Но, как говорят, кому-то везет и у него врожденная грамотность, а у кого-то ее нет. У меня ее не оказалось, и мне с помощью Нинели Петровны пришлось много работать, хотя по литературе и русскому языку у меня всегда была пятерка. Но, готовясь к МГИМО, я занимался с ней целый год, писал диктанты. Причем это было не репетиторство, а товарищеская помощь. Вообще, Нинель

Петровна в моем понимании образец учителя. Она была влюблена в литературу, театр, поэтому мы каждую неделю ходили смотреть постановки, знали репертуар Москвы. Также помню, как ездили с классом в Ленинград, жили там неделю в школьном спортзале. Но после восьмого класса пришлось перейти в школу-десятилетку. Учительницей литературы там была Вера Георгиевна, с которой Нинель Петровна дружила. Она попросила ее взять к себе наш класс. Вера Георгиевна тоже была влюблена в свой предмет и в театр, и с ней тоже было очень интересно. Кстати, одним из ее учеников оказался Василий Лановой, она часто его вспоминала, и он ее не забывал, в свой Вахтанговский театр приглашал. Из учителей того времени не могу не вспомнить и Марка Моисеевича

Черняка, замечательного учителя истории, знавшего ее блестяще, хотя у старшеклассников преподавать ее было непросто, особенно в годы хрущевской оттепели: мы ему много разных вопросов задавали.

МЖ: А район, где вы родились и выросли, чем был примечателен? Велозаводская улица, где стоит ваш дом, говорят, была названа в честь велосипедного завода, который там возвели в 30-е годы? Вы свой первый велосипед не оттуда получили?

Этот завод производил не велосипеды — это было закрытое военное предприятие, к велосипедам никакого отношения не имевшее. Поэтому оно было хорошо ограждено, и ограда, оборудованная колючей проволокой, кстати, проходила по краю нашего двора.

Сцена из фильма «Летят журавли» режиссера Михаила Калатозова: Вероника (Т. Самойлова) в состоянии нервного срыва после известия о гибели Бориса (А. Баталов), бежит вдоль железнодорожного полотна. В кадр также попала 508-я школа, в которую в 1957 году первоклассником пошел А. Торкунов. Фильм, снятый по мотивам пьесы Виктора Розова «Вечно живые», стал в 1958 году единственным в истории советского кино полнометражным фильмом, получившим главный приз Каннского кинофестиваля — «Золотую пальмовую ветвь».

Мама была неординарной женщиной. Одно из моих самых колоритных воспоминаний о ней относится к началу 60-х годов, когда она работала в комиссии по присвоению категорий художественным фильмам. В те годы существовала такая практика — представители трудовых коллективов высказывали свое мнение о киноновинках перед запуском их в прокат в дополнение к экспертизе киноведов и деятелей культуры. Получилось так, что общественность ЗИЛа делегиро-

Наша семья всегда жила дружно, мы уже взрослыми приезжали каждое воскресенье с дочкой к родителям на Велозаводскую — на обед, фундаментальный русский обед с пирогами

БОРИС АЛЬПЕРОВИЧ
начальник медицинской службы
ООО «Газпром ПХГ»

Мы с Толей учились в девятом–десятом классах. Класс у нас был хороший, учителя замечательные, особенно Нинель Петровна Черняева. Так у нее Толя был просто звездой! Он писал прекрасные сочинения, отвечал интересно, хорошо поставленным голосом, вообще умел красиво говорить. Нинель Петровна его очень любила, и он ее очень любил, потом опекал до самой ее смерти...

И то, что он поступил в МГИМО, было закономерно. Толя ведь не был мажором, просто он любил литературу, историю и был трудолюбивым, талантливым юношей. Не менее важным было и то время, когда он поступал, это были последние годы оттепели — период надежд, пока еще дул свежий ветерок, и Толя удачно попал в то время, когда можно было добиться своей мечты благодаря трудолюбию и ха-

рактеру, а не связям.

Не могу сказать, что были мы друзьями, но он всегда относился ко мне хорошо, и моя мама его хорошо знала, поскольку была врачом, иногда консультировала. Когда Толя стал ректором, я к нему время от времени приезжал — зарядиться бодростью, энергией. Ведь когда тебя по старой памяти, несмотря на высокую занятость, принимает такой незаурядный человек, это тебя поднимает в своих же собственных глазах, заряжает энтузиазмом, настраивает на свершения. Я стремился поделиться с Толей тем, чего добился сам, прежде всего в области реформы образования в здравоохранении. Я знал, что в начале 90-х он спас МГИМО, который находился в неважном состоянии, как, впрочем, и все российские вузы. Но к 2000 году Анатолий Васильевич добился того, что система заработала. Помню, он рассказывал мне, что создал в МГИМО хороший медицинский центр. А мне это интересно, я ведь медцентрами занимаюсь на

федеральном уровне... Всякий раз, уходя от него, я испытывал чувство гордости от мысли, что школьная юность прошла у меня в одном классе с таким человеком! Мы ровесники,

мне 70 исполнится в ноябре. Хотел бы пожелать Толе здоровья и стать президентом МГИМО — все хорошие люди, которые завоевывают доверие, как правило, становятся президентами.

МЖ: Понятно, велосипеды — это легенда. А вот эпизод из калатозовского фильма «Летят журавли», который снимался, как говорят старожилы, рядом с вашей школой, — реальность. Когда Татьяна Самойлова бежит вдоль железной дороги параллельно паровозу, там мелькнула ваша 508-я школа.

Да, про это говорили. Район Велозаводской и Новоостаповской, где я провел детство, отрочество и юность, был хорошим московским районом с еще довоенными дворами, в которых водились дворовые компании. Причем шла бесконечная борьба за первенство между первым, вторым и третьим дворами, это были бесконечные игры, войнушки.

Но самым главным воспоминанием был, конечно, Дворец культуры ЗИЛ, который находился рядом, — даже не остров, а целый континент культуры, или, как сейчас говорят, культурный кластер. И все, кто проживал в нашей огромной заводской округе, включавшей в себя ЗИЛ, «Динамо» и шарикоподшипниковый завод, — и рабочие, и служащие, и ИТР — ходили туда, увлеченные искусством.

Большой зал ДК помимо того, что работал кинозалом круглого дня, был сценой, где по вечерам шли репетиции театрального коллектива ЗИЛа, уровень которого был близок к профессиональному. Я тоже играл там маленькие роли, в частности мальчишки в массовке в «Приключениях Гекльберри Финна».

А на малой сцене работала молодежная театральная студия, и вот там мне в одной современной пьесе доверили играть революционного студента, хотя я был еще подростком. Играл мы здесь и спектакли по Чехову, когда проходили его в школьной программе. Помню пьесу «Юбилей» и себя в роли банкира Шипучина, к которому приходит жена губернского секретаря Мерчуткина и требует отдать ей деньги. Пожалуй, лучший Шипучин получился у Станицына в постановке МХАТа. Бухгалтера играл гениальный Грибов, Мерчуткину — Зуева. Еще мы играли чеховское «Предложение», лет двадцать назад видел эту пьесу с великолепной Любовью Полищук.

Малая сцена была прекрасна, зал мест на триста, с примерными и мастерскими. Помню, мы брали в прокате где-то в центре Москвы костюмы — фрак и платья конца XIX века, халат для

Фамусова (этот прокат пригодился потом в институте, я уже знал, где брать одежду для капустников). В 60-е в Москве было очень много театральных коллективов, поэтому по не-

В наших домах жили игроки футбольной команды «Торпедо». А в центре двора возвышалась гипсовая копия знаменитой скульптуры, находящейся в Третьяковке: два футболиста, которые в борьбе отнимают друг у друга мяч

сколько часов стояли в очереди, чтобы окунуться в царство костюмов, пахнувших нафталином, и париков, это было страшно интересно!

МЖ: Кстати, театральные кружки — рассадник влюбленностей. Ну а как же! Я всегда был в кого-нибудь влюблен, причем, как правило, в девочек постарше. Помню одну, она жила

в соседнем дворе, уже была пионеркой, а я все еще октябренок. Так я дождался, когда меня приняли в пионеры, и тогда наконец с ней познакомился, долгое время мы дружили. Ну и в старших классах были другие влюбленности.

МЖ: В те годы было принято детей отдавать на музыку. У вас как с этим было?

В ДК ЗИЛ был великолепный симфонический оркестр, а при нем музыкальная школа. Как-то отец взял меня за руку и привел учиться играть на кларнете. Почему именно на нем, память не сохранила. Зато хорошо помню, что учителем моим был брат легендарного спартаковского футболиста Игоря Нетте. К сожалению, этот замечательный человек страдал известной русской болезнью и очень часто пропускал занятия. Через год мы решили, что с нас хватит, и я поступил в вечернюю музыкальную школу на фортепиано, проучился полтора года, но, к сожалению, музыка не задалась.

МЖ: Пока складывается образ пай-мальчика. Нос вам хотя бы разбивали во дворе?

Разбивали, конечно! И не только нос — скулу разбили как-то раз. Район у нас был вполне себе хулиганский. Но не бандитский. Бандитским считался район через Москву-реку, вот там были серьезные хулиганы. От них я однажды и получил. Сидел на скамейке во дворе и беседовал с другом. Вдруг подходят двое чужих. Я даже среагировать не успел, застали врасплох — врезали по физиономии и убежали.

МЖ: Вы сказали, что пошли в школу в 1957 году. Это же год фестиваля молодежи и студентов — начиналась новая эра.

Я был совсем маленьким, но хорошо помню его фантастическое открытие, я был на нем с отцом, и ничего более красочного и духоподъемного я до того не видел. По улицам ходило какое-то невообразимое количество черных, китайцев, латиноамериканцев — все улыбались, и настроение было чудесное. Мне кажется, фестиваль нанес по остаткам (хотя они у нас есть до сих пор) сталинизма удар не меньший, чем XX съезд. Мы все вдруг почувствовали себя частью общего мира, даже я, маленький ребенок, осознал, в каком большом мире мы живем и какие разные люди в нем живут.

Вообще, время было какое-то необычное — помню, по Москве ходили слухи, что приехавшие иностранцы угощают детей отравленными конфетами. Как-то мы шли с матерью по улице и тут

За работой над школьной стенгазетой

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВ
(МЭО, 1971)
советник президента ТПП России

Я знаю Анатолия Васильевича, Толю, с детской поры. Наши родители работали на заводе имени Лихачева (моя мама заведовала заводской поликлиникой), поэтому мы с ним жили в зилевских домах, расположенных в районе пересечения Новоостаповской и Велозаводской улиц. В этих четырех домах кто только не жил: во-первых, сам директор завода Бородин,

а еще игроки футбольной команды «Торпедо». Мы безумно гордились этим обстоятельством, бегали за ними. Перед каждым домом у нас была футбольная площадка, которую зимой заливали для хоккея. А в центре общего двора возвышалась гипсовая копия знаменитой скульптуры, находящейся в Третьяковке: два футболиста, которые в борьбе отнимают друг у друга мяч.

Толя жил в первом доме, я — в четвертом. Учились мы в 508-й школе — правда, до восьмого класса, потом ее закрыли, я перешел в 467-ю школу Ждановского района, а Толя — в школу в Пролетарском районе.

Дом культуры ЗИЛ

Дворец культуры ЗИЛ был даже не островом, а целым континентом культуры. И все, кто проживал в нашей огромной заводской округе, — и рабочие, и служащие, — ходили туда, увлеченные искусством

видим, какая-то старуха раздает конфеты, мы такого деру оттуда дали!

МЖ: Понятно, как зародилась у вас любовь к театру, а как возник общественный темперамент, который теперь всем известен? Мне очень нравилось общение, хотелось быть в гуще пионерских дел. Я часто бывал на мероприятиях в районном Доме пионеров, там же располагался штаб комсомольцев-школьников, председателем которого я впоследствии стал. Благодаря интересу к общественной жизни судьба сводила меня с очень разными достойными людьми. Помню, как познакомился с Аркадием Ивановичем Вольским, будущим пре-

Будущий президент РСФСР А. И. Вольский в 1955–1969 годах работал на ЗИЛе, прошел путь от помощника мастера, мастера и начальника литейного цеха до начальника литейного производства и секретаря парткома ЗИЛа. Он знал В. И. Торкунова по работе и вспоминал добрым словом, когда сотрудничал с его сыном А. Торкуновым.

зидентом РСФСР, а тогда первым секретарем Пролетарского райкома партии, который дважды приезжал в наш штаб. Это был очень хороший человек, он общался с нами без нравоучений, вел

отцовские беседы. Кстати, он и отца моего знал, поскольку когда-то был секретарем парткома ЗИЛа, вспоминал его добрым словом... Мы с Аркадием Ивановичем всегда поддерживали очень хорошие отношения, а когда я стал проректором МГИМО, затем ректором, мы вместе реализовывали различные проекты. Например, был такой Finish-Gate, идея которого заключалась в том, чтобы Финляндия стала в 90-е годы воротами в Россию для европейского бизнеса, мы проводили ежегодные конференции сотрудничества в Москве и Финляндии.

МЖ: Бывают моменты, когда вы узнаете в себе отца? Конечно. Отдельные черты у меня от него. Отец был очень совестливым человеком. Самостоятельным и очень обязательным. Это бывает плюсом, а бывает и минусом. Когда вобьешь

себе что-то в голову, это обязательно надо сделать, довести до ума. А главное, стыдно бывает перед людьми, если взял обязательство и не выполнил. У отца это чувство было обостренным. ☑

УЧИТЬСЯ И ЖИТЬ ПО-ЛЕНИНСКИ

Идет заключительный этап Ленинского семестра. По решению IX пленума ЦК ВЛКСМ 30 апреля состоится Всесоюзное комсомольское собрание «По-ленински работать, учиться и жить». Его участники подведут итоги сделанного и встретят Ленинского юбилей.

Ленинский зачет, распорядок каждого комсомольца о своих делах в Ленинском семестре, способствует дальнейшему развитию трудовой и политической активности советской молодежи, оказывает непосредственное влияние на все стороны жизни и деятельности комсомольских организаций.

Повышение требовательности к комсомольцам — прежде всего укрепление комсомольской дисциплины — способствует воспитанию ответственного, делового подрастающего поколения и выполнению своих обязанностей.

По итогам II этапа Ленинского зачета выявлены лучшие группы на факультетах. Они стали на факультете международных отношений 3 академическая группа IV курса, на факультете международных динамических отношений 7 академическая группа IV курса и на факультетах международной журналистики и международного права — четвертые курсы. Комсомольцы этих курсов и групп усердно сочетают хорошую учебу с активной общественной работой.

Задача как можно лучше учиться, стать убежденным марксистом — ленинцем, хорошо подготовленным специалистом — международной задачей — это наша главная задача в институте. Нам есть на кого равняться в учебе и в комсомольской работе. Это студенты В. Лутвин, В. Царик, О. Солодовников, П. Пляк, Т. Марозьяева.

Воспитывать из себя коммунистов — этому учит нас ленинская партия. Генеральным курсом, проложенным партией, определается жизненный ритм комсомольца, его повседневная деятельность. Партия для советской молодежи — наставник и советник, по-ленински мудро заботливейший и требовательнейший.

Сегодня мы с гордостью и постоянным растущим интересом в жизни советского человека, о том, что партия комсомолу, всем советским и декушам решает все ответственные задачи, в частности, в строительстве.

Дни, которые мы сейчас, волнуем и обязаны своим успехам. Ближайшие — столетие со дня рождения В. И. Ленина, идет подготовка XVI съезду комсомола. Тогда нас каждый день — экзамен, проверка сознательного отношения к труду. Достойно встретить славный юбилей значит полностью выполнить нашу боевую программу и бороться за повышение уровня знаний и культуры молодежи!

Ю. КОВАЛАДЗЕ.

1960–1970

Лекцию читает йог высшей квалификации

По приглашению сектора внешних связей факультета международной журналистики преподаватель института восточных языков при МГУ А. Н. Зубков, получивший в Индии диплом йога высшей квалификации, прочтет в нашем институте 1 апреля лекцию «Четыре года среди индийских йогов», из которой вы узнаете: кто такие йоги и что такое хатха-йога, об индийской системе йоготерапии, о системе дыхания йогов, о питании и лечебном голодании по системе хатха-йога и многое другое.

В помощь востоковедам

Вслед за первым в стране «Учебником языка хинди» кафедра индийских языков выпустила «Учебник языка урду, часть I». Его авторы — доцент кафедры Т. Б. Кибиркишиев и С. К. Городникова.

Учебник дополнен Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве базового пособия для востоковедческих вузов страны. Он также может быть использован и для самостоятельного изучения урду.

К редактированию учебника привлекались индийские и пакистанские лингвисты. Выпуск «Учебника языка урду» — важный шаг в деле дальнейшего улучшения подготовки специалистов-международников.

Кафедра готовит к печати вторую часть учебника. Автор — кандидат филологических наук доцент А. А. Давидова.

А. КАДАКИН.

А. ТОРКУНОВ: «Поступление в МГИМО — лучшее, что случилось со мной в эти десять лет!»

МГИМО

Анатолий Торкунов: «Я ничего про МГИМО не знал, пока мне о нем не рассказал Жора Петров, который жил в соседнем дворе на Велозаводской улице и ходил в ту же 508-ю школу, что и я. Он мне рассказал, и я заинтересовался. Правда, одно время я склонялся к поступлению в МИФИ. А еще мне предлагали поступать в театральный, поскольку я играл в школьном драмкружке и молодежной студии при ДК ЗИЛ.

Родители поощряли мое желание поступать в МГИМО. Даже наняли репетитора по английскому из иныза, с которым я занимался весь десятый класс, платили большие по тем временам деньги — пять рублей за урок! Но без этого я бы не поступил, ведь школа-то у меня была обычная, не языковая. По остальным предметам я готовился сам — правда, с помощью школьных учителей, в том числе моей любимой учительницы по русскому языку Нинели Петровны Черняевой, с которой я поддерживал отношения до последнего дня ее жизни. Всего было пять экзаменов, английский я сдал на пятерку, набрал 23 балла, в 1967 году это был проходной балл».

«Мы были хорошо знакомы с Толей еще и потому, что отдыхали в «Артеке» — правда, в разные смены, — вспоминает **Георгий Петров, советник президента ТПП РФ.** — Однако у нас были одни и те же замечательные пионервожатые, местные учительницы, с которыми мы подружились, и когда они приезжали в Москву, мы встречались с ними у памятника Маяковскому, а потом шли все вместе гулять по Москве. Помню, как одна из них, Татьяна Ефимовна, зная, что Толя — театрал, неизменно интересовалась у него новостями театральной жизни. Как-то она спросила о «Современнике», а он ответил: «А вы знаете, появился новый, совершенно замечательный театр — на Таганке». Ему было, наверное, тогда лет шестнадцать.

В середине 60-х годов в результате школьной реформы мы перешли на десятилетку. Поскольку я был постарше, я остался в прежнем потоке, который учил-

«Артек». На пионерском посту

А. Торкунов: «Родители поощряли мое желание поступать в МГИМО. Даже наняли репетитора по английскому из иныза — школа-то у меня была обычная, не языковая. Платили большие по тем временам деньги — пять рублей за урок!»

ся 11 лет, а Толя попал в новый, в котором оканчивали после десятого класса.

И вот я оканчиваю 11-й класс, он переходит в десятый, и у нас происходит такой разговор. Толя спрашивает: «Куда будешь поступать?» А я уже готовился в МГИМО, про который мне рассказал Миша Карпов, с которым я общался по пионерским делам в городском пионерском штабе во Дворце пионеров на Ленинских горах (он, кстати, тоже поступил в МГИМО). Толя, как я понял, еще не определился, и я ему охотно рассказал про институт, про его факультеты, про экзамены и про то, что необходимо пойти в райком комсомола и взять рекомендацию для поступления.

Потом мы уже не встречались — как оказалось, пошли каждый своей дорогой к одной и той же цели. Потому что в следующий раз я увидел его через год в здании МГИМО у Крымского моста. Я уже был второкурсником факультета МЭО, а он только поступил. Помню, я ему сказал: «Поздравляю, теперь мы оба студенты!»

«В 1967 году мы, третьекурсники МГИМО, по поручению комитета комсомола института проводили собеседование с абитуриентами, — говорит **Владимир Чиквадзе, чрезвычайный и полномочный посол, директор Фонда ветеранов дипломатической службы.** — Одним из них и оказался Анатолий Васильевич Торкунов, в то время просто Толя. А потом нам предложили шефствовать над первым курсом, на который он успешно поступил.

Шефство заключалось в том, что мы активно и с удовольствием привлекали подшефных к дежурству в ДНД, к деятельности агитбригад во время выборов в Советы народных депутатов, и в целом учили их жить. Помню, мы ходили по ЖЭКам, где в красных уголках выступали перед населением, призывая граждан голосовать за кандидатов, при этом активно задействуя художественную самодеятельность: читали стихи, пели песни, разыгрывали небольшие сценки — в общем, развлекали избирателей как могли.

С самого начала Анатолий проявил себя как отличный студент, активный комсомолец. Мне он запомнился человеком творческим, харизматичным, активно участвовавшим в самодеятельности. Однако он не был просто исполнителем, вместе с Сергеем Лавровым и другими ребятами он был автором тех самых замечательных капустников, которых все с нетерпением ждали. Кстати, он и пел очень неплохо. Гимн МГИМО, который сочинил наш министр, однокурсник Анатолия Васильевича, впервые прозвучал в исполнении трио Торкунова, Кутакова и Лаврова в нашем молодежном кафе у Крымского моста. Я на тот момент занимал пост председателя совета кафе, а оно, кстати, было известно не только в МГИМО — гремело на всю Москву. На вечерах у нас выступали первые рок-группы, это были и польские «Тараканы», и доморощенные «Миражи» и «6666». А гвоздем программы неизменно были капустники».

КАПУСТНИКИ

А. Торкунов: «Обычно мы играли капустники — по два в год, причем большие, часа на полтора. Сами писали тексты, репетировали. Солировали у нас всегда С. Лавров, А. Кадакин, Г. Зеленин, А. Догадин, Ю. Осипов, О. Кутаков, ну и ваш покорный слуга. Сначала были капустники из студенческой жизни, потом костюмированные — на сюжеты из жизни Ивана Грозного, из «Трех мушкетеров». Естественно, они были наполнены аллюзиями. Мы любили, например, подшучивать над военной кафедрой, у нас было несколько любимых полковников — Романов и Антонов, я обычно изображал Антонова. Прочитывать не могу, многое из того, что мы тогда говорили со сцены, уже не покажется смешным сегодня — каждому грибу свое время. Но самое главное — у нас было желание порадовать сокурсников».

КИРБА

Поселок Кирба (название означает что-то по-хакасски) находился у озера Чалпан, километрах в четырехстах к югу от Красноярска. Студенты поехали туда, во-первых, «за туманом и за запахом тайги», во-вторых, хотелось в свои 17 оторваться от родительской опеки, физически окрепнуть, почувствовать себя мужиками. Заработать, наконец. Помимо будущих министра и ректора в отряде были Юрий Пивоваров, Андрей Вдовин, Александр Догадин, Александр Кадакин, Алексей Федотов, Игорь Дьяконов, Вячеслав Шумский, Михаил Орловец, Константин Провалов (все они впоследствии стали послами) и многие другие.

В комитете комсомола, который собирал отряд, им сказали:

Крым, Лазурное. Первый отряд, майская смена 1964 года. Анатолий Торкунов в центре группы

ЮРИЙ КОБАЛАДЗЕ
(МЖ, 1972)
профессор МГИМО,
генерал-майор СВР в отставке

с которого ушел. У нас были общие друзья, позже мы с ним сблизились через ректора Н. И. Лебедева, с которым я был хорошо знаком, а Толя стал у него помощником. Помню, как он приезжал в Лондон (я там работал с 1977 по 1984 год корреспондентом от Гостелерадио), чтобы собирать материалы для научной работы. Я был один, без жены. «Что ты будешь в гостинице жить?» — сказал ему, и он у меня пожил несколько дней.

Надо сказать, что нам сильно повезло, наш курс оказался выдающимся! Столько послов он дал и, конечно, министра — Сергея Викторовича Лаврова. Это было счастливое стечение обстоятельств, которое нас объединило. А с другой стороны, та среда, которая была в МГИМО в то время, на излете хрущевской оттепели, давала ощущение свободы, настраивала на творче-

Торкунов был Торкунвиль, вроде как Тревиль, капитан-лейтенант королевских мушкетеров. Это амплуа было выбрано им не случайно, ведь он уже работал деканом, потом проректором, то есть воспитателем молодежи

В студенческие годы, скажу честно, я не был в кругу близких друзей Анатолия Васильевича, хотя вместе с ним поступил на факультет МО. Дело в том, что на следующий год группа студентов, в числе которых был и я, откололась, так сказать, от курса и образовала факультет МЖ. А поскольку общих лекций и языковых занятий у нас не было (Анатолий учился на восточном отделении, изучал корейский), мы соприкасались только на разных общих мероприятиях и на вечеринках у друзей. Но Толю знали все — он был заметным, нерядовым студентом, комсомольским вожаком.

Дружба случилась после окончания МГИМО. Нас объединило общее прошлое, ведь я не отделял себя от курса,

ство. Вся Москва знала про наши вечера и стремилась на них попасть!

Закономерно, что в какой-то момент Лаврова, у которого проявился великолепный авторский дар, посетила муза — и зародилась традиция капустников по мотивам «Трех мушкетеров». Он в Нью-Йорке, Жора Зеленин в Париже и Леша Федотов писали к ним тексты. Потом мы съезжались в Москву на встречи выпускников и устраивали представление. Роли распределялись так: Лавров — д'Артаньян, я — Кобальери, Торкунов — Торкунвиль, вроде как Тревиль, капитан-лейтенант королевских мушкетеров. Это амплуа было выбрано им не случайно, ведь он уже работал деканом, потом проректором, то есть воспитателем молодежи. Эта тема настолько нам приглянулась, что мы стали разыгрывать ее под любой юбилей или важное событие. Помню, лотарингский крест мы спасали — было очень смешно! Или искрометный капустник на свадьбе дочери Анатолия Васильевича. А на моем дне рождения он изображал папу римского, который меня награждал грамотой Ватикана. Его наря-

У него всегда есть шутка — и для коллег на совещаниях, и для друзей, с которыми Анатолий Васильевич встречается. Он всегда остроумен и весел, он очень теплый товарищ

дили в папский костюм с шапочкой — выглядело это уморительно! А ведь многие из гостей категорически отказались бы вот так выйти: что я, клоун, что ли? И мне, помню, говорили: «Ты серьезный человек, Юра, чего ты дурака валяешь, пора уgomониться!» Значит, такие мы, неугомонные, — Лавров, Торкунов и ваш покорный слуга. И делаем это с огромным удовольствием!

Кстати, если бы Анатолий Васильевич не стал ректором МГИМО, академиком, он обязательно ушел бы в театр и был бы выдающимся актером! Он от природы удивительно артистичный человек. В его игре есть стиль, он знает меру, никогда не переигрывает. Когда я сидел с ним рядом и наблюдал, какой восторг зрителей вызывала его игра, я понял, что Толя — прирожденный артист. Кстати, этот дар сочетается у него с прекрасным чувством юмора, которое не захлестывает его, как, например, меня (я ради красного словца не пожалю ни отца, ни мать), он сдержаннее. И у него всегда есть шутка — и для коллег на совещаниях, и для друзей, с которыми Анатолий Васильевич встречается. Он всегда остроумен и весел, он очень теплый товарищ.

Что я хочу ему пожелать? Анатолий Васильевич, пока мои внуки не вырастут и не поступят в МГИМО, ты не имеешь права уйти на заслуженный отдых. Рано расслабляться, надо продолжать руководить нашим любимым МГИМО!

1967 год. Выпускной десятый класс. А. Торкунов — четвертый слева в верхнем ряду

«Предупреждаем, место дикое, степь, жара, трудностей будет много. Поэтому не принуждаем. Никто не испугался? Тогда вперед — делать прививки от энцефалитного клеща!»

«Раскачки никакой не было, — вспоминает Николай Грановский. — Высадившись из автобусов, мы сразу же начали плотницкие работы, к которым, вообще говоря, не были приучены. Из шпунтованных струганых досок сбивали настилы, служившие полом, затем натягивали палатки, внутри которых ставили по четыре кровати». В общем, получился такой гарнизончик — три вагона и шесть палаток.

Место, где отряду предстояло трудиться, было изумительным по красоте. Плоская как стол на десятки километров равнина. А повернешь голову на север — Саяны, горы, которые вырастают будто рядом, как декорация, задник. Снежные вершины — четырехтысячники — неопикуемой красоты. Они манили, но были далеки, как мираж.

Хакасская степь обладала каким-то потрясающим плодородным слоем, глубиной 20–30 сантиметров. Его-то и нужно было возделывать, обводнять путем строительства Койбальской системы оросительных каналов. Их нарежали огромными фрезами — глубиной два и шириной три метра. Стройотряд должен был строить на них перемычки, которые регулировали бы поток воды.

А. Торкунов: «Я ничего про МГИМО не знал, пока мне о нем не рассказал Жора Петров, который жил в соседнем дворе на Велозаводской улице и ходил в ту же 508-ю школу, что и я. Он мне рассказал, и я заинтересовался»

Днем в степи было очень жарко. Спасало только то, что вокруг текло большое количество ручейков. Можно было скинуть с себя все и полежать в холодном потоке. Это, кстати, решало вопрос гигиены, так как в баню их возили в Кирбу раз в неделю.

Почти сотня мгимовцев — «надежда мира, цвет страны», как пелось в одной из тогдашних песен, — была на особом контроле у местных властей. Среди стройотрядовцев были номенклатурные дети (отец Юрия Попова, например, был замминистра культуры), поэтому партийное руководство области считало своим долгом навещать в мгимов-

ский лагерь. «Как-то к нам приехал третий секретарь Хакасского обкома — видимо, с намерением провести идеологическую работу, — вспоминает Анатолий Торкунов. — Первым делом он спросил: «Скажите, среди вас бутылки есть?» Он хотел сказать «битлзы», группа «Битлз» ведь считалась «орудием идеологической борьбы Запада». Вот такой «высокий» уровень культуры был тогда у местного партийного руководства».

Как писал тогда в «Международнике» Сергей Лавров, «и труд, и общественная деятельность студентов получили высокую оценку. Доказательство этому — награды Бейского райкома партии, обкома и райкома ВЛКСМ, управления треста «Хакасводстрой», представления бойцов отряда к награждению грамотами ЦК и МК ВЛКСМ. Андрей Вдовин, Саша Догадин, Саша Жирков, Витя Котов, Олег Кутаков, Женя Макеев, Юра Осипов, Толя Степкин, Толя Торкунов, Леша Федотов, Слава Шумский — на этих ребят равнялся наш отряд и в работе, и в отдыхе».

Улетели студенты МГИМО домой в конце августа. В самолете им выдали зарплату. Небольшую — 130 рублей.

Потом, уже через день после возвращения в Москву, группа стройотрядовцев собралась на проспекте Калинина в пивном баре «Жигули», чтобы обмыть зарплату.

Стройотрядовцам дали отпуск до 10 сентября, некоторые съездили от-

дохнуть в Крым. А в октябре состоялось подведение итогов, которое провели в кафе «Ангара» на Калининском проспекте. Всех наградили почетными грамотами, причем их привезли из Хакасии, а МГИМО получил благодарность.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

«Судьба человека зависит в основном от двух факторов — обстоятельств и близких людей, уважаемых и любимых, — говорит **Рудольф Додельцев, профессор кафедры философии им. А. Ф. Шнишкина МГИМО.** — Они-то во многом и формируют его личность и жизненный путь. С друзьями Анатолию Васильевичу повезло. До сих пор, спустя полвека, помню его одноклассников В. Политова и А. Федотова — юношей, безусловно, очень талантливых и достойных, добившихся к тому же немалых успехов на службе. Да и в целом академическая группа была, что называется, не хухры-мухры. Помню, году в 1970-м кто-то из них, возможно Анатолий Васильевич,

«спасибо матери с отцом», с личной скромностью, реалистичной самооценкой и умением направить свое честолюбие в подходящее дело. Да и человеческие данные у него были неординарные: он не только прекрасно учился, но и умел общаться с другими людьми, приобрел немалый опыт в административных делах и в итоге оканчивал МГИМО в качестве замсекретаря комитета комсомола.

Подходящий надежды выпускник поинтересовался тогда, что я думаю о предложенной ему должности помощника ректора. Ничтоже сумняшеся я ответил, что вижу его будущее прежде всего в науке. Он же предпочел административную работу, пояснив, что она не мешает ему написать диссертацию. Так оно и вышло. А поступил он по-моему — я не смог бы заканчивать свою профессиональную жизнь под теплым крылом своего бывшего студента. А если серьезно, то А. В. с младых лет неплохо знал, чего он хочет, и, как правило, умел добиваться этого. Так что хотя еще пару раз,

оказываясь на распутье, он обращался ко мне вроде бы за советом, но поступал по-своему — и получалось лучше».

«С Анатолием Васильевичем, тогда просто Толей, мы познакомились на одном из традиционных мгимовских вечеров, — рассказывает **Александр Борисов, профессор, доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посланник.** — Тогда я был в аспирантуре, а он совмещал учебу на старшем курсе с ответственной работой в комитете комсомола МГИМО и отвечал за организацию молодежных мероприятий. Потом я узнал, что мы с ним родились в один день — 26 августа, правда с разницей в пять лет (в его пользу)!

Это был по-мгимовски веселый и шумный вечер. Часть пригласительных билетов обычно вручали у входа в соседний иняз самым привлекательным девушкам, чтобы оживить наш в те годы суровый «мужской монастырь». Девушек у нас действительно было очень мало, и один из наших ректоров даже называл студенток МГИМО «декоративным полом».

ПОЛЬША

Георгий Петров: «В 1969 году наши с Толей пути снова пересеклись — нас свел стройотряд. Мы стали бойцами первой студенческой стройбригады, которая выехала за границу — в Польшу. Бойцами мы были уже опытными: Толя отработал вместе с Сергеем Лавровым в Абакане, а я годом раньше в Шушенском построил птицефабрику.

поинтересовался моим отношением к Солженицыну, которого секретарь ЦК КПСС уже обозвал «свихнувшимся писателем». Каким-то чудом я, проявив несвойственную мне мудрость, ответил: «То, что было опубликовано, — замечательно, чего-то другого не читал».

Как и большинству мгимовцев, Анатолию Васильевичу доставало честолюбия (не путать с амбициозностью!), правда, у него оно сочеталось,

СЕРГЕЙ ЛАВРОВ: «В РАЗВЕДКУ С НИМ Я БЫ ТОЖЕ ПОШЕЛ!»

МЖ: Вашей дружбе с Анатолием Васильевичем уже более полувека, ее надежность — высокой пробы. На фронте в таких случаях говорили: «Я с этим человеком пойду в разведку!» Но вам, наверное, ближе мушкетерское «один за всех, и все за одного!»?

С Анатолием Васильевичем нас связывает не одно десятилетие совместной работы, тесного взаимодействия и, разумеется, дружбы.

Она началась еще в стенах родной альма-матер. Плечом к плечу мы трудились в стройотряде. Уже в студенческие годы Анатолий Васильевич демонстрировал редкую способность объединять незаурядных, энергичных и амбициозных людей в сплоченную команду — то, что сегодня называется тимбилдингом. Это качество ему присуще до сих пор. Равно как и повышенная работоспособность, преданность делу, широта мышления и многое другое, благодаря чему МГИМО под его руководством является одним из флагманов отечественного высшего образования. Так что, отвечая на ваш вопрос, могу сказать следующее: мы уже очень давно с Анатолием

Васильевичем в дипломатии, где действуют по принципу «один за всех, и все за одного!». Но и в разведку с ним я бы тоже пошел!

МЖ: Как бы вы охарактеризовали феномен МГИМО, который сумел на протяжении всей своей 75-летней истории, пережив крутой слом эпох, не только сохранить уникальный бренд и качество образования, но и нарастить мощности, выйдя на международный рынок образовательных услуг? Роль Анатолия Васильевича Торкунова в истории института невозможно переоценить — как бы вы ее определили для себя?

МГИМО действительно во многом уникальный вуз. Он был создан в суровые годы Великой Отечественной войны. Важную роль в его становлении сыграли выдающиеся ученые и педагоги, сформировавшие свои научные школы в лучших традициях российского и мирового образования. Сегодня из полутора тысяч сотрудников МГИМО более девяносто имеют ученые степени, двадцать являются членами Российской академии наук.

Осуществляя подготовку высококлассных специалистов-международников, МГИМО играет ключевую роль в кадровом обеспечении отечественной дипломатической службы.

И конечно, все значимые перемены последних тридцати лет тесно связаны с именем А. В. Торкунова. Назову лишь некоторые из них: основание Эндаумент-фонда (Фонд развития МГИМО), налаживание взаимодействия с бизнес-сообществом, приобретение статуса автономной образовательной организации, создание двух филиалов (в 2015 году — Одинцовского и в 2019 году — Ташкентского), новых факультетов и институтов, введение совместных образовательных программ с ведущими зарубежными вузами. Анатолий Васильевич с его неиссякаемой энергией и обширным профессиональным опытом, безусловно, внес неоценимый личный вклад в успешную реализацию всех этих начинаний.

МЖ: «Загоризонтное» мышление, креативность, стремление к инновационности всегда были главными качествами выпускника МГИМО. Анатолий Васильевич в полной мере обладает ими, не случайно МГИМО постоянно находится на переднем крае перемен в образовательной сфере. Анатолию Васильевичу исполняется 70, МГИМО недавно исполнилось 75 — что бы вы пожелали ему в контексте нашего общего юбилея?

Можно без преувеличения сказать, что бренд МГИМО — это результат многолетних слаженных усилий всего дружного коллектива института под чутким руководством А. В. Торкунова. Благодаря им наш вуз сберег свои традиции, уверенно и быстро развивается, расширяет международные связи. А. В. Торкунова можно смело назвать отцом-основателем нынешней модели МГИМО. Его деятельность по достоинству оценена руководством страны, о чем свидетельствуют многочисленные государственные награды. От души поздравляю Анатолия Васильевича с юбилеем, желаю крепкого здоровья, благополучия и, конечно, новых успехов в труде на благо Отечества!

Фото предоставлено ДИП МИД РФ

Мы уже очень давно с Анатолием Васильевичем в дипломатии, где действуют по принципу «один за всех, и все за одного!». Но и в разведку с ним я бы тоже пошел!

1969 год. Краков (Польша). Работа в составе
стройотряда: А. Торкунов, Г. Петров, Ю. Исаков

В Кракове нам предстояло строить гараж для автобусов. Нас было 15 человек, разбитых на три группы. Я был комиссаром одной из них, а в группу рядовыми бойцами входили Толя, его сокурсник Юра Исаков (его последний пост — посол России в Болгарии) и еще два товарища. Задачей нашей было укладывать бетон, а нашей мечтой — заработать достаточно денег, чтобы поехать потом по стране. Но очень скоро мы поняли, что этой мечте не суждено сбыться: в день к нам приходила всего одна машина с бетоном. Тогда мы собрались на совет, и кто-то (мне кажется, это был Толя) предложил позвать нашего прораба в общежитие и угостить его. Мы купили закуски, выставили водку (у нас было несколько бутылок из Москвы), посидели хорошо с этим прорабом, дали ему еще в подарок бутылку. А со следующего дня машины с бетоном приходили с интервалом в час! Только мы укладывали одну машину, как уже приходила другая, и мы за месяц заработали сумму, которая позволила нам неделю путешествовать по Польше с юга на север. Мы побывали в трехграде Труймясто (Гданьск, Гдыня, Сопот), Закопане, Варшаве и других городах, посещали студенческие дис-

А. Торкунов:
«Польский рабочий стал нас нахваливать: «Какие вы замечательные ребята, а вот наши студенты не очень уважительно относятся к рабочему классу. А мы видим, как вы работаете, давайте зайдем выпьем по одной!»»

котеки, кафе, пили коктейли, которых в Москве не было».

«Конечно, я хорошо помню Польшу, — говорит **Анатолий Торкунов**, — это была первая поездка за границу. После работы мы несколько раз вечерами ездили на студенческие дискотеки в заведение «Под Ящурами», где играл джазовый ансамбль, а мы танцевали с польскими девушками, ну и нашими из отряда.

Как-то Юра Исаков получил от польских строителей премию. И мы поехали в город, а в трамвае оказались с рабочим, который работал с нами. И он стал нас нахваливать: «Какие вы замечательные ребята, а вот наши студенты не очень уважительно относятся к рабочему классу. А мы видим, как вы работаете себя не жалея, давайте зайдем выпьем по одной». В Польше в то время были распространены рюмочные, какие потом и у нас появились. Ну у нас премия, зашли. Там давали по 50 граммов и яйцо под майонезом. Ну мы по одной, второй, третьей, не заметили, как рабочий уже ушел давно. Тогда решили, раз мы в Кракове, надо обязательно пойти к памятнику советскому солдату и возложить цветы. В общем, на остатки денег купили букет красных роз и пошли к памятнику. А он был огорожен цепью, пришлось, чтобы возложить цветы, перешагнуть через нее. И тут вдруг появился полицейский. Узнав, что мы студенты стройотряда, он не стал ничего предпринимать, и неприятностей у нас не было. Вообще, общение с поляками было прекрасное, мы дружили не только с рабочими, но и с польскими студентами, которые в соседнем отряде работали».

А. ТОРКУНОВ: «Что было значимого в 70-е? Шаг в большую жизнь. Женитьба. Очень большая и тяжелая работа в МГИМО»

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Анатолий Торкунов: «Когда мне дали корейский, реакция у родителей была, конечно, не очень... Они ведь не были особенно искушены в международных делах, особенно мама. Она сказала: «Уж лучше бы японский!» Но ничего не поделаешь. Не могу сказать, что я вгрызался в этот язык. У меня была твердая четверка. А госэкзамен я сдал уже после

вера, что вот-вот придет светлое будущее... Нас было довольно много — две группы с МЭО и МО, а также ребята, которые учились в институте Ким Ир Сена».

КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Анатолий Торкунов: «Работа на должности секретаря комсомольской

областью и Польшей. Это и огромная организационная работа, в том числе культмассовая. Много было студенческих вечеров, включая капустники, где мы допускали насмешки над окружающей действительностью, за которые нам могли дать по шапке, но никто нас к ответственности не привлекал: нам удавалось держаться в идеологических рамках, не таких, кстати, строгих.

практики в Северной Корее — на пятерку. Приехав в Пхеньян, я понимал то, что говорили по телевизору, переводил публикации, вел и устный перевод. Мы, к сожалению, мало общались с корейцами (им было запрещено разговаривать с иностранцами), так что встречались только в ресторане. Было три ресторана, куда мы, молодые дипломаты и работники торгпредства, ходили с ними общаться. Девчонки-официантки были симпатичные, все улыбались. В начале 70-х в северокорейском обществе еще ощущался подъем. Хотя существовало карточное распределение, все же была

организации МГИМО была хорошей школой. Наша организация действовала на правах райкома, и в Ленинском райкоме мы играли довольно большую роль, я был его членом. Мы вели огромную работу, одни стройотряды чего только стоили: каждый год по 500–600 мгимовцев выезжали по всей стране, начиная от Курильских островов (помню, на Шикотане отряды были) и кончая Калининградской

Но инциденты случались. Так, в самый разгар кампании по борьбе с Солженицыным руководству института стало известно, что мой сокурсник

Сережа Плеханов поддерживал связь с Александром Исаевичем, ездил к нему в Рязань, читал его книги, считавшиеся антисоветскими, давал читать их другим товарищам. И ему были предъявлены соответствующие обвинения. Администрация поставила вопрос так: будем отчислять. А для этого Плеханова

А закончилась вся эта ситуация довольно смешно. Когда наутро я пришел в институт, первым, кого встретил на лестнице, был, как назло, начальник отдела кадров. «Ну, — спрашивает он, — как вчера прошло заседание?» Я говорю: «Долго обсуждали». «И что, исключили?» — «Нет, не исключили».

надо было сначала исключить из комсомола. И вот мне выпало провести заседание комитета комсомола по этому вопросу. Я работал еще только замом секретаря (полного секретаря комитета у нас в то время не было). В кадрах, не замеченных в либерализме (там всегда работали представители соответствующих служб), мне сказали: человек, который распространяет Солженицына, не может состоять в комсомоле. Причем факультетский комитет его уже исключил. А мне еще намекнули: смотри, ты кандидат в члены партии, должен по-партийному к этому вопросу подойти, а то могут из кандидатов в члены-то не перевести...

Я ночь не спал, переживал. И никогда не забуду то пятичасовое заседание комитета, на котором даже разгорелась интересная дискуссия о репрессиях и роли Сталина. Но обсуждать это полноценно мы могли, лишь прочтя Солженицына, а мы его не читали. Поэтому и обвинения наши были какие-то невнятные. И я все думал: как-то все это несправедливо, даже глупо, потому что у Плеханова были свои справедливые резоны... В итоге у меня рука не поднялась проголосовать за его отчисление. Объявили строгий выговор.

Как комсомольский лидер, я видел своей миссией защищать студентов. Когда речь шла об отчислении, всегда выступал, так сказать, ходатаем перед администрацией, считал необходимым дать студенту шанс

Ответ меня поразил: «Ну не исключили и не исключили!» Время было тогда еще мягкое... Кстати, Плеханов сам ушел из института, перешел в литературный, окончил его, сейчас успешный писатель. А мы его считаем своим сокурсником, и когда собираемся всем курсом, он всегда приходит. Я с ним поддерживаю товарищеские отношения, хотя вроде работал инструментом репрессии, от которого он чуть не пострадал... Вообще, как комсомольский лидер, я видел своей миссией защищать сту-

дентов, отстаивать их права. Когда речь шла об отчислении, всегда выступал, так сказать, ходатаем перед администрацией, считал необходимым дать студенту шанс».

«Когда я поступил в МГИМО в 1970 году, — говорит **Владимир Грачев (МО, 1975), заместитель руководителя аппарата Центральной избирательной комиссии РФ**, — Анатолий Васильевич уже учился в институте, работал в комитете комсомола, а меня избрали членом ревизионной комиссии. Мне там не очень нравилось, и когда Толя заменил прежнего секретаря, он помог мне уйти из комиссии. Я стал комсоргом первой академической группы своего курса. Так начались наши близкие товарищеские отношения, которые длятся уже 50 лет.

Анатолий Васильевич стал секретарем комитета комсомола МГИМО в очень непростое время. После ухода с поста его предшественника ему пришлось восстанавливать авторитет и престиж комитета, что он успешно и сделал. Благодаря трудам и умению работать с людьми он полностью ликвидировал накопившийся негатив и направил работу комитета в новое позитивное русло. Больше того, комитет в период Толиного руководства стал кузницей лидеров, из него вышло довольно большое количество интересных людей, не говоря о самом Анатолии Васильевиче, который после окончания МГИМО остался в институте, став к тому времени общепризнанным авторитетом.

Анатолий Васильевич — очень верный друг и товарищ, его отличает умение дружить и строить отношения с людьми — качество, которое присуще даже не всем дипломатам. Я не помню, чтобы мы с ним когда-либо ругались или попадали в недоразумения. А жизнь-то мы прошагали долгую и много работали вместе!

Успех Анатолия Васильевича я бы объяснил его трудоспособностью, целеустремленностью и верностью тем идеалам, которые он исповедует. А идеалы эти весьма просты: какую бы должность он ни занимал, какую бы крупную общественную работу ни вел, он относился и относится к категории державников, государственников, будь то государство под названием МГИМО или государство в широком смысле — Россия.

Но самое главное его качество — исключительная порядочность. Анатолий

**ИЛЬЯС МАГОМЕД-САЛАМОВИЧ
УМАХАНОВ**
(МО, 1979)
заместитель Председателя Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Одно из важных событий в моей жизни произошло в марте 1974 года. Тогда я твердо решил поступать в МГИМО. Надо сказать, что решение принималось не без подсказки моих старших товарищей, которые там учились. В период каникул приехал из Махачкалы в Москву, чтобы узнать, какие документы нужно собирать, какие экзамены предстоит сдавать. МГИМО

Анатолий Васильевич четко обрисовал мне первоочередные задачи, просто и ясно объяснил, как именно я должен готовиться к экзаменам. От него я узнал много важного и полезного. Например, выяснилось, что необходимо было взять рекомендацию из обкома комсомола. Для провинциального паренька пообщаться с самим помощником ректора МГИМО — событие почти космического

масштаба. Неудивительно, что оно запомнилось на всю жизнь. Вот с тех самых пор мы с Анатолием Васильевичем, можно сказать, и не расстаемся. Когда я был студентом, он очень ненавязчиво, деликатно интересовался, как идет учеба. Если все было в порядке, говорил что-то одобрительное, поощрительное: «Молодец!» Я старался не подводить, с первого курса учиться на отлично, ориентируясь на получение красного диплома. Так мы не прерываем наших добрых дружеских отношений в течение последних 46 лет. И как удивительно складывается жизнь: когда-то Анатолий Васильевич наблюдал за моими успехами в учебе, а теперь я член наблюда-

как кузница дипломатических кадров для всего мира уже тогда имел фантастически высокую репутацию. Естественно, хотелось пообщаться со знающим человеком, который мог бы рассказать мне о правилах поступления, факультетах, ну и ответить на возможные вопросы. Тогда мне посчастливилось познакомиться с молодым аспирантом кафедры истории и культуры стран Азии и Африки МГИМО, который недавно был назначен помощником ректора и одновременно вел преподавательскую работу. Им оказался Анатолий Васильевич Торкунов.

Когда-то Анатолий Васильевич наблюдал за моими успехами в учебе, а теперь я член наблюдательного совета МГИМО и с удовольствием наблюдаю за успехами альма-матер

тельного совета МГИМО и с удовольствием наблюдаю за успехами нашей альма-матер. Без всяких сомнений могу называть Анатолия Васильевича старшим другом и верным товарищем. Настоящая мужская дружба не должна зависеть от конъюнктуры или кресла, которое кто-то в данный момент занимает. Показательно, что независимо от того, на какой позиции находится его друг, Анатолий Васильевич никогда не прерывает с ним отношений. То, что наша дружба не «с креслом», а «с человеком», я знаю очень хорошо, потому что сам некоторое время был, что

называется, на вольных хлебах, но отношения наши не прекращались. В последние годы наше общение связано с деятельностью либо МГИМО, либо Совета Федерации или

У нас на Кавказе мужчина в 70 лет, конечно, уже не юноша. Репутация, авторитет, солидность приходят с годами. Поэтому у Анатолия Васильевича все впереди

с какими-то общественными делами. Анатолий Васильевич является членом Президиума Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации, членом Правления Интеграционного клуба, который вместе с Валентиной Ивановной Матвиенко создавал Евгений Максимович Примаков. Несмотря на свою грандиозную занятость, Анатолий Васильевич всегда старался активно работать в этих структурах, всегда шел навстречу, является надежной опорой нашего общего дела. Анатолий Васильевич очень много де-

лает для нашей страны, для университета, для того, чтобы кадровый потенциал дипломатической службы был на самом высоком уровне. Это достойно уважения и продолжения. Анатолий Васильевич — один из самых авторитетных российских академиков, я это могу с уверенностью заявить, поскольку мы с ним состоим в Совете по науке и образованию при Президенте Российской Федерации, а он входит в состав президиума. Невозможно не видеть, с каким искренним и глубоким уважением относятся к нему его коллеги.

Я с огромной симпатией и уважением отношусь к семье Анатолия Васильевича, к его добрым делам. У нас на Кавказе мужчина в 70 лет, конечно, уже не юноша. Репутация, авторитет, солидность приходят с годами. Поэтому у Анатолия Васильевича все впереди. И я от всего сердца желаю ему подлинно кавказского долголетия, чтобы и некоторое время спустя мы смогли твердой рукой поднять бокалы за столетний юбилей нашей дружбы. Анатолий Васильевич, поздравляю, желаю крепкого здоровья и всего самого доброго!

Васильевич, пожалуй, единственный человек, который даже в самые сложные для ректора Николая Ивановича Лебедева годы всегда помнил, что он был у него помощником и многим ему обязан в своем становлении. Не случайно ни одно мгимовское ме-

а о самостоятельных лекциях можно было только мечтать — это была настоящая привилегия! Заседания кафедры были сродни научным симпозиумам, на них можно было услышать очень много интересного, о чем нигде не прочитаешь.

между традиционалистами и модернистами — возможно, не менее жаркие, чем в западных университетах. В результате появилось уникальное подразделение — Проблемная лаборатория. Так формировался профессионализм. В годы учебы в аспирантуре Торкунов

роприятие не обходится без Николая Ивановича, который, слава богу, пребывает в добром здравии».

АСПИРАНТУРА

«Анатолий Васильевич Торкунов поступил в аспирантуру по кафедре истории и культуры стран Азии и Африки ИМО в 1972 году, — делятся своими воспоминаниями *Татьяна Алексеева, Ольга Русакова и Наталья Капитонова, в 1970-е годы аспирантки кафедры истории МО и ВП СССР*. — Сказать, что стать аспирантом было трудно, значит ничего не сказать. Ему давался шанс приобщиться к «великим» и только со временем, может быть, стать одним из них. Дистанция между вчерашним студентом и будущим ученым и преподавателем была значительно больше, чем сегодня. Аспирант получал возможность, но еще должен был доказать право своего реального участия в кафедральных делах. Например, первый семинар, который тебе доверяли провести, был как боевое крещение,

В. Грачев: «Какую бы должность А. В. Торкунов ни занимал, он относился и относится к категории державников, государственников, будь то государство под названием МГИМО или государство в широком смысле — Россия»

Особенно ярко это проявилось, когда появилась группа ученых (М. Хрусталева, А. Злобин, И. Тюлин и другие), впервые начавших применять количественные методы анализа международных отношений. Это были, так сказать, наши собственные Вторые Великие дебаты

стал помощником ректора, да еще какого! Николай Иванович Лебедев — фронтовик, крупный историк, человек, для которого институт был любимым детищем, а не просто местом ожидания очередного посольского назначения. И это была уникальная организаторская, профессиональная и этическая школа. Кстати, самих кафедр было очень мало. И возглавляли их не просто заведующие, а ведущие, широко признанные ученые, настоящие, а не формальные главы научных школ. Кафедру истории и культуры стран Азии и Африки возглавлял в то время выдающийся историк-востоковед А. В. Меликсетов. Хорошо помним длинные полки в кабинетах и читальне, заполненные книгами наших профессоров и доцентов (и никакой «Скопус» не требовался). Сегодня иной раз можно услышать: все написанное в те годы — сплошная идеология. Конечно, это вовсе не так! Да, сочинения советского времени в обязательном порядке содержали ссылку на очередной пленум ЦК и речь генсека, но — на пер-

вой и последней страницах, все остальное было настоящей большой наукой. Лучшие работы продолжают оставаться востребованными, и не только среди историков. Если перефразировать Жванецкого, есть вузы-события, а есть вузы-явления. МГИМО, безусловно, был явлением. Не только потому, что находился на острие политики сверхдержавы, но и в силу своего влияния на советский социум, прежде всего в силу высочайшего качества образования, страсти к международной политике и глубоко осознанного патриотизма. Говорят, много званных, да мало избранных. Званных было в то время совсем немного. Но стать среди них избранным значило, что аспиранта заметили даже среди многих очень достойных. А это уже не могло быть случайностью. Анатолий Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление и развитие военно-бюрократического режима в Южной Корее (1961–1976 гг.)» — за этими скупыми строчками из биографии стоит очень многое, жизнь со своими радостями, успехами и мелкими неприятностями (без которых она превратилась бы просто в лубок)». **ЖЕНИТЬБА, СЕМЬЯ** «Со своей женой Ириной я познакомился в юности, в общей компании, — говорит *А. Торкунов*. — Это был 1972 год, а через два года мы поженились. Она окончила Мерзляковскую школу для музыкально одаренных детей по классу фортепиано, училась в Гнесинском институте, а потом долгие годы преподавала фортепиано в педагогическом университете. У нас есть дочка и внуки. Дочь Катя окончила МГИМО, работает у нас в институте на кафедре европейского права. Она некоторое время проработала в Страсбурге в Международном суде по правам человека, но не захотела там остаться, хотя ей предлагали постоянный контракт, вернулась на родину. И я считаю, правильно сделала. Потому что здесь она вышла замуж за хорошего человека Сергея и родила двух великолепных, красивых внуков — старшего, Ваню, и младшего, Васю, которого родители называли в честь моего отца. А кроме того, он родился в день Василия Великого, почитаемого на Руси святого. Семья — это основное, что должно быть в жизни каждого человека. Это твоя жизнь, опора, твоё прошлое, настоящее и будущее».

ПОМОЩНИК РЕКТОРА

«Помощником ректора я стал при Александре Алексеевиче Солдатове, — вспоминает *А. Торкунов*, — а потом меня «унаследовал» Николай Иванович Лебедев. До этого я был секретарем комитета комсомола института, членом ректората и благодаря этой должности в принципе хорошо знал институтские механизмы еще со студенческих и аспирантских времен. Когда на должность ректора пришел Николай Иванович Лебедев, он на третий день предложил мне остаться помощником. Я ответил согласием и считая, что мне повезло. Школа, которую я получил в этой должности, была важна. Он человек волевой, интересный, жесткий, и опыт, который я приобрел в работе с ним, довольно большой. К тому же он меня потом выдвигал: в 27 лет я стал деканом, в 29 лет — проректором, что считалось по тогдашним возрастным меркам беспрецедентным. Помощник ректора был, по существу, универсалом, мне приходилось заниматься всем, ведь ректор в те годы, как правило, не принимал внешних, а зачастую и внутренних записавшихся к нему на прием людей, прежде чем с ними не побеседует помощник. Приходилось разруливать много вопросов, которые были связаны и с преподавательскими, и со студенческими судьбами; много приходилось писать. Позже, когда я работал в посольстве

Семья — это основное, что должно быть в жизни каждого человека. Это твоя жизнь, опора, твоё прошлое, настоящее и будущее

в Вашингтоне, я получил школу написания телеграмм, освоил умение коротко, телеграфно изложить свои мысли и предложения. В МГИМО школа была абсолютно иной, связанной главным образом с академическим и бюрократическим письмом. Это была школа активного общения. В здании на Метростроевской я сидел не в приемной, а в отдельном кабинете, но дверь никогда не закрывалась, с утра до вечера шел поток людей, что создавало для меня огромные проблемы: времени на подготовку кандидатской было катастрофически мало. К тому же учился я в заочной аспирантуре, в итоге у меня получилось ее написать не за три, а за четыре с половиной года. Приходилось заниматься и политическими вопросами, хотя политика эта была зачастую надуманной. Например, как-то к нам поступила информация о том, что выходит фильм «Чудо

НИКОЛАЙ ЛЕБЕДЕВ: «А. В. ТОРКУНОВ — ГОРДОСТЬ НАШЕГО ИНСТИТУТА»

МЖ: Николай Иванович, вы в 1969 году стали деканом факультета международных отношений. Помните ли вы Анатолия Васильевича как студента?

Да, я его помню. Потому что он поступил в МГИМО в 1967 году, а окончил в 1972-м. Через два года я стал ректором. Анатолий Васильевич отличался как студент высоким уровнем интеллектуала, был, если можно так сказать, талантливым лидером молодежи, активно участвовал в комсомольских отрядах, строительных отрядах. Конечно, сказать, что я внимательно в тот период следил за ним, было бы преувеличением: студентов было много. Но тем не менее он выделялся среди студенческой массы этими качествами.

МЖ: Сразу после окончания института Анатолий Васильевич стал работать в качестве вашего помощника. Как бы вы оценили его работу?

Я должен сказать, что как помощник

Анатолий Васильевич, как говорят в таких случаях, современный тип руководителя, в котором органически сочетаются талант профессионала и ученого

он оказал мне очень большую помощь в начальный период работы. Он высокоорганизованный человек, четко выполняющий поручения, хорошо умеющий налаживать отношения с людьми. При нем я чувствовал себя, как говорят, всегда в курсе событий.

МЖ: Вы уже тогда понимали, что он свяжет свою жизнь с МГИМО или

все-таки пойдет по дипломатической линии?

Мы отмечаем 70-летие Анатолия Васильевича, и я хотел бы дать ему свою оценку. Он, как говорят в таких случаях, современный тип руководителя, в котором органически сочетаются талант профессионала и ученого. Эти качества он при мне уже в какой-то степени, в зародыше, несомненно, проявлял. Я помню период, когда Анатолий Васильевич начинал помощником. Он себя очень хорошо зарекомендовал, и я продвигал его по административной линии. Он фактически стал самым молодым деканом факультета по работе с иностранными студентами — если я не ошибаюсь, в возрасте 26 лет. Он был самым молодым проректором по международным связям в возрасте примерно 30 лет. Высокие качества руководителя и интеллектуала четко проявлялись в тот период. Я видел в нем, несомненно, человека большого будущего и поэтому старался не создавать трудности для его продвижения. И когда Анатолий

Васильевич попросил меня отпустить его на дипломатическую работу, я не задумываясь его отпустил, хотя лишился очень талантливого помощника. И он успешно себя зарекомендовал как дипломат высокого качества. Я увидел в нем человека с большим будущим и поэтому попытался сделать все, чтобы его лучшие качества полностью проявились. И я не ошибся, наряду с Сергеем Викторовичем Лавровым Анатолий Васильевич Торкунов, вне всякого сомнения, является гордостью нашего института. И я горжусь ими как своими выпускниками.

МЖ: Как бы вы оценили роль Анатолия Васильевича в истории МГИМО, которому в этом году исполнилось 75?

Талантливый администратор, видный ученый и политик, Анатолий Васильевич осуществил поистине революционные преобразования и превратил МГИМО в университет мирового уровня. Я и раньше отдавал дань той большой роли, которую он сыграл в жизни альма-матер. МГИМО стал самостоятельным и самодостаточным учебным заведением, оставаясь при этом в системе МИДа.

Торкунов перестроил институт, превратил в университет европейского типа, что признается и иностранными студентами, количество которых кратно возросло

Торкунов перестроил институт, придал ему нынешний вид, сделал из обычного, можно сказать, вуза университет мирового международного европейского типа, что признается и иностранными студентами, количество которых кратно возросло. Я горжусь тем, что институт стал таким авторитетным в мировой науке среди других центров Европы и мира. Я хотел бы пожелать Анатолию Васильевичу, во-первых, здоровья. В трудное время, которое мы сейчас переживаем, это важное пожелание. Во-вторых, долголетия и продолжения руководства институтом, которое он так блестяще осуществляет.

Середина 70-х годов. Ректор МГИМО Н. И. Лебедев и его помощник Анатолий Торкунов

Помощник ректора был универсалом, приходилось разруливать много вопросов, в том числе связанных и с преподавательскими, и со студенческими судьбами

с косичками» — про юную гимнастку. За ней ухаживал один парень, студент МГИМО, который потом ее бросил. Но когда она стала чемпионкой на турнире где-то за границей, он ей позвонил, мол, я тоже здесь нахожусь, прохожу практику, готовлюсь к дипслужбе. Было принято решение ехать на «Мосфильм» — смотреть этот кусок фильма, чтобы решить, дискредитирует он МГИМО или нет. И мне пришлось съездить на Мосфильмовскую. Хотя какой смысл вообще обращать на это внимание? Глупость какая-то, политика, высосанная из пальца... Но такими были времена. Другой случай довольно известный, связан со стихотворением «Дитя-злодей», сочиненным Евгением Евтушенко, там было про тогдашних мажоров. Но поэт все смешал в кучу: и МГИМО, и иняз, и дачи на Ильинке, где был поселок Совмина и ЦК. Общий тон был несправедливым, поэтому группа товарищей из числа выпускников со-

Конец 90-х годов. Н. И. Лебедев с ректором МГИМО А. В. Торкуновым и первым проректором И. Г. Тюлиным

чинила стихотворный ответ, в который я тоже внес вклад. Он был опубликован в «Комсомольской правде». Я знаю, что Евтушенко он очень не понравился. «Работа с Николаем Ивановичем, — говорит профессор МГИМО Александр Борисов, — могла научить и наверняка научила Анатолия, который при нем стал самым молодым деканом, а потом и проректором, великому искусству уметь ладить с людьми, прислушиваться к их мнению, не обижать подчиненных.

Всем был хорош Николай Иванович, к которому и я сохранил по сей день самые теплые чувства, хотя как декан факультета МЖ не раз получал от него нагоняй, порой и в порядке профилактики. Помню, один наш завкафедрой жаловался мне, мол, «захожу к нему в кабинет как в клетку с тигром», а злые языки утверждали, что выходит он оттуда всегда по-восточному, пятясь к двери задом. Такие были времена. Но было у Николая Ивановича большое достоинство: он ценил способных людей и не любил дураков, что было редким качеством на закате советской системы».

ПРОРЕКТОР
«Самостоятельная работа в качестве декана по иностранцам, — вспоминает *Анатолий Торкунов*, — доволь-

но непростой период, поскольку их в МГИМО в те годы училось тысячи полторы, то есть почти треть, причем это выходцы из самых разных стран, очень разные люди, поэтому приходилось решать массу вопросов, начиная с жизни в общежитиях и кончая трагическими случаями (помню, кто-то поехал купаться за 100 км от Москвы и утонул — и надо было ехать на это место). Напряженная была работа, так что поначалу переезд в Вашингтон показался облегчением».

Дорогому
Анатолию Васильевичу Торкунову,
верному и надежному другу,
в честь его 70-летия
посвящается

Узор судьбы твоей прекрасен —
Есть чем гордиться, дорожить!
Прошедших лет девиз твой ясен —
Своим умом привык ты жить.

В делах твоих всегда надежность,
Есть и напор, и импровиз.
Искал любую ты возможность
Помочь друзьям, кто падал вниз.

В свой юбилейный день рождения
Ты бодр, свеж и полон сил!
Прими, друг Толя, поздравленья
От тех, кто верил и любил!

Торкунов Анатолий — звучит как пароль
Для людей, с кем он вместе учился.
Судьба отвела ему лидера роль,
Вызов этот принять он решился!

МГИМО полнобил он сыновней любовью —
Как дом, как семью альма-матер ценил.
Друзей настоящих с горячею кровью
Давно на всю жизнь он себе подарил!

Пройдя все ступеньки мгимовского мира,
Познав радость жизни в пенатах родных,
Стал он заслуженно и справедливо
Ректором вуза, что лучше иных!

Как вождь, знавший путь, он повел наше племя
Вперед, в новый век, юрко в компас глядя.
«Отлично» — вердикт ему вынесло время,
Вожак настоящий, и жива душа!

Теперь — академик, наград получатель,
С любимой Ириной по жизни идет,
Но главную радость доставила Катя:
Теперь он на свете счастливейший дед!

Прими, милый Толя, от нас поздравленья!
Живи и будь счастлив и радостью полн!
Друзья тебя любят, нет в этом сомненья,
Иди, не боясь силы жизненных волн!

Обнимаю! Твой

АЛЕКСАНДР
ЗИНЕВИЧ
(МО, 1971)
Вена

АЛЕКСАНДР ПАНОВ
(МО, 1968)
завкафедрой дипломатии МГИМО,
чрезвычайный и полномочный посол

Нашей дружбе с Анатолием Васильевичем скоро будет полвека. Мы познакомились в 1971 году, когда я, вернувшись из командировки в Японию, решил перейти из МИДа в МГИМО. Вообще, в те годы из министерства не уходили, для этого нужны были весьма веские основания. Таким основанием стало приглашение от Арлена Вааговича Меликсетова, завкафедрой истории стран Азии и Африки, написать и защитить кандидатскую диссертацию, а заодно поработать преподавателем.

В это же самое время институт оканчивал Анатолий Васильевич, ставший в следующем, 72-м году аспирантом кафедры. Мы с ним писали каждый свою диссертацию и довольно хорошо себя чувствовали. Шесть лет, которые я там проработал, были одними из самых интересных в моей карьере. Кафедра оказалась очень дружной, много было молодежи. Мы ездили на овощную базу перебирать картошку и капусту, трудились на строительстве нового здания МГИМО на Вернадского — конечно,

не строителями, занимались подсобными работами, убрали строительный мусор. Вместе отмечали праздники, семейные события. Помню, когда у Анатолия Васильевича родилась дочь Екатерина, собирались у него дома.

На кафедре царил атмосфера творчества и в какой-то степени вольнодумства, которая поощрялась Меликсетовым. Это позволило нам написать неординарные диссертации. Так, Анатолий Васильевич исследовал южнокорейские реформы Пак Чжон Хи, которого в Советском Союзе критиковали как жуткого диктатора. Изучив реформы, Анатолий Васильевич сделал вывод о том, что они могут быть довольно эффективными и дадут хороший результат. Так и оказалось: если до 70-х годов Южная Корея сильно отставала от Северной, то после реформ она стала бурно развиваться, и это закончилось «корейским чудом». Анатолий Васильевич оказался прозорлив, хотя далеко не все идеологически настроенные товарищи соглашались с его оценками. Однако в ходе обсуждения на кафедре диссертацию, я помню, очень поддержали.

Моя работа была связана с реформами в послевоенной Японии, которые тоже оценивались у нас довольно критически. А я их как раз оценивал как прогрессивные.

Мы с благодарностью вспоминаем Арлена Вааговича, который, сам вольнодумец, поощрял идеологически не зашоренный анализ. Заразившись этим вирусом вольнодумства, мы с Анатолием Васильевичем даже сейчас, когда редактируем книжки и учебники или статьи вместе пишем, всегда стремимся к неординарным подходам и решениям.

В 1977 году я вернулся в МИД, и в следующий раз наше общение произошло в начале 90-х, когда Анатолий Васильевич приезжал в Корею, где я работал российским послом.

В 1993 году, когда меня назначили заместителем министра, а его только избрали ректором МГИМО, он, как в свое время Меликсетов, предложил мне написать диссертацию, уже докторскую. Я ее написал, защитил и стал доктором, за что очень ему благодарен. Но потом наши пути опять разошлись, я уехал послом

в Японию, правда, Анатолий Васильевич и туда приезжал многократно.

А в 2006 году, когда я закончил свою службу в МИДе и принял предложение стать ректором Дипакадемии, мы с Анатолием Васильевичем стали добрыми партнерами. Я постоянно у него учился. Академия — немного другой организм, там основная задача все-таки переподготовка и подготовка кадров для МИДа. Делать из нее второй МГИМО (а именно этим занимались мои предшественники) было, на мой взгляд, неверно, и я на коллегии МИДа поставил вопрос ребром: мы закрываем первое высшее образование. Это был довольно непростой шаг, оно же было платным и приносило деньги в бюджет.

Присматриваясь к опыту Анатолия Васильевича, я начал вводить курсы по различным предметам международной направленности для сотрудников крупных компаний — «Лукойла», «Аэрофлота», различных министерств, то есть делал то, что уже апробировал МГИМО, открывший базовые кафедры различных корпораций для подготовки специалистов.

У нас с Анатолием Васильевичем возникали различные интересные идеи — помню, мы обсуждали перспективу

создания федерального образовательного центра, который объединил бы МГИМО, Дипакадемию и высшие курсы иностранных языков. Нам это казалось разумным, но в МИДе посчитали иначе, и идея дальше не пошла. С ведома Анатолия Васильевича я приглашал преподавателей с языковых кафедр МГИМО с тем, чтобы они посмотрели, как у нас преподаются языки, дали советы, поделились методиками.

Быть вузовским администратором очень тяжело, я всегда восхищался тем, как Анатолию Васильевичу удалось сохранить профессорско-преподавательский состав и вообще

Став ректором Дипакадемии, я постоянно учился у Анатолия Васильевича. Он отличный администратор, крепкий хозяйственник и умелый финансист

вуз в лихие 90-е. Придя в академию, я старался решать проблему финансирования, перенимая опыт ректора МГИМО, в частности пробовал создать эндаумент, но, увы, ни у меня, ни у моих последователей ничего не получилось — возможно, несколько иной статус Дипакадемии не позволил это сделать. Хотя, думаю, если бы на этом посту оказался Анатолий Васильевич, у него бы все получилось: он отличный администратор, крепкий хозяйственник и умелый финансист. Его гигантская заслуга в том, что он очень крепко поставил финансовое обеспечение МГИМО, создал Эндаумент, применил другие методы, которые позволили поддерживать экономику вуза на должном уровне, платить достойную зарплату преподавателям.

А как Анатолий Васильевич бережет кадры! Он знает практически всех в своем университетском хозяйстве и кто на что способен. Если человек талантливый, хочет работать и работает, он всегда его поддержит. Важная черта Анатолия Васильевича — внимательное отношение к молодежи, он любит молодых, выращивает, понимая, что надо готовить кадры на будущее. И мы это сейчас видим: на всех уровнях управления идет омоложение.

Заслуги Анатолия Васильевича в образовательной сфере по достоинству оценены государственными наградами, оценены и его научные заслуги — он избран академиком. Он прекраснейший человек и замечательный товарищ.

Коллектив МГИМО высоко ценит его и неизменно избирает на должность ректора.

Анатолий Васильевич встречает свой юбилей в прекрасной физической и умственной форме. Я всегда поражался и не понимал, как ему удается выдерживать такую нагрузку: как ни посмотришь на сайт МГИМО, он постоянно с кем-то встречается, где-то выступает, организует конференции, ведет диалоговое общение. Он отлично чувствует себя практически во всех ипостасях! Но главное, благодаря Анатолию Васильевичу бренд МГИМО широко известен своим качеством, поступить в университет очень сложно, а это показатель того, насколько востребованы выпускники.

Передо мной сложная задача — я даже не знаю, что пожелать Анатолию Васильевичу. Он настолько энергичный человек, что и без моих пожеланий продолжит свою успешную деятельность на благо МГИМО, российского образования и науки.

«МГИМО ДЛЯ ТОРКУНОВА НЕ ТОЛЬКО МЕСТО РАБОТЫ — ЭТО ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ»

ПОЛАД БЮЛЬБЮЛЬ ОГЛЫ
певец, композитор,
чрезвычайный и полномочный посол
Азербайджанской Республики в России

Наше знакомство с Анатолием Васильевичем Торкуновым произошло 45 лет назад в поездке по США. Мне было 30, Толе Торкунову — 25. Мы были молоды, веселы, счастливы, беспечны и даже в самых дерзких мечтах не могли себе представить, что многие годы спустя встретимся в Москве в качестве чрезвычайных и полномочных послов. За эти 30 лет он прошел огромный путь от аспиранта до ректора МГИМО, от доцента до профессора, от второго секретаря посольства до посла, защитил две диссертации, став кандидатом исторических и доктором политических наук.

Что касается меня, то я успел написать много популярных песен, большое количество музыки к кино, струнный квартет, симфонию, балет, снялся в нескольких кинофильмах, объездил с гастрольями более 70 стран мира.

Но судьба настойчиво вела меня в Москву, через 18-летнюю карьеру министра культуры к занимаемой ныне позиции посла. И ровно через 30 лет мне было суждено вновь встретиться с Анатолием Васильевичем Торкуновым, теперь уже ректором МГИМО, академиком.

Какой бы удивительной ни была эта встреча, я вижу в ней определенную закономерность. Потому что дипломатия и искусство — очень близкие сферы, которые прекрасно дополняют друг друга.

Немногим известно, что одним из юношеских увлечений Толи Торкунова был школьный драмкружок, а в старших классах — занятия в молодежной театральной студии при ДК ЗИЛ. Приятная внешность, сочный баритон, прекрасная дикция — казалось, данные для сценической карьеры очевидны... Но все эти ценные качества пригодятся Торкунову совсем в другой области — дипломатии, которую он выберет делом своей жизни.

Люди, знающие Анатолия Торкунова по учебе в МГИМО, хорошо помнят, что он, как и его сокурсник Сергей Лавров, был неизменным участником студенческих капустников, увлекался музыкой,

поэзией, театром. Вне всякого сомнения, такой солидный багаж способствовал наиболее яркому и полному раскрытию потенциальных возможностей, шлифовал природные способности и работал на масштаб личности. Я имею в виду, что для дипломата высокого ранга помимо фундаментального знания истории международных отношений, владения несколькими языками, постоянного мониторинга современной ситуации, умения расположить к себе собеседника весьма ценным качеством является артистизм.

Человеческое обаяние, личностная ха-

Юбилей Анатолия Васильевича совпадает с 75-летием МГИМО, который он возглавляет без малого 30 лет. Но на самом деле союзу двух юбиларов более полувека, поскольку Торкунов не расставался со своей альма-матер с 1967 года, когда впервые переступил порог знаменитого вуза. Здесь он начал познавать не только азы дипломатии, здесь зародилась дружба с коллегами, определился круг его профессиональных интересов

ризма, искусство убеждения — вот те особенности, которые отличают Дипломата с большой буквы от рядового дипломата и которыми в полной мере обладает Анатолий Васильевич Торкунов.

Очень символично, что юбилей Анатолия Васильевича совпадает с 75-летием МГИМО, который он возглавляет без малого 30 лет. Но на самом деле союзу двух юбиларов более полувека, поскольку Торкунов не расставался со своей альма-матер с 1967 года, когда впервые переступил порог знаменитого вуза. Здесь он начал познавать не только азы дипломатии, но и основы человеческих отношений, здесь зародилась дружба со многими коллегами, определился круг профессиональных интересов. В это же время Анатолий Васильевич раз и навсегда выбрал спутницу жизни, и принадлежность супруги Торкунова к миру искусства меня совсем не удивляет.

Иными словами, МГИМО для Торкунова не только место работы — это вся его жизнь. Продолжая лучшие традиции российской дипломатии, он внес огромный вклад в подготовку дипломатических кадров не только России, но и многих стран, в том числе моей — Азербайджана.

Мы по праву гордимся тем, что президент Азербайджана Ильхам Алиев является выпускником МГИМО и его почетным доктором. Звание почетного доктора МГИМО было присвоено и нашему общенациональному лидеру, выдающемуся политику и государственно-му деятелю Гейдару Алиеву.

Мы также благодарны за то, что ежегодно МГИМО принимает в свою семью новых азербайджанских студентов.

На протяжении последних 15 лет мне достаточно часто приходилось встречаться с Анатолием Васильевичем, и каждый раз я поражался его невероятной эрудиции и блестящему уму, его способности собирать вокруг себя талантливых, ярких людей, его умению принимать мгновенные и единственные правильные решения и, конечно же, его невероятной преданности своему родному МГИМО.

Я искренне рад возможности поздравить сегодня дорогого друга, пожелать ему долгих лет процветания, благополучия и здоровья!

МИХАИЛ ГУСМАН
первый заместитель
генерального директора
информационного
агентства ТАСС

Смею предположить, что стаж моего знакомства и дружбы — близкой, хочу подчеркнуть, дружбы — с Анатолием Васильевичем, наверное, один из самых долгих. Познакомились мы с ним в начале августа далекого 1975 года, когда вместе готовились поехать в составе делегации от советского комсомола в США. Сегодняшним студентам МГИМО, да и выпускникам последних 30 лет, вряд ли будет понятно, что значило в те годы стать членом официальной делегации для поездки в США. Единицы могли в этом качестве попасть в страну, а туристических поез-

Для меня Анатолий Васильевич — мерило русской интеллигентности, воплощение понятия «русский интеллигент». И в этом смысле МГИМО очень повезло

док туда практически не было.

Я работал тогда в Баку в Комитете молодежных организаций Азербайджана, а Толя только перешел, если память мне не изменяет, с позиции секретаря комитета комсомола МГИМО на должность помощника ректора. В нашу делегацию входили блистательные молодые люди, многие из которых известны и сегодня, например, к сожалению, недавно ушедший выдающийся русский поэт Андрей Дементьев, потрясающий хоккеист чемпион Олимпийских игр Игорь Ромушевский, великий оперный певец из Киргизии Булат Минжилкиев, замечательный бард Сергей Никитин, наш близкий друг, ныне посол Азербайджана в Москве, а тогда сверхпопулярный автор и исполнитель собственных песен Полад Бюль-Бюль оглы и другие не менее достойные люди.

По тогдашним правилам и порядкам перед поездкой в течение почти двух недель ежедневно по несколько часов специальные люди рассказывали членам нашей делегации, как надо себя вести в Америке. В актовом зале комсомольской гостиницы «Юность», что в Лужниках, мы узнавали, насколько опасно находиться в этой стране, где на каждом углу нас могли подстеречь провокации, а в Центральном парке Нью-Йорка вечерами вообще ходить не надо, потому что афроамериканский, говоря политкорректно, криминалитет мог представлять для нас изрядную опасность. Забегая на 45 лет вперед, скажу, что если за всю нашу поездку мы с этим криминалитетом, слава богу, так и не познакомились, то нынешние беспорядки в Америке мне напомнили те предупреждения 45-летней давности. И если сейчас нам с Толей нужно было бы ехать в Америку, те рекомендации могли бы пригодиться.

По правилам тогдашних поездок, которые с тех пор, слава богу, радикально поменялись, всех участников делегации — видимо, из тогдашних соображений безопасности — расселяли в гостиницах по двое. И так сложилось, что постоянным моим товарищем по проживанию стал как раз Анатолий Васильевич. Не зря говорят, что, если ты хочешь близко и глубоко понять человека, узнать его душу, его качества, надо быть с человеком в дороге. Сложная и напряженная, хотя и увлекательная дорога (первым городом был Вашингтон, потом Чикаго и Нью-Йорк), которая нас с Толей свела, была не просто интересным испытанием. Я бесконечно счастлив, что те две недели почти круглосуточного общения, бесед, жарких споров, увлекательных дискуссий как с нашими американскими хозяевами, ставшими нашими новыми друзьями,

так и внутри нашей команды позволили мне глубоко и, как мне кажется, по-человечески очень близко проникнуться Анатолием Торкуновым.

У него оказалось много прекрасных качеств и свойств, но одно из них я особенно полюбил — его искрометное (простите за затасканное слово), но при этом изысканное чувство юмора. А самое главное — и это я очень ценю в людях вообще, а в Толе особенно — такую легкую самоиронию. Она мне тоже присуща, поэтому очень близка. С тех пор мы понимаем друг друга с полуслова. А поскольку нам сегодня, к сожалению, чаще приходится общаться по телефону, нежели живьем, если бы кто-то подслушал наш разговор, уверяю, он не понял бы 90 процентов! Мы говорим некоторыми только друг другу понятными образами, шутливыми символами и только нам с ним понятными аллюзиями. Бывает, он скажет буквально полфразы — и я начинаю хохотать! Или я скажу какие-то слова — и он начинает смеяться. Вот

это и есть тот уровень человеческого взаимопонимания, который приходит к людям только после нескольких десятилетий близкой дружбы.

Я мог бы долго говорить о его человеческих качествах, скажу еще об одном: он ненапускно дружелюбен. При всех своих высочайших регалиях, заслу-

Торкунов — человек энциклопедических знаний, глубочайшего интеллекта, человек, который в своих рассуждениях мыслит очень яркими, интересными образами

женных должностях открыт и, как это ни покажется кому-то странным, чрезвычайно демократичен. С одной стороны, никто не сможет и не посмеет похвалить тем, что может быть с Анатолием Васильевичем как бы запанибрата: Толя всегда держит себя с достоинством и полной самодостаточностью. Но при этом он демократичен по отношению к студенту, преподавателю, людям, которые находятся значительно ниже его по рангу — служебному, государственному. Я много раз был свидетелем того, с каким интересом он общается с людьми, с которыми его сводит жизнь.

Анатолий Васильевич — человек энциклопедических знаний, глубочайшего интеллекта, человек, который в своих рассуждениях мыслит очень яркими, интересными образами. Он (видимо, в этом сказывается его педагогическая профессорская жилка) в своих аргументах чрезвычайно убедителен, всегда доказателен и при этом обладает редким даром выслушать, прислушаться и понять аргументы своего собеседника.

Для меня Анатолий Васильевич — мерило русской интеллигентности, воплощение понятия «русский интеллигент». Быть им, увы, отнюдь не всем нашим ученым мужам, профессуре присуще. И в этом смысле МГИМО очень повезло: на протяжении многих лет ректором университета является столь яркий, столь высокопрофессиональный, столь широко образованный человек. И в то же время человек очень теплый, к которому хочется просто прийти и по-дружески, по-братски его обнять, что я и делаю в эти дни, несмотря на пандемию...

После той американской поездки мы долгое время жили в разных городах, и только последнюю четверть века из этих 45 лет я живу в Москве. С каждым годом, с каждой встречей, с каждым новым часом общения с Анатолием я все больше утверждаюсь в тех ощущениях и в том восприятии, которые я в своем сердце и душе несу с августа 1975 года.

Что ему пожелать? Во-первых, я хочу сказать: Анатолий Васильевич, мой дорогой Толя, welcome to the club. Я уже восемь месяцев состою в клубе 70-летних — пока ничего страшного в нем нет, если не считать пандемию. Могу только повторить слова великого Михаила Михайловича Жванецкого, которые он сказал на свое 70-летие. Я их вспомнил на свое собственное, а сейчас цитирую слова мудреца и великого писателя для тебя, дорогой Толя: «Что такое 70 лет? Это ужас в ее глазах, все остальное — то же самое».

ВЛАДИМИР ГАЙ
(МО, 1972)

Наш курс был по-настоящему звездным: Лавров, Торкунов, Кадакин, Политов, Кобаладзе, Мигранян и сколько еще состоявшихся послов, профессоров, журналистов и бизнесменов! И Анатолий Торкунов всегда был из самых-самых.

С каждым годом я все более проникаюсь уверенностью в том, что он родился в харизме и с харизмой жил. Сначала мы (я и моя жена Ирина Кольгуненко-Гай, которая тоже училась на нашем курсе) этого не замечали. Было просто притяжение, интерес, удовольствие от общения, желание встретиться

Меня всегда покоряло его умение задать вопрос, который позволяет собеседнику рассказать о чем-то важном для него лично

Я бывал в кабинете ректора и иногда оказывался рядом, когда он решал серьезные вопросы, как теперь говорят, дистанционно. И каждый раз я получал удовольствие от того, как Анатолий Васильевич владеет информацией и ситуацией, умеет выслушать собеседника и четко сформулировать свое отношение, указание. Меня всегда покоряло его умение слушать с неподдельным интересом, располагать к себе самых разных людей, нередко ему незнакомых, поддерживать разговор и задать вопрос, который интересен собеседнику, позволяет ему раскрыться, рассказать о чем-то важном для него лично.

А его чувство юмора, умение не перейти в шутке грань!

«Все о немногом и много обо всем» — так можно сказать об эрудиции и образованности академика Торкунова. Сколько раз мы убеждались в этом в совместных прогулках по Парижу.

Особо хочется сказать о его верности дружбе, а друзей у него много — как говорится, хороших и разных. В этом плане он, видимо, очень похож на своего ушедшего старшего друга Евгения Максимовича Примакова, который также всегда, как бы он ни был занят, находил время для друзей, для поддержки и помощи, а порой и для доброго застолья. Торкуновы свято помнят и друзей, которых с нами уже нет, — Ивана Тюлина, Сергея Политова и его жену, нашу однокурсницу Ирину Малышеву...

Анатолий Торкунов был и остается

Анатолий и Ирина Торкуновы, Ирина и Владимир Гай в Люксембургском саду

в институте или в неформальной обстановке. Прекрасно помним его замечательную маму и обстановку благожелательности, которая царил в семье. Его любимую приняли сразу практически все друзья, и яркую чету Торкуновых с удовольствием звали к себе как приятели-ровесники, так и представители старшего поколения.

У нас в Брюсовом, в доме народного артиста МХАТа Леонидова и его замечательной жены — главного врача Института красоты Инны Кольгуненко, они познакомились

с Трояновскими и Лиепами, Хильчевскими и Розой Отунбаевой, Масляковыми и Шиловскими... Торкуновы всегда были интересны, обаятельны и остроумны.

Потом, с годами, даже скорее десятилетиями, возникло понимание уникальности Анатолия Васильевича. Да-да, уникальности редкого сочетания, букета великолепных качеств, каждое из которых делает человека привлекательным.

самым молодым на курсе, но мудрость, дивные качества сделали его незаурядным ректором, тонким и умелым переговорщиком, блестящим дипломатом и авторитетным академиком.

Многая лета в радость!

А. ТОРКУНОВ: «Я хотел заниматься практической дипломатией и командировку в Вашингтон считаю для себя главным событием 80-х»

ВАШИНГТОН

«Конечно, мы все мечтали о дипломатической карьере, — вспоминает **А. Торкунов**. — МИД считался наиболее интересным местом для работы. И в 1972 году я был туда распределен. Но меня вызвали в райком партии — а я был молодой парти-
ец — и сказа-

ли: есть поручение остаться в институте руководителем, как бы теперь это называли, молодежной организации, тогда ею был комсомол. Потому что, как они выразились, «других кандидатов нет».

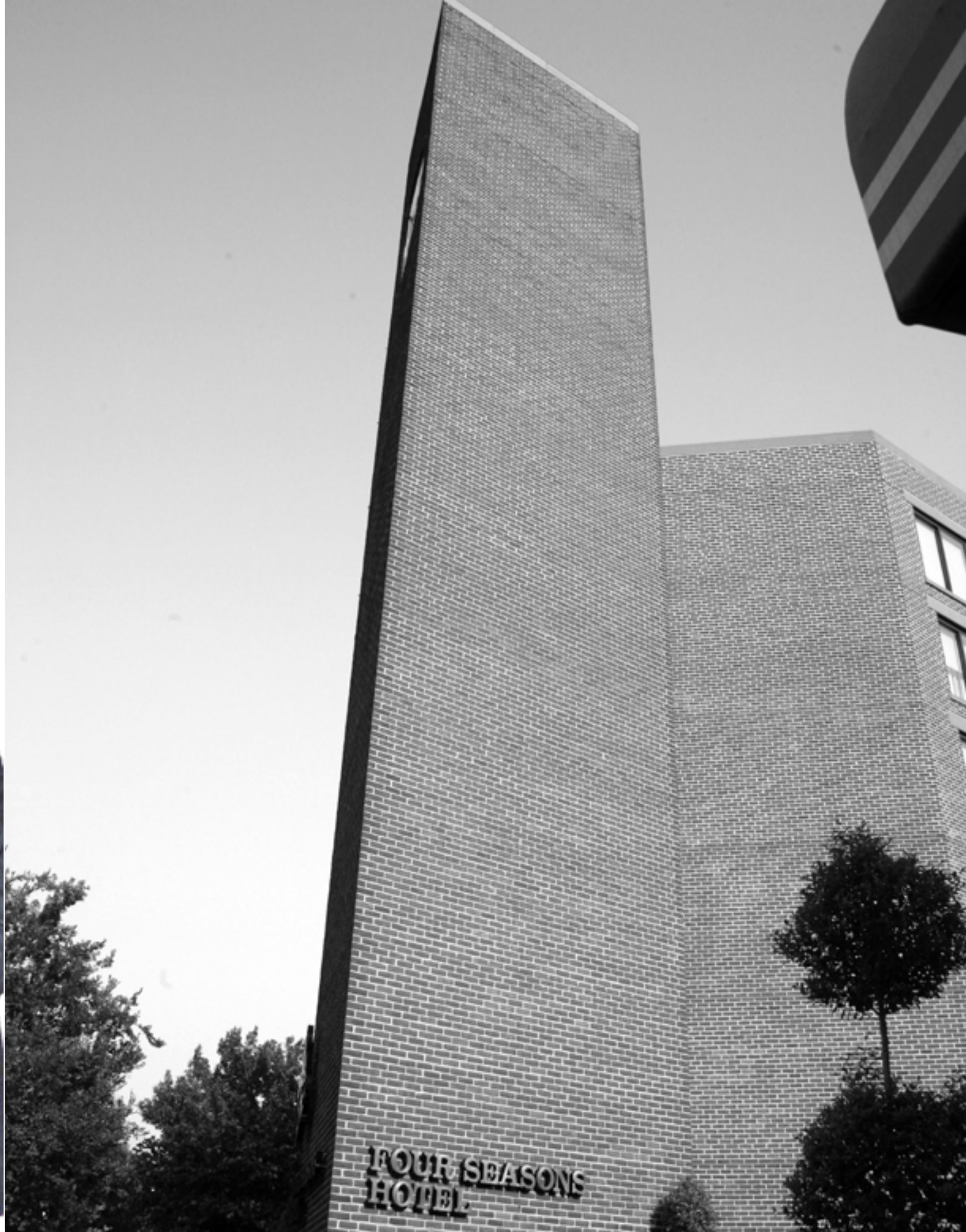
Откровенно говоря, выбора тогда не было, и я оказался в административной орбите, стал сначала помощником ректора, потом деканом по иностранным учащимся.

Через несколько лет я получил предложение поехать на работу в Политический департамент Секретариата ООН в Нью-Йорке. Прошел все наши кадровые комиссии, ооновский комитет по назначению, причем все было согласовано с ректором Н. И. Лебедевым, и он меня отпускал. Но получилось так, что проректор по иностранным учащимся В. В. Алексеев, очень хороший человек и специалист, уехал в Японию. И опять оказалось, что, кроме меня, кандидатов на эту должность нет. А мы с женой уже ка-

стрюли купили, тогда ведь время было такое. Деньги заграничники зарабатывали небольшие, поэтому всё — кастрюли, подушки и т. п. — мы покупали здесь и брали с собой. И вот меня вызывает замминистра по кадрам Стукалин Виктор Федорович и говорит: «У ру-

А. Торкунов:

«В 1983 году я уехал в Вашингтон, в наше посольство. Это был непростой период, советская ракета сбила южнокорейский лайнер, Рейган назвал нас «империей зла». Шпиономания была сильная»

Слева направо: первый секретарь посольства СССР в Вашингтоне А. Торкунов, советник-посланник посольства ЧССР М. Швец, врач посольства В. Тришин, помощник посла В. Грачев, первый секретарь В. Кулагин

А. Торкунов:
«Вашингтон в то время был настоящим «горячим цехом». Мы работали по 14 часов в сутки. Приходилось очень много писать. Мы в Вашингтоне писали больше, чем все наши посольства за рубежом, вместе взятые»

ководства есть мнение назначить тебя проректором. Да ты не расстраивайся: в ООН у тебя должность будет невысокая, а здесь представь: ты, 29-летний молодой парень, будешь проректором!»

А я боялся идти домой. Думал, получу по голове той самой кастрюлей. Жена-то, как и все молодые женщины того времени, не прочь была поехать в Нью-Йорк, я бы даже сказал, страшно этого хотела! Конечно, я получил от нее соответствующий всплеск эмоций, но что поделаешь... И только через три года, в 1983-м, я уехал в Вашингтон, в наше посольство.

Меня пригласили наш посол Анатолий Федорович Добрынин и Александр Александрович Бессмертных, тогда завотделом США МИДа (сейчас он президент нашей Ассоциации выпускников), и мне посчастливилось работать с ними обоими. Но это было, конечно, пониже-

ние, потому что с должности проректора я поехал вторым секретарем, хотя мог претендовать на большее. Просто Анатолий Федорович не брал людей на высокие должности, и я нисколько об этом не пожалел — работа с ним была неповторимой школой, тем более что меня все равно повысили через полгода. А во-вторых, Вашингтон в то время был настоящим «горячим цехом». Мы работали по 14 часов в сутки. Приходилось очень много писать, информация, которая шла из Вашингтона, была очень важна для Москвы. Тогда ведь не то что электронной почты не было, факсы только начали появляться! А мы в Вашингтоне писали больше, чем все наши посольства за рубежом, вместе взятые. И было приятно, когда на твою

Семья Торкуновых на барбекю под Вашингтоном

телеграмму (которую подписывал посол) вдруг приходил запрос из Москвы. Помню, от Черняева, помощника Горбачева, по нескольким моим бумагам были запросы: дайте дополнительную информацию, нас интересовал этот вопрос.

В нашем небольшом здании на 16-й улице мы сидели в одной комнате: В. Чуркин, к несчастью недавно ушедший, С. Кисляк, бывший посол в Вашингтоне (ныне член Совета Федерации), и я. Все трое были первыми секретарями.

Это был непростой период, советская ракета сбита южнокорейский лайнер, Рейган назвал нас «империей зла»... Шпиономания была сильная. Я всег-

да относился и отношусь к Америке с огромным уважением, но в то время она меня просто поражала. Приходишь на встречу даже со старым знакомым — ученым, помощником конгрессмена, — а он оставляет дверь открытой, чтобы секретарша видела и слышала, о чем мы говорим. Вроде открытая страна, а до такой карикатурности дело доходило. Даже в Библиотеке Конгресса с этим столкнулся! Правда, меня тогда больше взволновало другое. Я к тому времени выпустил свою первую книжку — дай, думаю, поищу свое имя в каталогах (они, кстати, тогда еще были не электронные, приходилось карточки перебирать). И вдруг вижу: моя книжка в Библиотеке Конгресса! Вот счастье-то было!»

В. Грачев: «Добрынин строил посольство по принципу маленького МИДа: там трудились не просто американисты, а специалисты по Азии, Африке, Латинской Америке, по разоружению и другим темам. И ему нужен был хороший корейст»

Анатолий Торкунов с супругой и коллегами на одном из приемов в посольстве СССР

«Вашингтонский период — особая страница в карьере Анатолия Васильевича, — говорит **Владимир Грачев, в те годы помощник А. Ф. Добрынина**. — В посольство его пригласил Анатолий Федорович — Толя неоднократно приезжал в Вашингтон и с Николаем Ивановичем Лебедевым, и по различным общественным линиям. Посол знал уважительное отношение к Анатолию Васильевичу со стороны видных дипломатов и политиков, хотя он был еще довольно молодым человеком, а также знал, что Толя был специалистом по Корее. Надо сказать, что Добрынин строил посольство по принципу маленького МИДа: там трудились не просто американисты, а специалисты по Азии, Африке, Латинской Америке, по разоружению и другим темам. И ему нужен был хороший корейст.

Но тут вышла неувязка: Добрынин пообещал Анатолию Васильевичу первого секретаря, однако мидовские кадры дали второго. Тогда посол (я был тому свидетелем) сказал: «Даю тебе честное слово, что ты будешь первым секретарем». И ровно через три месяца Толя им стал. Более того, он стал заниматься не только Кореей, но и всем Азиатским регионом. У них была очень сильная референтура, в которую входили японист Андрей Ефимов, китаист Володя Рахманин и Толя Торкунов. Возглавлял ее Виктор Иванович Трифонов, и это была одна из самых любимых референтур Анатолия Федоровича.

Период был непростой, особенно после 1983 года, когда был сбит южнокорейский «Боинг». Но у нас был очень

дружный, хороший коллектив, Толя в него вписался, и командировка у него получилась очень успешная».

«Работа в США, этой важнейшей для нас стране, всегда была прекрасной школой для каждого дипломата, давала возможность расширить кругозор, приобрести ценнейшие навыки для дальнейшей деятельности, — вспоминает **Виктор Иванович Трифонов, чрезвычайный и полномочный посол, в 1985–1986 годах советник посольства, руководитель азиатской референтуры**. — Тем более что во главе посольства стоял тогда выдающийся советский и российский дипломат Анатолий Федорович Добрынин, сложился сильный коллектив, работали такие крупные дипломаты, как А. А. Бессмертных, Ю. М. Воронцов, В. М. Васев и другие.

Анатолий Васильевич влился в состав группы посольства по проблемам Азии. Здесь, как нигде, пригодились его глубокие знания азиатских проблем, ценнейшие научные и организаторские способности, опыт работы на посту проректора по научной части МГИМО. Это полностью проявилось в его служебной

В. Трифонов: «Обстановка в группе отличалась дружественной атмосферой, чему в немалой степени способствовали человеческие качества Анатолия Васильевича, его спокойный, выдержанный характер, высокий культурный уровень, готовность всегда прийти на помощь товарищу»

деятельности, подготовленных им аналитических и информационных материалов, работе по сбору информации, завязывании полезных связей с представителями политических, научных

и общественных кругов США, в дипломатическом корпусе. Обстановка в группе отличалась дружественной атмосферой, чему в немалой степени способствовали человеческие качества Анатолия Васильевича, его спокойный, выдержанный характер, высокий культурный уровень, готовность всегда прийти на помощь товарищу.

Нельзя не отметить те глубокие перемены в международной жизни в середине 80-х годов, в которых проходила работа посольства. В марте 1985 года нашу страну возглавил М. С. Горбачев, круто повернувший руль в сторону разрядки, налаживания отношений с США и другими странами. Состоялся ряд встреч на высшем уровне с американским руководством, был взят курс на нормализацию отношений с Китаем, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, урегулирование в Камбодже. Все это налагало особую ответственность на работу посольства, требовало максимальных усилий по выполнению стоявших перед нами задач. Резко возросла нагрузка и на нашу группу, учитывая тот разворот, который произошел в политике Советского Союза на азиатском направлении».

ИЛЬХАМ АЛИЕВ: «БЫТЬ РЕКТОРОМ МГИМО — ВЕЛИКАЯ МИССИЯ»

Ильхам Гейдарович Алиев, президент Азербайджанской Республики, выпускник МГИМО 1982 года, повторил путь Анатолия Васильевича Торкунова с разницей в десять лет. Если будущий ректор окончил факультет МО и стал аспирантом в 1972 году, то будущий глава азербайджанского государства — в 1982-м. Оба были перспективными молодыми учеными, преподавателями, а затем их траектории разошлись. Но они всегда держали друг друга в поле зрения, а спустя годы возникло плодотворное сотрудничество, которое выразилось в проведении в Баку в 2013 году первого Международного форума выпускников МГИМО и других начинаниях.

Московский государственный институт международных отношений — один из ведущих вузов не только в России, но и в мире, обладающий глубокими и прочными традициями. На протяжении долгих лет его возглавляет Анатолий Васильевич Торкунов, чьи заслуги в становлении и развитии этого высшего учебного заведения как одного из авторитетных центров подготовки высококвалифицированных дипломатических кадров неоспоримы.

Анатолий Васильевич прошел огромный путь от преподавателя до ректора этого престижного вуза. На посту руководителя он не только сохранил и приумножил лучшие традиции МГИМО, но и внес большой вклад в укрепление его позиций и обеспечение конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве. Во многом благодаря его стараниям сегодня МГИМО — это бренд мирового уровня.

Анатолий Васильевич Торкунов также является общественным деятелем и ученым, известным не только в России, но и далеко за ее пределами. Мы неоднократно встречались с Анатолием Васильевичем, и могу сказать, что это человек глубокой эрудиции, широких познаний, профессионал, генерирующий новые интересные идеи.

Около 15 лет моей жизни были связаны с МГИМО. Это учеба, потом аспирантура, преподавательская работа. Это незабываемые годы, годы молодости, становления. Знания, которые мною были получены в МГИМО, помогают мне сегодня в моей работе.

Я был инициатором проведения первого Форума выпускников нашего вуза, который прошел в Баку несколько лет назад. Я также участвовал в торжественных мероприятиях, посвященных 60-летию МГИМО.

Наши жизненные пути с Анатолием Васильевичем во многом схожи: и он, и я оканчивали этот вуз, поступили в аспи-

Анатолий Васильевич не только сохранил и приумножил лучшие традиции МГИМО, во многом благодаря его стараниям сегодня МГИМО — это бренд мирового уровня

рантуру и преподавали там. Судьба распорядилась так, что мне пришлось уйти из МГИМО, Анатолий Васильевич связал свою жизнь с альма-матер.

Анатолию Васильевичу Торкунову, возглавившему МГИМО в трудные времена, выпала миссия бережно сохранить все лучшее, что было создано его предшественниками, не дать потеряться этому достоянию и на таком фундаменте сформировать один из лучших вузов мира, крупнейший научный и образовательный центр.

МЖ: Сегодня вы — глава азербайджанского государства, Анатолий Васильевич — ректор нашей альма-матер. Но есть нечто важное, что вас с ним объединяет, — великая миссия. Вы продолжили дело своего отца, уважаемого Гейдара Алиевича, который принял страну в 1993 году, уберег ее и превратил Азербайджан в современное динамичное государство. Анатолий Васильевич в 93-м принял на себя руководство МГИМО, уберег институт от язв безвременья, возродил и укрепил его бренд, превратил вуз в университет с уникальным образовательным качеством. Поделитесь, пожалуйста, своими мыслями об этом.

Сегодня в нашей стране продолжается политика Гейдара Алиева, благодаря которой Азербайджан состоялся как независимое государство, занял достойное место на карте мира, в стране была установлена общественно-политическая стабильность, создана прочная база для масштабных преобразований, привлечены многомиллиардные иностранные инвестиции, определены основные направления внутренней и внешней политики. Сейчас Азербайджан успешно развивается во всех сферах.

Я горжусь тем, что Азербайджан завоевал большой авторитет на международной арене. Об этом свидетельствует то, что наша страна при поддержке 155 государств мира была избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2012–2013 годы. Азербайджан единогласным решением всех 120 стран — членов Движения неприсоединения был избран председателем этой второй крупнейшей после ООН международной структуры мира. В октябре прошлого года в Баку был проведен саммит Движения неприсоединения. Осенью прошлого года наша страна также приняла председательство в Совете сотрудничества тюркоязыч-

ных государств. Как ответственный член мирового сообщества, мы относимся к председательству в международных организациях не как к формальности, а стремимся к тому, чтобы оно было действенным и приносило пользу странам-членам. В частности, в период, когда мир столкнулся с пандемией коронавируса, по моей инициативе были проведены саммиты Движения неприсоединения и Совета сотрудничества тюркоязычных стран, на которых обсуждались вопросы, связанные с борьбой с опасным вирусом. От имени стран Движения неприсоединения Азербайджан инициировал созыв специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной COVID-19. Эту инициативу поддержали более 130 государств.

В период пандемии мы, проявляя международную солидарность, оказали гуманитарную и финансовую помощь более 30 странам. Мы сделали добровольное пожертвование Всемирной организации здравоохранения в размере 10 миллионов долларов.

Азербайджан сегодня признан как один из мировых центров мультикультурализма. Наша страна является и географическим, и культурным, и политическим мостом между Европой и Азией. Мы — одна из редких стран, которые являются одновременно членами и Совета Европы, и Организации исламского сотрудничества. В 2008 году мы пригласили на проходившее в Баку заседание министров культуры Совета Европы соответствующих министров стран — членов Организации исламского сотрудничества. Затем, в 2009 году, на заседание министров культуры стран — участниц Организации исламского сотрудничества были приглашены министры культуры

Обладая высокими профессиональными качествами, Анатолий Васильевич всегда был и остается очень открытым, доброжелательным, приятным в общении человеком. Знаю, что его поддерживает коллектив, уважают и любят студенты

Совета Европы. Так родилась наша инициатива под названием «Бакинский процесс», в основу которой заложены принципы межрелигиозного и межкультурного диалога. За эти годы «Бакинский процесс» завоевал репутацию эффективной платформы для обмена мнениями между людьми различных национальностей, культур, вероисповедания. «Бакинский процесс» поддерживается ООН и другими ведущими организациями мира.

М.И.: Наверняка вы неоднократно общались как преподаватель с Анатолием Васильевичем, когда он работал деканом факультета МО, проректором. Были, так сказать, свидетелем формирования незаурядного, талантливого администратора. Не могли бы вы рассказать характерную историю?

Одно время мы работали с Анатолием Васильевичем на одной кафедре, так что я знаю его очень давно. Обладая высокими профессиональными качествами дипломата, ученого, руководителя, Анатолий Васильевич всегда был очень открытым, доброжелательным, приятным в общении человеком, таким он остается и сегодня. Знаю, что его поддерживает коллектив, уважают и любят студенты. Без этого он не мог бы так долго руководить МГИМО. Также ценю Анатолия Васильевича за то, что он восстановил славные традиции нашего вуза, который в период так называемой перестройки подвергался очернительству и моральному террору. К сожалению, после Николая Ивановича Лебедева, ректора, при котором я учился и начинал преподавать и к которому я всегда относился и отношусь с большим уважением, и до Анатолия Васильевича Торкунова люди, руководившие нашим вузом, не смогли уберечь его от влияния негативных процессов конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века. Возглавив институт в 1992 году, Анатолий Васильевич восстановил и укрепил имидж МГИМО, который сегодня является одним из ведущих вузов мира.

Что касается характерной истории, то хочу сказать, что я вынужден был уйти из института, где учился, окончил аспирантуру и работал около 15 лет, в самом начале 90-х годов. Причиной тому было то, что мой отец Гейдар Алиев, который занял принципиальную позицию против ошибочного внутри- и внешнеполитического курса тогдашнего руководства СССР, был записан чуть ли не во враги народа. Он подвергался преследованиям, против него в советской прессе велась оголтелая очернительская и клеветни-

ческая кампания, инспирированная лично генеральным секретарем ЦК КПСС. Руководством МГИМО до меня было доведено, что сын Гейдара Алиева не может преподавать в этом вузе по политическим причинам. Анатолий Васильевич в это непростое для меня время всегда оказывал мне моральную поддержку. Я уверен, что, если бы он тогда был ректором, он не допустил бы моего ухода. Тогда моя судьба могла бы сложиться по-другому. Но, как говорится, все, что ни делается, делается к лучшему.

М.И.: В одном из интервью нашему журналу вы сказали: «Юбилей МГИМО — это праздник и нашей семьи», имея в виду, что ваша дочь Лейла тоже окончила наш университет. Так же может сказать и Анатолий Васильевич, у которого дочь Екатерина окончила МГИМО и работает на одной из его кафедр. И так могут сказать очень многие мгимовцы! Не кажется ли вам, что эта в хорошем смысле семейственность — одна из важнейших ценностей, благодаря которым МГИМО к каждому своему юбилею подходит все более мощным и динамичным вузом?

Вы правильно подметили еще одно пересечение наших линий жизни. Да, моя дочь Лейла Алиева тоже окончила Московский государственный институт международных отношений, она была президентом Азербайджанского клуба МГИМО и является председателем Совета азербайджанских

В 2015 году Лейла была награждена орденом Пушкина. Высокую награду ей вручил лично Владимир Владимирович Путин

выпускников. Сейчас Лейла также возглавляет издающийся в Москве на русском языке журнал «Баку», который знакомит читателей с историей, культурой и традициями азербайджанского народа. Она вносит большой вклад в дело укрепления стратегического партнерства, дружбы и сотрудничества между Азербайджаном и Россией.

В 2015 году за вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Российской Федерацией, развитие экономических связей, сохранение и популяризацию русского языка и культуры за рубежом указом президента России Лейла была награждена орденом Пушкина. Высокую награду ей вручил лично Владимир Владимирович Путин.

По инициативе и при поддержке Фонда Гейдара Алиева, вице-президентом которого является Лейла, в Астрахани в 2013 году был установлен памятник святому равноапостольному князю

Владимиру. За реализованные Фондом Гейдара Алиева проекты в этом российском регионе Лейла была награждена орденом «За заслуги перед Астраханской областью». В том же 2013 году распоряжением Патриарха Московского и всея Руси Кирилла она также была удостоена ордена Святой равноапостольной княгини Ольги III степени.

Знаю, что дочь Анатолия Васильевича Торкунова Екатерина также окончила этот вуз и, как вы сказали, сейчас работает

на одной из его кафедр. Наверное, в истории МГИМО немало таких примеров, когда дети по зову сердца выбирают вуз, который когда-то окончили их родители. Считаю, что прекрасно, когда есть такая преемственность.

М.И.: Анатолию Васильевичу исполняется 70, МГИМО недавно исполнилось 75 — что бы вы пожелали ему в контексте этого нашего общего большого юбилея?

Я хотел бы пожелать ему крепкого здоровья, успехов во всех делах и начинаниях, неиссякаемой энергии, семейного благополучия. А МГИМО, который недавно отметил 75-летие, желаю новых достижений. Верю, что под руководством Анатолия Васильевича он продолжит оставаться признанным центром фундаментального образования и кузницей дипломатических кадров мирового уровня.

Особняк на Шестнадцатой

Раньше особняк советского посольства на 16-й улице в Вашингтоне напоминал внутри подводную лодку. Дипломаты сидели в крошечных кабинетах с наглухо забитыми окнами и стенами, обшитыми звукоизоляционными материалами. После переезда посольства в большой комплекс на Висконсин-авеню в 1994 году особняк стал исключительно представительским зданием, резиденцией посла России.

Это действительно исторический дом. Он был построен в 1909 году одним из самых известных архитекторов Америки того времени Стэнфордом Уайтом по заказу известной женщины, вдовы Пуллмана. Она строила его для своей дочери, муж кото-

Анатолий Добрынин проработал послом СССР в Вашингтоне без малого четверть века. Все эти годы он провел в историческом особняке на 16-й улице, в 300 метрах от Белого дома

рой должен был избираться в Сенат от штата Иллинойс. Дом был самым дорогим зданием в Вашингтоне начала века и стоил тогда 350 тысяч долларов. В 1913 году русский посол Бахметьев купил этот дом, находящийся всего в 300 метрах от Белого дома, и с тех пор в нем живут все российские послы.

Особняк интересен с точки зрения насыщенности предметами, которые здесь остались, несмотря на смену эпох и правлений, и с архитектурной точки зрения.

В 30-х годах прошлого века сюда приезжала государственная комиссия, которая смотрела, нужно ли его перестроить. Но инспекторы поняли, что это шедевр американской архитектуры, и не стали его трогать. Все мы должны быть благодарны Юлию Михайловичу Воронцову, который сохранил этот дом в период безвременья 90-х. Здание очень важно с точки зрения статуса России как великого государства. Именно поэтому было потрачено много усилий на восстановление его прежнего убранства.

Особняк является памятником архитектуры США, о чем свидетельствует табличка на фасаде. Здание включено в Национальный реестр исторических мест, а также в Каталог исторических мест округа Колумбия.

ДАМДИН ЦОГТБААТАР
(МО, 1994)
министр иностранных дел Монголии

Я был студентом восточного отделения факультета МО МГИМО с 1988 по 1994 год. В тот период Анатолий Васильевич Торкунов был моим деканом, а потом и проректором нашего института. Те времена были нелегкими и переходными в прямом смысле этого слова. Все менялось, особенно основные подходы, перспективы, концепции академических дисциплин гуманитарного направления, что зачастую вело к по-

тате он смог сохранить престиж и достойное место в ряду известных университетов Европы и мира. Усилиями руководства было обеспечено признание западными университетами соответствия программ магистратуры МГИМО программам мировых вузов, с присвоением степени магистра. Мне, например, это позволило поступить в магистратуру Австралийского национального университета.

падного мира профессионалов и начать строить карьеру в условиях отсутствия железного занавеса. А открытие бизнес-школы при МГИМО, хотя ко мне прямого отношения не имело, стало свидетельством того, что мы на пороге формирования другого общества, значительное место в котором занимает частный сектор. Это помогло мне, в частности, сфокусировать свое внимание на правовых аспектах торгово-экономических и коммерческих отношений, позволив в дальнейшем принимать участие в различных образовательных программах и начинаниях исследовательского характера.

Все эти позитивные реформы связаны с именем Анатолия Васильевича Торкунова. Я отдаю ему должное, поскольку каждый новый шаг в те непростые годы требовал недюжинной смекалки, решимости и риска. Например, удержать в таких условиях профессорско-преподавательский состав было делом весьма непростым.

Когда Анатолий Васильевич стал ректором, мы с гордостью говорили: у руля института встал востоковед. Мои однокурсники-корейцы, чаще других имевшие доступ к Анатолию Васильевичу, специалисту по этому региону, получив от него ценную консультацию, рассказывали, что он открыт для студентов и с большим уважением относится к их интересам.

Несмотря на свой высокий статус большого администратора и авторитетного ученого, Анатолий Васильевич до сих пор остается столь же открытым, как и в те годы. Благодаря ему я, будучи дипломатом, всегда имел возможность поддерживать тесную связь с родным институтом. Внимание руководства МГИМО к ассоциациям выпускников, разбросанным по всему миру, позволило сплотить нас в единую большую семью.

Исповедуя буддизм, я свято почитаю тройственную связь между учителем, учеником и знанием. Поэтому с глубоким уважением отношусь к заслугам моего преподавателя — профессора Торкунова, 70-летний юбилей которого мы отмечаем в августе. Пользуясь этим прекрасным случаем, хотел бы поздравить Анатолия Васильевича с юбилеем и пожелать ему здоровья, успехов и еще многих, многих студентов, благодарных за путевку в большую жизнь.

тере общественных ценностей и ориентиров. Научная литература и учебники были все еще пронизаны идеей классовой борьбы и партийности, а некоторые предметы просто переставали отвечать практике и жизни.

В результате вера в обучение у нас пошатнулась, и многие студенты, например из Восточной Европы, стали возвращаться домой. Больше половины студентов моей кхмерской группы бросили учебу.

Другие студенты говорили о необходимости реформ. Начавшиеся как безобидные застольные споры, эти дискуссии порой перерастали в акции — студенты ходили в деканат, вынося свои предложения на уровень руководства. К нашему удивлению, наши чаяния там воспринимались с пониманием и уважением. Помню, по некоторым предметам экзамены были заменены зачетами, а затем и вовсе отменены.

Будучи передовым вузом, МГИМО одним из первых стал меняться. В резуль-

Исповедуя буддизм, я свято почитаю тройственную связь между учителем, учеником и знанием. Поэтому с глубоким уважением отношусь к заслугам моего преподавателя — профессора Торкунова, 70-летний юбилей которого мы отмечаем

Помню, как в МГИМО начали приезжать на учебу студенты из капиталистических стран, общение с которыми помогло приспособиться к реалиям за-

Молодой декан А. Торкунов

ДОБРЫНИН

«Помню, когда совсем юным, 17-летним, — делится воспоминаниями **А. Торкунов**, — я пришел в 1967 году в МГИМО, многие преподаватели старшего послевоенного поколения с придыханием говорили: «Анатолий Федорович много лет был у нас доцентом, преподавал историю международных отношений». Передо мной личное дело доцента А. Ф. Добрынина, потемневшая от времени и архивной пыли папка. Начато в 1947 году, окончено в 1952-м. Именно тогда Добрынин пришел в МГИМО и начал работать доцентом кафедры ИМО. В студенческие и молодые аспирантские годы мне доводилось иногда мельком ви-

А. Торкунов: «С началом перестройки институт в целом стремился создать прорывную ситуацию, что было довольно сложно: многие преподаватели были консервативны, надо было с ними обращаться аккуратно»

деть Анатолия Федоровича. Он уже тогда начал свой поход к рекорду по длительности пребывания послом СССР в одной стране. И не просто в стране, а в супердержаве — США. В Москве он бывал редко. Первое длительное общение с ним произошло в 1975 году, когда в составе делегации КМО с амбициозным названием «группа молодых лидеров» я впервые оказался в США для встреч с такими же «молодыми лидерами». После дискуссии и поездки по стране мы прибыли в Вашингтон, где в посольстве был устроен прием. Хозяином приема был Добрынин. И может быть, тогда я впервые увидел и почувствовал, что такое дипломат золотой пробы. Он не только был в курсе тем наших обсуждений, знал о нашем маршруте, но и живо интересовался, как проходило обсуждение в разных аудиториях. У советских участников встречи спрашивал, какое впечатление произвели американские аудитории (мы встречались со студентами, деятелями Ассоциации молодых христиан, коммунистами, мормонами), у американцев — удалось ли лучше понять, что такое СССР и советская молодежь. Держался он очень просто, источал явно неподдельное радушие. Меня долго расспрашивал об институте, было видно, что пять лет в его стенах памятно и приятно. Сетовал на то, что тогдашний ректор Н. И. Лебедев (я был его помощником) никак не доберется до США. Вообще, его доброжелательность создавала какую-то особую ауру и вокруг нас, и в посольстве в целом. После этой памятной встречи я оказался в США через год — и как раз с Н. И. Лебедевым. Но так случилось, что в это время Добрынина в Вашингтоне не было и Лебедева принимали и окружали своим гостеприимством Ю. М. Воронцов и А. А. Бессмертных, соратники и товарищи Анатолия Федоровича, которые впоследствии, как известно, тоже служили послами в американской столице. Было видно, что, работая — и тяжело работая, — они трудятся в атмосфере, где существуют товарищеские и уважительные отношения друг к другу (что для больших посольств не всегда было типично). О Добрынине говорили с пиететом, но без подобоострастия. Мои впечатления подтвердились, когда я приехал на работу в посольство в начале 80-х. В коллективе существовал некий культ Добрынина и его супруги Ирины Николаевны, который тем не менее никак не был связан с подхалимством или лизоблюдством. Добрынин был непре-

каемым авторитетом, с которым, однако, можно было спорить, предлагать свою точку зрения. Что мы, молодые, и делали. Уроки Анатолия Федоровича Добрынина сыграли огромную роль в судьбе каждого из нас — тех, кто с ним работал. Могу лишь сказать, что все советники и первые секретари, служившие там с начала 80-х и до 1986 года, когда Добрынин покинул пост посла, сами впоследствии стали послами. Вот что значит школа Добрынина! Анатолий Федорович потрясюще работал с документами. Я помню, как во время первого визита Раджива Ганди в США я писал на эту тему все бумаги. Москва была заинтересована в информации: у Горбачева с Радживом складывались в то время хорошие партнерские отношения. Но иногда бывало так: написал я бумагу, и все в ней вроде правильно, но она у меня выходила какой-то плоской, не было картинки. Анатолий Федорович буквально несколькими вставочками преображал текст, делал его объемным, будто телевизионная картинка появлялась. Меня поражала его работа со словом. Я понял, что писать бумаги из-за рубежа для руководства страны (в том числе для членов Политбюро, которые тогда читали телеграммы), для МИДа надо так, чтобы они, с одной стороны, были написаны простым хорошим русским языком и вместе с тем наталкивали на какие-то решения или идеи. Переписка посольства с Центром — это самый трудный жанр: коротко, но так, чтобы выстреливало. И это умение коротко и ясно излагать свои мысли на бумаге я освоил под руководством посла. Не могу сказать, что владею им в совершенстве, у меня сегодня нет такой практики, но там я этому научился. Анатолий Федорович изумительно работал с людьми. Несмотря на холодную войну, он был в блестящих личных отношениях со многими видными американцами, в том числе занимавшими, мягко говоря, не просоветскую позицию. И умение получить нужную информацию, понять новую идею, донести свою идею до собеседника — а я видел, как он это делал на встречах — меня просто потрясло! И делалось это настолько тонко... Причем он никогда не изображал так называемую американскую речь, хотя английский у него был богатый. Может, он не всегда соблюдал грамматику, но говорил очень бойко. И много публично выступал, что тогда было не очень принято. С аудиторией общался как профессор — видимо, сыграло роль то обстоятельство, что

он был когда-то доцентом МГИМО. У него были и педагогический талант, и умение общаться с аудиторией. Добрынин был человек открытый, хлебосольный. Помню, как, только приехав в Вашингтон, мы с женой отправились за город отдохнуть. У посольства была большая территория, такой компаунд с коттеджами, где летом и зимой еще и пионерский лагерь работал (туда наша дочь Катя потом ездила). Каждый уикенд там устраивалось барбекю в американском стиле. Свои коптильни, между прочим, были оборудованы, наши ребята сомов ловили в Чесапикском заливе. Помню, нас встретили Анатолий Федорович, который был на велосипеде, с супругой Ириной Николаевной. Они гуляли, увидели нас, стали расспрашивать, как мы устроились, понравилось ли нам. И такой живой интерес он проявлял всегда. Добрынин подспудно стремился предостеречь советское руководство от некоторых ошибок внутри страны в рамках начатых реформ. Надо сказать, что Анатолий Федорович чутко чувствовал, что в нашей стране назрели перемены. В огромном потоке информации, которую посольство отправляло в Центр (а объем этой информации в разы превышал то, что шло из других советских посольств), четко прослеживалось желание не просто дать анализ того, как в Америке видят ситуацию в СССР, но и рекомендовать действия и инициативы с нашей стороны. Как мне и тогда казалось с моей невысокой колокольни, и как я четко вижу сегодня, А. Ф. Добрынин в своих телеграммах подспудно стремился предостеречь советское руководство от некоторых ошибок внутри страны в рамках начатых реформ, дать понять, как многие события видятся издалика. Позволю себе привести лишь один эпизод. В середине 80-х в Вашингтон приехала делегация видных ученых из Академии медицинских наук. Тогда было принято, что приезжавшие знаменитости выступали перед коллективом

в клубе посольства. Я по поручению парткома был какое-то время ведущим этих сред (встречи проходили по средам). И вот руководителю делегации, мистическому академику, в числе других задали вопрос о СПИДе (тогда название этой тяжелой болезни и произнести толком не могли) и о том, нет ли опасности его распространения в СССР. Ученый с иронией и непередаваемым превосходством посмотрел на ведущего и спросившего и без тени на голубом глазу заявил, что это — болезнь обезьян в Африке и она никогда (!) не будет проблемой для нашей социалистической родины. Дня через три после этого события меня пригласил посол (я в тот момент исполнял обязанности руководителя группы в связи с отпуском советника В. Трифонова) и передал заметку, по-моему, из Washington Times о том, что в Китае создаются мобильные медицинские лаборатории для проверки на предмет СПИДа, в том числе въезжавших иностранцев. «Что-то у нас там неоправданное благодушие по поводу СПИДа, — сказал А. Ф. Добрынин. — Сошлитесь на американские сообщения о действиях китайцев, но напишите жестче. Раз уж китайцы так озабочены, то и нам нельзя терять время». Знаю, что эта телеграмма привлекла большое внимание в Москве. Анатолий Федорович был очень благодарным начальником, я четыре благодарности получил от него в трудовую книжку: за производственную работу и организацию творческих вечеров. Когда его перевели в Москву, избрали секретарем ЦК, казалось, что его интеллект и таланты будут не только востребованы, но и помогут выбрать правильный вектор реформ. На мой взгляд, этого не произошло. Слишком уж они различались — блестящий Добрынин и довольно серые члены руководства КПСС. Да и 24 года, проведенные в США, вне Москвы, вне главной политической кухни и подкованной борьбы, не могли не сказаться. После своего назначения на пост министра иностранных дел Э. Шеварднадзе перехватил инициативу во внешнеполитических делах, и международный отдел ЦК оказался на второстепенном положении, если не сказать — на третьестепенном. Как изначальный специалист по Корее, не могу не напомнить о том, что А. Ф. Добрынин сыграл огромную и, я бы сказал, историческую роль в установлении наших официальных отношений с Южной Кореей, о чем, кстати, сегодня подзабыли. Именно он, используя свои неформальные связи в США,

РИНАТ ДОСМУХАМЕТОВ

(МЖ, 1992)

директор Александринского театра,
Санкт-Петербург

Анатолий Васильевич — один из моих наставников и старший товарищ. Когда-то я был его студентом, это было переломное время: уходил в историю Советский Союз, начиналась новая Россия. Никто не понимал, что будет дальше. В МГИМО не было бурной общественной и студенческой жизни — такой, как сейчас. И когда у нас с товарищами по факультету МЖ родилась идея

туте отдела по связям с общественностью, который был, если не ошибаюсь, первым в стране, точнее, одним из двух первых: еще на КамАЗе, как ни странно, был такой. Я стал его первым руководителем и одновременно помощником Анатолия Васильевича по связям с общественностью. С его подачи я даже стал членом ректората — самым молодым. Мы решали текущие вопросы, обсуждали инициативы, высказывали са-

И когда мы развернули вопрос таким образом, сказали, да, у нас элитарный вуз, все встало на свои места. И жизнь доказала нашу правоту. Востребованность, вовлеченность наших выпускников во все сферы жизни страны возросли многократно. Если раньше они были дипломатами, журналистами, внешнеторговыми работниками, учеными, то сейчас мгимовцы — на ключевых позициях в госаппарате, в политике, бизнесе, в руководстве регионов.

В этих обсуждениях рождалась особая атмосфера МГИМО, особый корпоративный дух, и в этом заслуга Анатолия Васильевича. Как-то мы пришли к нему с идеей отмечать День МГИМО. Он ее поддержал, и мы запустили великолепный праздник, проведение которого стало традицией: каждый год в октябре в альма-матер собираются выпускники разных лет. И это только одна из многих инициатив, которые поддержал Анатолий Васильевич.

Вообще, он производит впечатление молодого человека во всем — в мыслях, подходах, оценках, суждениях. Рассуждает как современный передовой человек, я бы сказал, такой мудрый... бабай. Кстати, так обращаются к Минтимеру Шаймиеву. Бабай — это умудренный опытом человек, который взвешенно оценивает ситуацию и принимает оптимальное решение. И таких примеров много. Возьмите, к примеру, тему цифровых технологий, искусственного интеллекта. Это же его идея была! Я хорошо помню, как в середине 90-х он высказывал идею прогнозирования посредством математических подходов в экономике, хотел вве-

создания Ассоциации журналистов, первым, кто ее поддержал, был Анатолий Васильевич, который тогда еще работал проректором.

Он дал нам помещение, и ассоциация родилась. Она объединила прогрессивную мгимовскую молодежь, которая хотела что-то делать. Из нее вышла плеяда впоследствии известных отечественных деятелей пиара, среди которых Владимир Мединский, Сергей Михайлов, Михаил Маслов, Дмитрий Сокур, Дмитрий Коробков. Мы начали зарабатывать деньги, размещая рекламу в газетах, появилась возможность помогать факультету, который стал распределять среди студентов и преподавателей талоны на питание, по тем временам это была хорошая поддержка.

Анатолий Васильевич поддержал в 1990 году и нашу идею создания в инсти-

ту разные мнения и в конечном итоге находили рациональное зерно.

Запомнилась одна знаковая дискуссия. На заре перестройки нас сильно ругали, мол, МГИМО — блатное место, здесь учится золотая молодежь. Что, конечно же, было неправдой: во все времена доля выходцев из рабочего класса в институте поддерживалась на уровне 30 процентов. И я, и многие мои товарищи поступили в МГИМО по этой квоте. Так вот, мы сидели у ректора и решали: оправдываться нам или нет? И мы пришли к такому выводу: почему мы, собственно, должны стесняться слова «элита» (оно в то время было ругательным)? В результате у нас родилась фраза, которая актуальна до сих пор: «МГИМО гордится тем, что готовит интеллектуальную элиту страны, в этом наша миссия». В любой стране должна быть элита — это нормально.

сти в программу курс матанализа. Правда, сразу реализовать это не удалось, но недавно МГИМО начал наконец реализовывать совместно с МФТИ курс «Цифровая экономика», и он уникален! Не думаю, что руководители каких-то иных вузов способны предлагать идеи, подобные тем, которые генерирует Торкунов. И генерирует до сих пор!

Не говоря о том, что он искусный дипломат и сильный педагог, наставник. Посмотрите, кто его окружает: молодые. Он делает ставку на молодежь.

А какой он друг! Сколько у него друзей — и не потому, что Анатолий Васильевич занимает определенную позицию, а потому, что умеет быть хорошим другом. Это вам скажут и друзья молодости, и те, которых он приобретает по жизни. Он не застрял в прошлом, у него много друзей разных возрастов.

Отдельная история — его чрезвычайная одаренность. Он прирожденный актер, могу об этом с уверенностью говорить, потому что видел в свое время старые записи капустников, в которых он участвовал. Анатолий Васильевич очень органичен на сцене, потому что у него это идет от души, от сердца... Он любит, знает и понимает театр, и его в театре знают,

Анатолий Васильевич — один из моих наставников и старший товарищ. Я всегда могу к нему прийти посоветоваться

в том числе у нас в Александринке.

Заслуга Анатолия Васильевича перед современной Россией заключается в том, что он не только спас МГИМО, но и дал толчок его развитию, превратил в полноценный многогранный университет, который органично вписался во время, не отстал от него. Потому что есть вузы, которые, несмотря на прекрасную школу, отстают, МГИМО же динамично развивается. У него есть славное прошлое, настоящее, которым можно гордиться, и блестящее будущее. Причем не только в образовательной, но и в интеллектуальной сфере — давайте вспомним и «Трианонский диалог», и Валдайские встречи.

МГИМО всегда откликается на вызовы, отвечает широкому спектру интересов страны. В свое время был создан МИЭП, который с каждым годом все более востребован, создана упомянутая выше программа совместно с МФТИ, где смыкаются интересы двух совершенно разных сфер — встречаются, так сказать, физики и лирики. Есть спортивная дипломатия, агродипломатия... А филиальная история! Появился Одинцовский кампус с шикарной инфраструктурой, которому позавидует любой вуз, открылся Ташкентский филиал — первый зарубежный... Все это благодаря Анатолию Васильевичу, его видению, которое не может не поражать своей... молодостью. Я постоянно ловлю себя на мысли, что он мыслит как еще юный, молодой ректор!

Я всегда могу к нему как к старшему товарищу прийти посоветоваться, я с ним обсуждал практически все мои назначения. Мы общаемся, он знает моих детей, мою семью и очень тепло к ней относится.

Я очень благодарен Анатолию Васильевичу и хотел бы пожелать, чтобы он каждый день радовался своим внукам — он их безумно любит. И чтобы они его радовали — это доставляет ему огромное счастье.

организовал в июне 1990 года встречу М. Горбачева с президентом Южной Кореи Ро Дэ У в Сан-Франциско, где обсуждались детали установления дипломатических отношений между двумя странами. 30 сентября отношения были оформлены и успешно развиваются».

«Хорошо помню маленький кабинет без окон на первом этаже в старом посольском здании на 16-й улице американской столицы, который Анатолий делил с будущим постпредом при ООН, нашим общим другом незабвенным Виталием Чуркиным и будущим начальником Управления Северной Америки Иосифом Подражанцем, — делится воспоминанием **Александр Борисов, профессор МГИМО**. — С удовольствием вспоминаю

над ним, когда он старательно складывал квитанции за каждый купленный ящик гвоздей или лист кровли. А наши жены нам до сих пор простить не могут, что им пришлось поехать, когда мы были на работе, за утеплителем и прыгать потом по грязи в туфельках. Наш кот, гроза мышей, обслуживал оба дома по договоренности за скромное вознаграждение».

ДЕКАН ФАКУЛЬТЕТА МО. ПРОРЕКТОР МГИМО

«Когда в 1986 году меня избрали деканом факультета МО, — вспоминает **А. Торкунов**, — время стремительно менялось, оно ставило перед нами другие задачи, мы начали менять программы, вводить новые курсы, новые учебники,

но очень знающие, и надо было с ними обращаться аккуратно, чтобы сохранить для института.

В 1989 году я стал первым проректором, работал с Ричардом Сергеевичем Овинниковым и Андреем Ивановичем Степановым — классными дипломатами, людьми замечательными, но с институтом малоознакомыми. Многие функции руководителя мне по их поручению и так приходилось выполнять. Но проблемы, с которыми я столкнулся, были действительно серьезными. Во-первых, не было денег. Многие вузы по два-три месяца не выплачивали зарплату. Коллективы разбегались. У нас кафедры английского языка были укомплектованы только на 60 процентов. И важно было на том этапе прежде всего сохранить уникальный коллектив».

«Каждый рано или поздно получает, так сказать, свои 15 минут славы, — говорит **Геннадий Толстомятенко (МП, 1980), декан МП-факультета**. — Со мной это случалось неоднократно, но один из этих моментов я бы назвал знаменательным. В конце 80-х во время проведения дня открытых дверей, который проходил в конференц-зале МГИМО, мне поручили заменить декана МП-факультета Виктора Владимировича Гладышева, он заболел. И я, как его заместитель, отвечал на вопросы абитуриентов по факультету. В президиуме сидел Анатолий Васильевич Торкунов, который тогда был проректором по учебной работе и проводил это мероприятие вместе с другими деканами.

Наверное, я удачно отвечал и он обратил на меня внимание, потому что, когда через год начальник учебного отдела, который подчинялся проректору, уезжал в загранкомандировку, Анатолий Васильевич пригласил меня на это место. Под его руководством я и проработал три года.

Этот период стал ценной школой для меня как начинающего администратора. Могу охарактеризовать ее двумя словами: отеческая забота и наставничество. Никогда не забуду первый урок. Желая произвести на Анатолия Васильевича благоприятное впечатление, я подумал, что чем подробнее буду докладывать ему вопрос, который он поручил мне проработать, тем будет лучше. Во время доклада я старался не упустить ни одной детали, говорил минут пятнадцать. Анатолий Васильевич не перебивал, а потом сказал: «Все это, конечно, интересно, но давайте договоримся: излагать надо кратко — до пяти минут». С тех пор доклады по самым сложным вопросам я уместаю в эти временные рамки».

А. Торкунов: «Когда в 1986 году меня избрали деканом факультета МО, время стремительно менялось, оно ставило перед нами другие задачи»

мы стали рекомендовать больше иностранной литературы. Институт в целом стремился создать прорывную ситуацию, что было довольно сложно: многие преподаватели были консервативны, некоторые из них — консервативны,

один вечер, проведенный у Торкуновых дома в Вашингтоне. Ирина, гостеприимная хозяйка, накрыла на стол, и мы весь вечер вспоминали родной МГИМО. Неожиданно возникла и новая грань в наших отношениях: Анатолий спросил меня, как там идут дела с дачным кооперативом МГИМО. А я, грешным делом, и знать не знал. Зато, когда вернулся, сразу же присоединился к коллективу. Вскоре из США вернулись Торкуновы, и мы решили объединиться в строительстве, как предполагалось изначально, одного коттеджа на две семьи.

Но жизнь уже быстро менялась, и глупые ограничения уходили в прошлое. Анатолий мудро предложил строить два отдельных строения, за что я ему очень благодарен. Помню, как я подшучивал

А. ТОРКУНОВ: «90-е — важнейшее десятилетие: люди избрали меня ректором МГИМО»

«Торкуновы вернулись из Вашингтона, когда страна погрузилась в смуту перестройки, — вспоминает профессор МГИМО Александр Борисов, — а в МГИМО «наводил порядок» новый ректор, ставленник

Шеварднадзе, борец с nepoтизмом и абсолютный профан в высшей школе. Тогда уже всходила звезда Ельцина. Помню, мои студенты нарисовали на ватмане его двухметровый портрет и вывесили у деканата. Что тут началось!..

Среди нас, коренных мгимовцев, росло понимание, что институт надо спасать, он был на краю гибели. Возвращение Анатолия было как нельзя кстати. Помогли его крепкая дружба с Иваном Тюлиным, который был заметной фигурой в МГИМО, ну и всеми

А. Борисов: «Помню, утром после выборов раздался звонок по прямому телефону ректора, которым давно уже никто не пользовался. Как и полагается в таком случае, я сдержанно ответил: «Слушаю, Анатолий Васильевич». На это последовало примечательное: «Ты чего, с ума сошел?» Новый ректор не собирался «бронзоветь» в отношениях со старыми друзьями и коллегами»

нами, кто его поддерживал, и, конечно, здравомыслие, проявленное новым российским МИДом.

Помню, рано утром после выборов в моем кабинете раздался звонок по прямому телефону ректора, которым давно уже никто не пользовался. Как и полагается в таком случае, я сдержанно ответил: «Слушаю, Анатолий Васильевич». На это последовало примечательное: «Ты чего, с ума сошел?» Новый ректор не собирался «бронзоветь» в отношениях со старыми друзьями и коллегами и переходить, как чаще

А. Торкунов: «В начале 90-х в МИДе был дефицит кадров, требовались молодые послы. Но я просто считал, что уйти будет постыдно перед коллективом. И мы начали большую программу, ввели новые специальности, за обучение которым люди были готовы платить, стали заниматься фандрайзингом»

А. Торкунов и митрополит Кирилл

всего бывает, на официальный тон. Не изменял он этому качеству и потом. Институт во главе с новым молодым руководителем ждали трудные времена адаптации к постсоветским реалиям, когда нашим долгом было сохранить верность мгимовским традициям и найти достойное место в новой России».

«В начале 90-х в МИДе был дефицит кадров, требовались молодые послы, — говорит **А. Торкунов**. — А я как раз получил ранг посла в 1993 году. И мне предлагали поехать и тогдашний министр А. В. Козырев, и последующие министры... Но я просто считал, что это будет постыдно перед коллективом. И тогда мы начали большую программу, ввели новые специальности, за обучение которым люди были готовы платить. Мы стали заниматься фандрайзингом, наши публикации начали выходить за счет спонсоров.

1994 год. Торжественное собрание, посвященное 50-летию МГИМО

С выпускниками МГИМО Героями Советского Союза В. В. Вольским и А. Н. Игнатьевым

А. Торкунов: «За все эти годы мы ни разу не задержали выплату зарплаты преподавателям. Если посмотреть даже в реальных ценах на динамику роста зарплаты с 1992 года, несмотря на сложности и даже дефолт 98-го года, мы всегда старались наших людей поддерживать. Платная форма образования, надо сказать, помогла нам выйти из тяжелой ситуации»

Вышли новые целевые учебники. В немалой степени из-за проблем, которые возникли в институтах Академии наук, к нам согласились прийти на работу наши маститые ученые — Уколова, Наринский, Печатнов, Ревякин. Мы стали заключать хозяйственные

договоры на подготовку специалистов. Это сейчас они носят в основном индивидуальный характер, а в 90-е у нас были договоры с правительствами Татарстана, Башкортостана, Архангельской, Астраханской областей и другими, а также с отдельными предприятиями. Такая практика была одобрена правительством, и, надо сказать, она помогла нам выйти из тяжелой ситуации. За все эти годы мы ни разу не задержали выплату зарплаты пре-

Р. Додельцев: «Мне не раз приходилось выступать на ректоратах, доводилось и возражать ректору. Но он всегда терпеливо выслушивал несогласных и мог, если находил возражение убедительным, скорректировать свою позицию. Никакого безапелляционного командования, отношение предельно демократическое, уважительное, поощряющее самостоятельность»

подавателям. Более того, стараемся все время наращивать свои возможности в этом вопросе. Если посмотреть даже в реальных ценах на динамику роста зарплаты с 1992 года, несмотря на сложности и даже дефолт 98-го года, мы всегда старались наших людей поддерживать. И сегодня у нас нет проблем с кадрами, хотя с подбором молодых преподавателей проблемы есть всегда. Предмет постоянного внимания — повышение качества преподавания».

«Довелось мне работать в прямом подчинении Анатолия Васильевича, когда он стал деканом факультета МО, — вспоминает **профессор Рудольф Додельцев**. — Я был его заместителем, работалось в охотку: никакого безапелляционного командования, отно-

АЛИШЕР УСМАНОВ
(МП, 1976)
основатель USM,
заместитель председателя попечительского совета МГИМО

Анатолий Васильевич — очень близкий мне человек. Мои родители душевно его любили, и он их очень чтит и любил. А ведь когда он с ними познакомился, он даже не знал, что это мои родители. Анатолий Васильевич — родной человек для меня и для всей моей семьи.

В первый раз я увидел его в 1970 году, когда пришел на прием к ректору МГИМО по поводу того, что меня, как я считал тогда и считаю сейчас, несправедливо не приняли в институт. В тот период для абитуриентов из республик существовала квота, по которой я шел. Получил на экзаменах достаточно баллов, чтобы быть зачисленным, но почему-то мое место в квоте отдали другим, получившим меньше баллов. Потом выяснилось, что ее заполнили дети партийных и правительственных руководителей Узбекистана. Правда, это уже другая история, тем более что на следующий год я поступал в МГИМО на общих основаниях и поступил — на факультет международного права.

И вот я сидел в приемной ректора Михаила Даниловича Яковлева и ожидал решения своей судьбы. И не мог не обратить внимания на видного студента-старшекурсника, который заходил в кабинет, — он, видимо, работал в приемной комиссии.

Позже я узнал его ближе, когда мы с Сергеем Ястржембским стали членами лекторской группы, которую Анатолий Васильевич возглавлял от комитета ком-

сомола. Мы встречались, в частности, в библиотеке, где готовились к лекциям, общались. Потом он окончил МГИМО, поступил в аспирантуру, стал помощником ректора Николая Ивановича Лебедева. Я к тому времени был старшекурсником, и хотя Торкунов на тот момент уже выпустился из МГИМО, наши отношения были товарищеские, теплые. Я и сегодня хорошо помню, как мы иногда пили кофе, обсуждая волновавшие нас вопросы.

В моем понимании Анатолий Васильевич — человек, сформировавший облик

Ясчитаю, что главная заслуга Анатолия Васильевича заключается в его огромном вкладе в сохранение МГИМО в период развала системы образования. Институт устоял, и прекрасный профессорско-преподавательский состав был сохранен

современного МГИМО. Если до Николая Ивановича Лебедева вектор развития института определялся людьми, которые рассматривали МГИМО в качестве, так сказать, пересадочного пункта перед следующей посольской должностью и были не против некоторое время позаниматься образовательной и научной деятельностью, а то и просто попросили себя назначить на должность ректора, то с приходом Лебедева развитие

МГИМО приобрело устойчивость. При нем вырос как администратор Анатолий Васильевич Торкунов, ставший проректором при следующем руководителе института.

Я считаю, что главная заслуга Анатолия Васильевича заключается в его огромном вкладе в сохранение МГИМО в период развала системы образования. Институт устоял, и прекрасный профессорско-преподавательский состав был сохранен.

В первую очередь благодаря организаторскому таланту Торкунова, а также его обаянию, которым он умел пользоваться. Ну и конечно, ни для кого не секрет, что для многих поколений студентов он был как родной папа! Поэтому я не боюсь переоценить роль Торкунова — это просто невозможно.

Но теперь наступает период, когда он обязательно должен подготовить продолжателя, достойного наследни-

ка, который сохранил бы плоды его деятельности и вектор развития института. И еще больше упрочил бы бренд студента МГИМО — вот этого я ему желаю!

Я хотел бы поздравить Анатолия Васильевича с днем рождения. Пожелать в первую очередь здоровья в наши непростые времена. И чтобы мы почаще с ним виделись, а то последнее время видимся мало. И скучаем друг по другу.

Наступает период, когда Анатолий Васильевич должен подготовить продолжателя, достойного наследника, который сохранил бы плоды его деятельности и вектор развития института

В. Шитов: «Мы рассматривали новый коммерческий факультет МБДА как органичную часть института, он должен был зарабатывать деньги, но не распоряжаться ими, а перенаправлять в бюджет МГИМО. Платная форма образования была неизбежна в тех условиях ради сохранения института»

С выпускниками в День института

25-летие кафедры востоковедения

сился ко мне и моим действиям предельно демократически, уважительно, поощрял самостоятельность. Таким же его стиль руководства оставался, когда он стал первым проректором, а потом и ректором. Мне не раз приходилось выступать на ректоратах, доводилось и возражать ему. Но он всегда терпеливо выслушивал несогласных и мог, если находил возражение убе-

дительным, скорректировать свою позицию.

И еще: находясь три десятилетия на столь высокой позиции, Анатолий Васильевич сохранил способность сопереживать людям, которыми руководил. Только один пример, о котором знают немногие: когда доцент А. А. Злобин и профессор Р. В. Фокеев утратили в результате инсульта спо-

собность выполнять функции преподавателей, он много месяцев платил им зарплату. Честь ему и хвала за это!

Анатолий Васильевич, глубоко уважаю твое долголетнее служение МГИМО и Отечеству. Не сомневаюсь, что ты и дальше будешь оставаться самим собой!»

«В 1986 году мы с Анатолием Васильевичем примерно в одно

и то же время вернулись в институт из загранкомандировки, — говорит *декан факультета МБДА Владимир Шитов*. — Помню, он сначала поработал некоторое время в лаборатории международных проблем МГИМО, далее последовательно стал деканом факультета МО, проректором по учебной работе, а потом и ректором. В 1992 году Анатолий Васильевич предложил мне возглавить новый факультет, идея которого тогда более чем назрела.

В МГИМО в то время работала Школа бизнеса, которая не принадлежала институту. Она использовала логотип МГИМО, помещения, привлекала преподавателей, которым платила почасовую плату, а институту отчисляла очень мало, все заработанное оставляла себе.

И тогда возникла идея коммерческого факультета МБДА. Я изложил ее на ученом совете института, и она победила концепцию бизнес-школы. Я рассматривал новый факультет как органичную часть института, он должен был зарабатывать деньги, но не распоряжаться ими, а перенаправлять в бюджет МГИМО.

В. Шитов: «Анатолий Васильевич — руководитель, обладающий не только очень хорошими административными способностями, но и организаторской смелостью. Отношение к платному образованию в те годы было двойственным: люди привыкли, что образование может быть только бесплатным. И ректор МГИМО стал одним из тех, кто ломал этот стереотип»

Платная форма образования была неизбежна в тех условиях ради сохранения института. Кстати, название «факультет международного бизнеса и делового администрирования» (МБДА) придумал Анатолий Васильевич, у меня было другое предложение — «факультет международного делового администрирования», я считал, это название легче будет перевести на английский язык. Но потом понял, что вариант Анатолия Васильевича — шире и лучше звучит, так оно впоследствии и оказалось. А я лишний раз убедился (и убеждался потом неоднократно) в его невероятной способности генерировать идеи. А также в том, что Анатолий Васильевич — руководитель, обладающий не только очень хорошими административными способностями, но и организаторской смелостью. Отношение к платному образованию в те годы было двойственным: люди привыкли, что образование может быть только бесплатным. И ректор МГИМО стал одним из тех, кто ломал этот стереотип, потому что без доходов

Ежегодный сбор курса 1972 года

от контрактной системы в новых условиях было очень трудно обеспечить существование института».

«Одна из сложнейших задач, которая встала перед Анатолием Васильевичем, когда он был избран ректором МГИМО, — вспоминает *Марина Лебедева, завкафедрой мировых политических процессов*, — заключалась в необходимости сохранить преподавательский состав МГИМО. Экономисты, юристы, преподаватели иностранных языков оказались очень востребованными на вновь возникающих российских рынках. По сути, у МГИМО было две стратегии дальнейшего развития: постараться законсервировать то, что было наработано в течение десятилетий, и как-то удержать на плаву кадровый состав или создать принципиально новую концепцию МГИМО, но при этом задача сохранения ядра кадрового

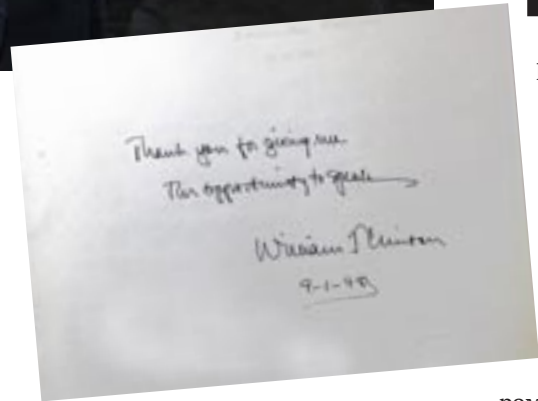
Генсек ООН Б. Бутрос-Гали в МГИМО

А. Торкунов, Б. Клинтон, Е. Торкунова

состава оставалась. Вторая стратегия — намного более сложная и рискованная в ситуации неопределенности 90-х годов. И Анатолий Васильевич выбрал ее. В результате МГИМО превратился в ведущий вуз страны и был признан в мире. И в этом проявилась, на мой взгляд, очень важная черта Анатолия Васильевича — открытость новому и одновременно умение сохранить традиции и людей МГИМО.

По поводу открытости всему новому, интереса Анатолия Васильевича к тому, что происходит в мире, мне вспоминается один из эпизодов сере-

дины 90-х годов. Тогда менялась не только Россия, кардинальные изменения происходили в различных регионах мира: разблокировались

М. Лебедева: «Анатолий Васильевич выбрал стратегию, которая заключалась в создании принципиально новой концепции МГИМО при сохранении ядра кадрового состава. В результате МГИМО превратился в ведущий вуз страны и был признан в мире»

региональные конфликтные ситуации, менялись политические системы ряда государств, в том числе в Южной Африке, которая мирным путем, вопреки существовавшим тогда прогнозам о «кровавой бане», распрощалась с политикой апартеида. Время было не только сложное, но и очень интересное. Анатолий Васильевич был первым российским ректором, приехавшим в Южную Африку для установления академических контактов. Разумеется, в то время никто не мог предположить, что в будущем Россия вместе с ЮАР образует БРИКС

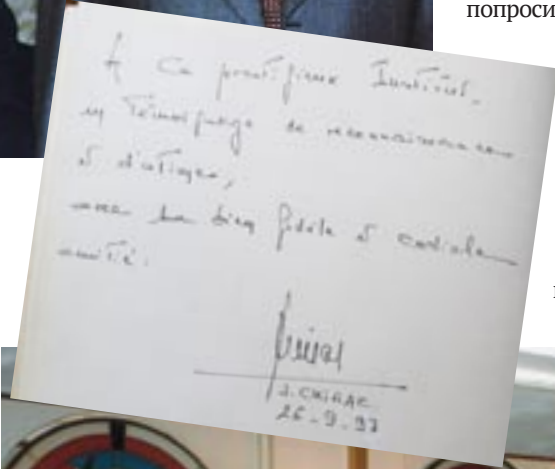

А. Торкунов и Ж. Ширак

И. Тюлин и принц Майкл Кентский

и будет создан Сетевой университет БРИКС (пусть пока и не реализовавший в полной мере свой потенциал). Но академические контакты были крайне важны — с научной и учебной точек зрения, важны и с точки зрения академической (научной) дипломатии, о которой спустя 25 лет Анатолий Васильевич будет писать статьи. Я была в то время в Южной Африке, так как мой муж работал в российском посольстве, и могла наблюдать, с каким профессионализмом Анатолий Васильевич вел переговоры. Кстати, я тогда писала докторскую

Визит генсека ООН К. Аннана

диссертацию по технологии ведения международных переговоров, поэтому получила бесценный материал для размышлений о процессе ведения переговоров. Не обошлось без приключений. После встреч в Университете Претории Анатолий Васильевич должен был

М. Лебедева: «Очень важная черта Анатолия Васильевича — открытость и интерес ко всему новому и одновременно умение сохранить традиции и людей»

приехать в российское посольство, а поскольку я сопровождала ректора, меня попросили его привезти, тем более что расстояние до нашего диппредставительства — всего километров пять. Дорога в основном шла по узким улочкам, и только в одном месте надо было пересечь довольно оживленную дорогу. Признаюсь честно, вожу машину я неважно. А здесь еще ректор в качестве пассажира. В общем,

я лихо пересекла эту оживленную дорогу, не пропустив транспорт. Но все обошлось. Хотя перепугалась я не на шутку, так что руки тряслись! До сих пор эта сцена стоит перед глазами. А вот у Анатолия Васильевича выдержка была железная — он лишь пошутил по поводу моего стиля вождения». ☑

ВЛАДИМИР ПОТАНИН
президент компании «Интеррос»,
заместитель председателя попечительского совета МГИМО

Как выпускник МГИМО, я горжусь тем, что под руководством А. В. Торкунова МГИМО продолжил свое успешное развитие как один из ведущих образовательных центров страны, став университетом мирового уровня. Сегодня бренд МГИМО широко известен далеко за пределами России, среди его выпускников — крупные бизнесмены, министры и даже президенты из разных стран мира. Известный политик Генри Киссинджер назвал МГИМО русским Гарвардом, и это сравнение совершенно обоснованно: за последние десятилетия МГИМО успешно интегрировал в свою деятельность лучшие современные практики образования: от совместной с международными уни-

верситетами магистратуры до создания собственного мощного фонда развития — Эндаумента, гарантирующего его устойчивость в условиях рыночной экономики.

Все эти достижения неразрывно связаны с именем А. В. Торкунова, его энергией и плодотворной деятельностью на посту ректора МГИМО.

Желаю Анатолию Васильевичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых ярких идей на благо МГИМО и российского образования в целом.

Все достижения университета неразрывно связаны с именем А. В. Торкунова, его энергией и плодотворной деятельностью на посту ректора МГИМО

1983 год. Военные лагеря

На картошке. В. Потанин — третий справа. Второй слева — В. Небензя

Известный политик Генри Киссинджер назвал МГИМО «русским Гарвардом», и это сравнение совершенно обосновано

ФАТТАХ ШОДИЕВ

(МП, 1976)

член Совета директоров Евразийского банка, совладелец ERG (Евразийская группа) и IMR (International Mineral Resources), член попечительского совета МГИМО

Родной институт, который дал мне профессию юриста-международника, впоследствии дал мне и вторую: благодаря ему я родился как благотворитель. В 1996 году меня пригласили на годовщину МГИМО. Там я встретился с Анатолием Торкуновым, возобновил нашу студенческую дружбу и услышал от него печальную историю о близком к распаду состоянии родного института. На мой вопрос, что

оставаться в институте. Когда у меня появилось больше возможностей, я, конечно, с удовольствием стал передавать больше. Потом Международный фонд Шодиева взял на себя обязательство делать это на постоянной основе, финансировал издательскую деятельность, выделял гранты преподавателям, пишущим учебники, отправлял студентов на зарубежные стажировки.

щее время входит в пятерку лучших вузов России. У него есть международный рейтинг.

Финансовое управление играет в этом не последнюю роль. Важным рубежом стал 2007 год, когда в созданный в МГИМО Эндаумент — Фонд развития МГИМО — трое его главных учредителей и крупнейших благотворителей вуза — Владимир Потанин, Алишер Усманов и ваш покорный слуга — внесли солидные средства. В тот период немногие выпускники откликнулись на призыв института поддержать его фонд развития, поэтому Анатолий Васильевич попросил нас показать пример. Каждый из нас дал 125 миллионов рублей. А потом каждый год мы трое увеличивали капитал Эндаумента, давая по миллиону долларов. Это был по-настоящему качественный скачок в деле нашей поддержки института, потому что таким образом мы заложили его финансовую базу, результаты управления которой позволяют МГИМО уже много лет самостоятельно планировать свое развитие.

Ну а следующий качественный этап наступил несколько лет назад, когда мы поставили себе задачу довести сумму целевого капитала Эндаумента до миллиарда рублей. Насколько я знаю, в настоящее время она уже перевалила за 1,5 миллиарда.

Таким образом, наш институт стал вровень с ведущими образовательными учреждениями Европы и Америки, чья история исчисляется веками благодаря эндаументам, которые финансируют бывшие выпускники.

Я очень горд тем, что зарубежный филиал МГИМО открылся в Ташкенте, мы о таком даже не мечтали раньше! Теперь у нас есть возможность обучать узбекскую молодежь программам, разработанным лидером российского образования, чему я несказанно рад.

Анатолию Васильевичу исполняется 70, а МГИМО недавно исполнилось 75. Я желаю обим долго здравствовать, выпускать в профессиональную жизнь новые поколения специалистов международного уровня, служить и дальше образцом в российской образовательной сфере.

Я горжусь не только своей альма-матер, но и ее ректором! Очень рад, что судьба привела нас к сотрудничеству в большом и важном деле. Нас связывают также и теплые человеческие отношения, доверительность. Сегодня я не только жму руку Анатолию Торкунову как своему единомышленнику и сотоварищу, но также от всего сердца обнимаю его как своего близкого друга.

надо делать и как я могу помочь, он сказал, что МГИМО нужен свой бюджет развития. И тогда я решил перевести деньги. С тех пор Анатолий Васильевич называет меня первым благотворителем института. Но когда я переводил институту первые 100 тысяч долларов, мне было не важно, первый я или второй. Я просто хотел помочь.

Не буду сейчас вспоминать о сложностях денежных переводов в 1990-е и потерях средств «по пути». Но именно эти проблемы послужили идее встречного создания двух фондов, чтобы между нами установились межфондовые отношения. Анатолий Васильевич создал институтский фонд, а я — свой благотворительный. Первая сумма много дала институту, ведь мы оговорили, что она пойдет не на покраску заборов, а на поддержание интеллектуального потенциала МГИМО. Растущий капитализм активно «покупал головы», забирал из вузов, страдавших от безденежья, лучшие кадры, а МГИМО смог предложить зарплаты, стимулирующие преподавателей

Я горжусь не только своей альма-матер, но и ее ректором! Я не только жму руку Анатолию Торкунову как своему единомышленнику и сотоварищу, но также от всего сердца обнимаю его как своего близкого друга

За те почти три десятка лет, что Анатолий Васильевич находится на своем посту, он сыграл огромную роль в том, что наш вуз не только сохранил свое высокое звание и уникальные качества, но и нарастил свои мощности и в настоя-

ПЬЕР МОРЕЛЬ

посол,
сопредседатель «Трианонского диалога»

Когда в 1992 году я приехал в Москву в качестве посла, я уже знал о роли МГИМО. Мне было известно, что это один из ведущих советских вузов, с тех пор как я работал здесь молодым дипломатом еще в 70-х годах.

В период грандиозных перемен начала 90-х меня поразило, насколько быстро происходила перестройка этой, как тогда говорили, кузницы дипломатических кадров — в направлении расширения карьерных возможностей для выпускников, в частности в банковском секторе и журналистике, создания новых образовательных программ.

Помню, как меня поразили и архитектор этих преобразований — Анатолий Васильевич Торкунов. С этим связана одна история. В начале 1993 года я и мой коллега посол Германии в России Клаус Блех одновременно получили из наших столиц указание совместно отпраздновать 30-летие Елисейского договора между Францией и Германией, но не в формате дипломатического приема, а как-то

Наши отношения с Анатолием Васильевичем всегда отличали открытость и доверие при обсуждении любых вопросов, даже контакты осенью 2014 года, сразу после украинского конфликта, когда обстановка была действительно сложной, мы вели дискуссии очень свободно, откровенно

иначе. Мы тогда не совсем понимали, каким образом это лучше всего сделать в Москве, и представили молодому ректору МГИМО эту оригинальную инициативу, предложив провести семинар на тему франко-немецких отношений. Так состоялось наше знакомство. Должен сказать, что живой и заинтересованный отклик Анатолия Васильевича обеспечил нам настоящий успех. Для всех участников это событие стало знаковым.

Личная связь, которая таким образом быстро завязалась между нами, стала уверенно развиваться по мере того, как выстраивалось сотрудничество между МГИМО и университетом Sciences Po. Осенью 1993 года из Парижа прибыла представительная делегация под руководством директора Sciences Po — выдающегося политолога и управленца Алена Лансло. В результате переговоров 19 октября в Большом зале нашего посольства было подписано первое соглашение между двумя вузами о создании программы двух дипломов. Тогда у нас возникло ощу-

щение, что на основе солидной педагогической базы мы закладываем новый фундамент, отвечающий потребностям наших стран. И действительно, этот новаторский шаг позволил создать уникальную программу, 25-летие которой мы отпраздновали в ноябре 2018 года в Национальном собрании в Париже, где присутствовали многие ее выпускники.

Как-то в одном из разговоров я узнал от Анатолия Васильевича, что свою карьеру он начинал в Северной Корее. Это произвело на меня особенное впечатление: начинать в такой непростой стране — дело исключительное. Но всегда

Об Анатолии Васильевиче можно сказать, что он — человек на все времена. Его многолетнее руководство институтом уникально. Я искренне желаю ему и дальше совершенствовать свое искусство диалога, в котором остро нуждается наш мир

нужно двигаться вперед, и его пример — лучшее подтверждение этой известной истины. Наши с ним отношения всегда отличали открытость и доверие при обсуждении любых вопросов, касавшихся трансформации системы международных отношений. Мы неоднократно встречались и после завершения моей миссии в Москве, в том числе на ежегодных мероприятиях Конференции по вопросам мировой политики. Я прежде всего имею в виду наши контакты осенью 2014 года, сразу после украинского конфликта: обстановка была действительно сложной, но мы вели дискуссии очень свободно, откровенно.

Шли годы, менялась политическая обстановка, но связь, установленная 20 лет назад, сохраняла то же качество. Вот почему, когда 30 мая 2017 года президенты Эммануэль Макрон и Владимир Путин учредили «Трианонский диалог», которым нам с Анатолием Васильевичем

поручили заниматься в качестве сопредседателей, мы были готовы к этой неожиданной миссии. Содействие усилению обмена прямыми контактами между французским и российским гражданскими обществами стало новой задачей — нужно было выйти за рамки устоявшихся каналов и традиционных кругов, найти новую аудиторию, использовать новые методы. Мы предполагали, что потребуются время, ресурсы и умения, но с самого начала знали, что отличное взаимопонимание между нами и способность работать вместе — это уже первый шаг к успеху. Анатолий Васильевич обладал

проектов в сфере культуры. Уже три года мы вместе делаем ставку на молодое поколение наших стран. Наши контакты, состоявшиеся в январе 2019 года во время визита министра высшего образования госпожи Видаль и поездки в «Сколково», стали для меня прекрасным примером того, как мы смогли открыть новые пути в этой долгой истории взаимоотношений между нашими странами.

Об Анатолии Васильевиче можно сказать, что он — человек на все времена. Его многолетнее руководство институтом, его продолжительное лидерство во многом уникальны. Его выносливость,

ет непревзойденным мастерством педагога и организатора, располагает поддержкой высокоэффективной команды и обширной сети университетских контактов. Я, в свою очередь, смог привлечь общественные организации, потенциал которых иногда недооценивается, и талантливых молодых людей с их предпринимательским динамизмом, которые могут выступать активными участниками

открытость всему новому и творческий подход, которые были особенно необходимы в период быстрых и трудных трансформаций в России, и сегодня исключительно способствуют укреплению престижа его страны. В связи с юбилеем в этот период, полный неопределенности, я искренне желаю ему и дальше совершенствовать свое искусство диалога, в котором остро нуждается наш мир.

Фото: Н. Мельшев/ТАСС

ИРИНА ПРИМАКОВА
вдова Е. М. Примакова

Познакомились мы с Анатолием Васильевичем и Ириной Геннадьевной в начале 90-х у наших общих друзей, в гостеприимном доме Рамиза Гасановича Ризаева, тогдашнего посла Азербайджана в России. Мы, по-моему, с первой минуты прониклись симпатией друг к другу, и эта дружба сохраняется до сих пор.

Оценивая роль Анатолия Васильевича Торкунова в истории МГИМО, Евгений Максимович говорил: человек на сво-

Оценивая роль Анатолия Васильевича Торкунова в истории МГИМО, Евгений Максимович говорил: человек на своем месте. Он считал, что лучшего ректора, лучшего руководителя, лучшего ученого для университета быть не могло

ем месте. Есть такое устоявшееся выражение. Именно усилиями Анатолия Васильевича МГИМО стал тем университетом, которым мы его сегодня знаем. И Евгений Максимович считал, что лучшего ректора, лучшего руководителя, лучшего ученого для университета быть не могло. Недаром, когда Анатолий Васильевич баллотировался сначала в члены-корреспонденты Академии наук, а потом в академики, Евгений Максимович был обеими рука-

ми за, потому что считал, что Анатолий Васильевич не только талантливый организатор, но и большой ученый.

Евгений Максимович не был выпускником МГИМО, он окончил Институт востоковедения, который впоследствии вошел в МГИМО, но он всегда был связан с университетом. Некоторый период времени Евгений Максимович был преподавателем, профессором МГИМО, читал лекции, но главное — вел группу магистрантов, с которыми занимался так называемым ситуационным анализом, автором которого он был и за что в свое время получил государственную премию. Вспоминая об этом периоде, он говорил, что общение с молодежью доставляло ему большое удовольствие. «Толковые, грамотные, образованные. Одно удовольствие, так сказать, поправлять их и помогать им» — это буквально его цитата.

Хотела бы пожелать и университету, и Анатолию Васильевичу процветания. А самое главное — чтобы МГИМО и его

2000–2010

А. ТОРКУНОВ: «Главное для меня событие первого десятилетия нового века — избрание академиком РАН»

АКАДЕМИК. ЧТО ДЛЯ ВАС ЗНАЧИТ ЭТО ЗВАНИЕ?

«Дело в том, что академиком никто не назначается, — говорит *Анатолий Торкунов*. — Для того чтобы стать членом (а я стал им в 54 года, то есть одним из самых молодых, а в области гуманитарных наук — самым молодым), а потом академиком, мне пришлось пройти в общей сложности через восемь тайных голосований. Потому что сначала голосует секция, потом отделение и т. д. Причем голосуют люди, которые тебя не знают и никак с тобой не связаны: фи-

зики, химики, геологи... Поэтому важно, чтобы у тебя была соответствующая научная репутация, были публикации, книги и ты был известен как приличный человек — это тоже очень существенное обстоятельство. Я прошел в 2004 году с первого раза в члены, а спустя четыре года — с первого раза в академики, чем очень горжусь! Это вообще редчайший случай и для меня огромная личная победа».

«Я прежде всего ученый, и это для меня главное, — считает *академик РАН*

Нодари Симония. — Когда я за несколько месяцев до выборов в академики вернулся из Японии, мне нужно было через неделю опять уезжать на полгода — в качестве visiting professor в Лондонскую школу экономики. Все академическое начальство выразило крайнее неудовольствие этим. А я спрашивал: «Зачем я должен остаться? Чтобы бегать за другими академиками, уговаривать их голосовать за меня?» И уехал в Лондон. А когда были выборы, прилетел на два дня в Москву, прошел в академики, устроил сабантуй

А. Торкунов: «Для того чтобы стать членком, а потом академиком, мне пришлось пройти через восемь тайных голосований. Причем голосуют люди, которые тебя не знают. И важно, чтобы у тебя были научная репутация, публикации, книги и ты был известен как приличный человек»

у себя дома для коллег и друзей и вернулся в Лондон.

Однако без встречи с другим тбилисцем, Евгением Максимовичем Примаковым, в моей научной карьере многое могло не состояться. Во-первых, он меня поддержал на выборах в члены-корреспонденты РАН, а со званием академика вообще произошла интересная история. Звонят мне в Японию, где я находился в Университете Хоккайдо в качестве visiting professor, поздрав-

В. Мясников: «Звание академика — это прежде всего возможность работать. До гребовой доски! Если я доктор наук, меня могут сократить, уволить. Академика уволить нельзя»

ляют с днем рождения и говорят: хотим вас выдвинуть в академики. Как? Я же за границей. Оказалось, когда они решали по кандидатуре, Примаков сказал: выдвигайте Симонию, у него столько трудов, что он готовый академик».

«Я очень радовался, когда меня избрали членком в 1966 году, — признается

«Мисс МГИМО — 2008»

академик РАН Владимир Виноградов (первый выпуск МГИМО), — это открывало новые возможности для научной работы. Когда же с задержкой в двадцать лет, после того как я несколько раз неудачно баллотировался, меня избрали академиком, большой радости я уже не испытал. Когда по соображениям личного характера избирают не вас, а кого-то другого, который меньше сделал, это наносит вам моральный удар. Но я к тому времени уже пользовался в науке большим авторитетом: участво-

есть репутация в своем профессиональном цехе. Он, может, и не написал докторской диссертации — ну не дошли руки! Но у него есть публикации, книги, он что-то придумал, и отнять это у него уже невозможно».

«Звание академика, — уверяет **академик РАН Владимир Мясников** (МО, 1956), — это прежде всего возможность работать. До гробовой доски! Если я доктор наук, меня могут сократить, уволить. Академика уволить нельзя.

Награждение в Кремле

вал во многих научных конференциях, писал книги. По моей инициативе был создан ряд международных научных организаций, в руководстве которых я состоял (я был вице-президентом Ассоциации экономической истории, вице-президентом Европейского центра сотрудничества в области социальных наук и информации и других). А из-за рубежа мне писали письма, в которых обращались как к академику».

«Это немного льстит самолюбию, но я бы сделал акцент на слове «немного», — говорит **академик РАН Владимир Барановский** (МО, 1972). — Потому что есть звание и есть реальная оценка. Звание не всегда соответствует реальному авторитету человека. Многие не имеют регалий, но профессионалы относятся к ним с настоящим уважением. Так что звания — вещь вторичная. Главное, когда у человека

Ню положение обязывает. Я должен ежегодно сдавать в Президиум РАН отчет о том, что сделал за год. И это бренд, марка! Я не могу делать что-либо кое-как. Если я ответственный редактор книги, я иногда вкладываю в нее больше, чем ее автор, потому что знаю больше него. А если не знаю больше, то не берусь. И я не подписываю работу, которую подготовили другие. Жить надо не по лжи, как учит нас Александр Исаевич Солженицын».

«Для меня прежде всего было важно, что с избранием меня, социолога, в Академию наук была институционализована социологическая наука, произошло ее признание, — говорит **академик РАН Геннадий Осипов** (МО, 1952). — Я был избран почти единогласно, только два человека были против. Потом ко мне подошел Петр Николаевич Федосеев и, поздравив, сказал: «Да, вы боролись,

и получили признание». Хотя он был как раз одним из тех двух».

ЭНДАУМЕНТ

28 марта 2007 года в Доме приемов МИДа на Спиридоновке состоялось учредительное собрание Фонда развития МГИМО, который был создан под патронатом министра иностранных дел России, председателя попечительского совета МГИМО Сергея Лаврова. Председателем попечительского совета фонда был избран ректор Анатолий Торкунов, в совет вошли выпускники МГИМО Владимир Потанин, Алишер Усманов и Фаттах Шодиев. «Создание фонда, — сказал тогда А. Торкунов, — открывает перед МГИМО принципиально новые возможности по привлечению и использованию внебюджетных средств, дает нам перспективу фи-

В. Барановский:
«Звание академика немного льстит самолюбию, но я бы сделал акцент на слове «немного». Звание не всегда соответствует реальному авторитету

нансовой устойчивости и долгосрочного планирования своей деятельности».

Выпускники МГИМО Владимир Потанин, Алишер Усманов и Фаттах Шодиев стали первыми дарителями, в 2007 году они внесли в Фонд развития университета по 125 миллионов рублей, а также решили по итогам каждого календарного года передавать фонду сумму, равную той, которая будет привлечена от всех других жертвователей, до тех пор пока его капитал не достигнет 1 миллиарда рублей.

Главный смысл фонда — в его демократичности: выпускник помогает институту, даже если вкладывает всего тысячу рублей. «Находящиеся в нем денежные средства, — говорит А. Торкунов, — являются неприкасаемыми. Университет вправе использовать только проценты, полученные от их оборота. Привлеченные средства и инвестиционный доход направля-

Дом приемов МИД РФ. 2007 год. Учреждение Эндаумент-фонда МГИМО

ются на поддержание статуса МГИМО как уникального международного гуманитарного университета. Важное значение уделяется финансированию лингвистического блока, дальнейшему продвижению университета на мировом рынке образовательных услуг, созданию инновационных образовательных программ, поддержке научных исследований и издательской деятельности, социального блока».

Целевой капитал Эндаумент-фонда

превышает 1 миллиард 700 миллионов рублей. Ежегодно Эндаумент выполняет функцию базового финансирования университета, став заметной и надежной поддержкой для МГИМО. Суммарно за 2008–2020 годы из фонда в университет было передано 909 миллионов рублей. Одновременно с пополнением целевого капитала Фонд развития МГИМО является точкой роста для текущих университетских проектов, привлекая средства на те из них, которые требуют

А. Торкунов:
«Денежные средства, находящиеся в Эндаументе, являются неприкасаемыми, университет вправе использовать только проценты, полученные от их оборота»

немедленного финансирования. За 11 лет сумма, привлеченная на реализацию проектов и мероприятий, превысила 1 миллиард рублей.

При финансовой поддержке и участии Эндаумента осуществляются следующие проекты: приглашение в МГИМО иностранных профессоров, стажировки преподавателей и студентов в зарубежных университетах, издательская программа и научные исследования, поощрение преподавателей, студенческие гранты, научные конференции, мероприятия для выпускников, поддержка почетных профессоров, модернизация инфраструктуры, продвижение МГИМО и многое другое.

РОБЕРТ ЛЕГВОЛД

почетный профессор Колумбийского университета, Нью-Йорк

Мне доставляет огромное удовольствие поздравить с 70-летием Анатолия Васильевича — моего друга, которым я восхищаюсь. Мое восхищение росло на протяжении лет по многим причинам. Во-первых, видя не только его крепкое и эффективное руководство МГИМО, сложным и разноплановым университетом, но и его творческий подход и желание привнести инновации в насыщенные программы университета. Семь лет назад, когда я предложил рассмотреть возможность проведения семинара для магистрантов и аспирантов МГИМО со-

совместного университетского консорциума, которые обратились в МГИМО с предложением стать одним из шести университетов (Колумбийский университет, Гарвард, Оксфорд, Sciences Po, НИУ ВШЭ и МГИМО), запускающих программу обучения нового поколения специалистов из Европы, России и США. После того как ректору представили идею первой совместной магистерской программы МГУ — МГИМО, она благодаря серьезной и тщательной проработке была реализована.

Во-вторых, Анатолий Васильевич является мощным лидером и инноватором

в сфере образования, а также не менее значительным деятелем сферы интеллектуальной дипломатии. Его роль в создании совместно с бывшим министром иностранных дел Польши Адамом Ротфельдом группы для изучения сложных моментов в российско-польских отношениях и объединении с этой целью польских и российских ученых отражает его способность находить конструктивный подход к непростым проблемам, разделяющим страны. Эту роль он не раз играл на протяжении многих лет.

В-третьих, его лидерство и участие спо-

вместно с американским университетом в режиме реального времени, что было его особой инновационной чертой, Анатолий Васильевич с готовностью поддержал эту идею, а также оказал проекту личную поддержку. Это было крайне важно, когда мы создавали уже ставшую успешной программу МГИМО с Флетчеровской школой права и дипломатии американского Университета Тафтса.

Конечно, совместные обучающие и исследовательские проекты с зарубежными университетами не новинка для МГИМО, учитывая несколько сотен программ, которые реализуются с образовательными учреждениями в 66 странах, но этот курс отличался и теми возможностями, которые он открывал, и требованиями к его организации. Ректор и его команда, действуя на самом высоком уровне, оперативно и профессионально решали возникавшие трудности.

Подобную заинтересованность встретили с его стороны и организаторы нового

Анатолий Васильевич — мощный лидер и инноватор в сфере образования, а также не менее значительный деятель сферы интеллектуальной дипломатии. Его лидерство и участие способствуют успеху таких важных международных инициатив, как, например, «Трианонский диалог»

способствуют успеху таких важных международных инициатив, как, например, «Трианонский диалог». Здесь, как и в других проектах, его дипломатический и академический опыт оказывает решительное влияние, но главную роль, конечно, играет сила его личности: спокойствие и терпеливость сочетаются в нем с уважением к оппонентам и готовностью к взаимодействию с ними без какой-либо предвзятости.

Анатолий Васильевич и ваш покорный слуга принадлежат к двум разным странам, отношения между которыми сейчас находятся в плачевном состоянии. Но фон беседы, которую мы с ним ведем, никогда не бывает политическим именно благодаря этому его свойству: всегда искать даже самые незначительные, но конструктивные возможности, продвигающие нас навстречу друг другу.

Я очень рад поздравить Анатолия Васильевича с 70-летием и пожелать ему долгих лет жизни.

ВЛАДИМИР ШАМАНОВ

председатель Комитета Госдумы РФ по обороне,
Герой России,
генерал-полковник

Познакомился я с Анатолием Васильевичем в 2000 году на крутом переломе своей судьбы. Уволившись с военной службы, я принял участие в выборах губернатора Ульяновской области и 54 процентами голосов избирателей региона был избран на этот пост.

А в ноябре я находился в Москве, где в Администрации Президента Российской Федерации вместе с другими губернаторами присутствовал на подведении итогов избирательной кампании. И один из моих боевых товарищей неожиданно предложил мне посетить с женой

Анатолий Васильевич — фундаментально образованный человек с академическим складом ума. Но при этом удивительно простой в общении

некое семейное мероприятие. На этом вечере я и познакомился с Анатолием Васильевичем Торкуновым, которого сопровождала его очаровательная супруга Ирина. Получается, этой осенью мы будем отмечать 20 лет нашего знакомства, которое переросло в семейную дружбу. Уже и дочь моя давно окончила МГИМО, а дружба наша только крепнет.

Анатолий Васильевич — высокоподготовленный, профессионально и фундаментально образованный человек с академическим складом ума. Но при этом удивительно простой в общении. Находиться в его компании мне лег-

ко и комфортно. А когда я нуждаюсь в консультации по вопросам мировой политики, что бывает нередко, я обращаюсь к нему. И должен сказать, что мало кто так глубоко погружен в тему, как он, и не только по вопросам отношений с азиатскими государствами, в чем он специализировался, но и в области российско-американских, российско-европейских отношений, а также во многих других областях.

Но в основном у нас с ним только дружеские встречи, где мы своим внутренним распорядком наложили табу на обсуждение политических тем, проблем служебного характера и т. п. Мне гораздо интереснее общаться с Анатолием Васильевичем и его супругой как с людьми, фундаментально подготовленными культурно. Ирина прекрасно музицирует, Анатолий прекрасно читает стихи и, как правило, является душой компании.

Поэтому я желаю, чтобы такая замечательная аура всегда сохранялась вокруг Анатолия Васильевича, чтобы он дарил нам радость общения. Но вместе с тем позволю себе сказать (в вашем замечательном журнале напомню ему), что я завершил ремонт бани и пора бы ее уже опробовать. Он мне обещает уже полгода!

Чтобы понять, насколько велика роль Анатолия Васильевича как государственного и общественного деятеля, надо чаще смотреть телевидение, где он нередко выступает в роли эксперта по самым злободневным вопросам мировой политики, а также ознакомиться со списком должностей, на которые его избрали или назначили, а на какие-то он и сам пошел по движению своей души — как человек, неравнодушный к происходящему в стране и мире.

Особо следует сказать о деле его жизни. МГИМО и Анатолий Васильевич — почти ровесники, продукты послевоенного времени. Надо просто представить себе те годы: закончилась Великая Отечественная война, страна в разрухе, и правительство, понимая, что Советский Союз, будучи ведущей силой, одержавшей невероятно тяжелую победу в войне с фашизмом, вернул себе лидерство, образует вуз, который должен готовить высококвалифицированные кадры для развития международных отношений. А через пять лет в семье Торкуновых рождается мальчик, которому родители дают имя Анатолий.

Пройдет немного времени, и он станет студентом МГИМО, окончит его, а в начале 90-х, в непростые годы для страны, на общем собрании коллектива МГИМО

Мы подписали соглашение о стратегическом партнерстве между МГИМО и Рязанским высшим воздушно-десантным училищем. Слава ВДВ и МГИМО!

Анатолия Васильевича изберут ректором, а потом переизберут еще пять раз!

МГИМО и Анатолий Васильевич вместе шагают по жизни в ногу, и дай бог, чтобы эта ходьба только улучшала каче-

ство нашей дипломатии!

Поэтому я и моя супруга Людмила желаем Анатолию Васильевичу, чтобы он не заглядывал в свой паспорт — оставался молодым душой, был иногда способен на отчаянные добродетельные поступки, поддерживал на высочайшем уровне рейтинг одного из ведущих вузов в России, да и в мировой классификации.

Я благодарен Анатолию Васильевичу за то, что мы подписали соглашение о стратегическом партнерстве между МГИМО и Рязанским высшим воздушно-десантным училищем. Теперь студенты наших вузов периодически приезжают в гости друг к другу и взаимно обогащаются. От этого только большая польза. Слава ВДВ и МГИМО!

С днем рождения, дорогой Анатолий Васильевич!

АДАМ РОТФЕЛЬД: «ВОЛЕВОЙ, ЧЕСТНЫЙ, ПОРЯДОЧНЫЙ»

Профессор Варшавского университета, экс-министр иностранных дел Польши — о секрете успеха дипломата Торкунова

В декабре 2007 года мне позвонил из Брюсселя вновь назначенный министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский. Он сказал, что в ходе беседы с российским министром

Сергеем Лавровым они решили создать на новых началах Польско-российскую группу по сложным вопросам. Старая, в состав которой входили должностные лица из разных ведомств обеих стран,

себя не оправдала. Новая группа должна быть независимой, а ее состав предложат сопредседатели. Участниками будут главным образом историки, юристы и социологи из академической и исследовательской среды. И предложил мне стать польским сопредседателем. Я спросил, кого предлагает российская сторона. «Знаете ли вы Анатолия Торкунова?»

Благодаря личным свойствам Торкунова — спокойного, умелого и волевого организатора — в группе сложились взаимоотношения, основанные на принципах профессионализма и компетентности

«Знаю», — ответил я и вспомнил, как в начале 90-х в Москве Владимир Барановский (тогда еще доктор наук, ставший через несколько лет академиком), научный сотрудник Стокгольмского международного института по исследованию вопросов мира (SIPRI), предложил мне встретиться с ректором МГИМО Анатолием Торкуновым. Мы тогда познакомились, но сотрудничать нам не довелось.

Через несколько недель после звонка министра мы с Анатолием увиделись в Брюсселе на одной из конференций, а потом провели обстоятельную беседу по вопросам организации группы. Эта беседа в рыбном ресторане вблизи кафедрального собора мне запомнилась по ряду причин.

Мой собеседник назвал мне фамилии видных российских ученых, которые, по его мнению, могли бы войти в состав группы. В ответ я заметил, что они, конечно, пользуются мировой известностью

и заслуживают огромного уважения. Однако это востоковеды, американисты, знатоки Германии и Франции. Да и сам Торкунов профессионально занимался Корейским полуостровом. «В этом списке, — сказал я, — не вижу людей, знающих польско-российские отношения». На это Анатолий пояснил, что времена изменились: раньше Польша была модной и привлекательной в академической среде, теперь же эта проблематика не вызывает особого интереса, поскольку не сулит молодым исследователям быстрого продвижения в научной карьере. «А может, вы кого-нибудь предложите?» — вдруг спросил он. Я взял салфетку и записал несколько фамилий людей, которых никогда раньше не встречал, но читал их труды.

Через несколько дней раздался звонок, и я узнал, что все эти исследователи приглашены в состав коллектива. Я понял, что имею дело с честным партнером, заслуживающим доверия.

Первое заседание группы состоялось в Варшаве 13 июня 2008 года в дворике МИДа на улице Фоксаль. Оно вызвало довольно большой интерес и ажиотаж СМИ. Сопредседатели были приглашены на беседу с тогдашним президентом Польши Лехом Качиньским. Хорошим напутствием было выступление премьер-министра Дональда Туска, который принял участие в заключительной части нашего заседания. Нам удалось тогда согласовать общие цели и задачи группы, обозначить структуру будущей совместной книги и, самое главное, определить, что является сутью сложных вопросов в польско-российских отношениях. В кратчайшие сроки мы сумели издать на польском и русском языках том под названием «Белые пятна — черные пятна».

В течение восьми лет мы с Анатолием Торкуновым многократно проводили семинары в Варшаве и Москве. Но не только — также в Париже, Вене, Риме, Кракове, Гданьске и других городах. Наш совместный труд вызвал интерес за океаном — в Соединенных Штатах, положительно встречен в Святом престоле. В качестве сопредседателей группы мы были приняты папой римским Бенедиктом XVI.

Нам часто задавали вопрос: «В чем суть и новшество вашего подхода?» Никакого особенного секрета здесь не было и нет, да и быть не могло. В поисках правды мы осознали: история сильно тяготит российско-польские отношения из-за закрытого и невысказанного. И мы решили рекомендовать правительствам Польши и России обнародовать и сделать доступным для научной обществен-

ности все то, что находится за семью печатями. После определения самых сложных и болезненных вопросов польские и российские авторы написали в подготовленном сборнике отдельные разделы, отразив таким способом на основе одних и тех же фактов разные национальные перспективы.

Все это стало возможным благодаря Торкунову, который с самого начала

в группе сложились взаимоотношения, основанные на принципах профессионализма и компетентности. Как известно, общее настроение и атмосферу работы во всех коллективах, в особенности международных, определяют их руководители. Анатолий Торкунов показал свои личные свойства — спокойного, умелого и волевого организатора. Согласовывал со мной все текущие во-

Секрет достоинств Торкунова заключается в том, что даже в трудные моменты его не покидает чувство реальности, которую он воспринимает с известным юмором

нашей работы вел себя естественно, ни перед кем не заискивал и никому не подражал. Проявлял доверительность, требовательность и благожелательность к своим сотрудникам и уважение к польским партнерам. В результате

просы на равных, но не фамильярничал. Таким образом сложились наши отношения. Меня это устраивало. Мы добились того, что в данных обстоятельствах было оптимальным. Не ставили задач сверх наших возможностей. Использовали полностью исторический момент, который позволил не только открыть новые пути постоянного диалога, но и вовлечь в процесс поиска взаимопонимания и согласия Русскую православную церковь и епископат Римско-католической церкви Польши.

Анатолий Торкунов четко схватывал суть вопросов, великолепно проводил встречи и совещания. Располагал к себе людей своей доброжелательностью. На его сдержанные, четко выверенные слова можно было полагаться.

Секрет достоинств Торкунова заключается в том, что даже в трудные моменты его не покидает чувство реальности, которую он воспринимает с известным юмором.

ВЯЧЕСЛАВ ФЕТИСОВ

первый заместитель председателя Комитета ГД РФ по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи

Познакомился я с Анатолием Васильевичем довольно давно, в начале 2000-х. Я в те годы был руководителем российского спорта, и меня пригласили в МГИМО выступить перед студентами. Как я понял, им было интересно узнать мою позицию по вопросу развития спорта, тем более что

Но чем больше я узнавал Анатолия Васильевича, общался с его очаровательной женой Ириной, с его дочерью, унаследовавшей, как мне кажется, харизму от отца, тем больше понимал, что просто так ничего не бывает. В семье Анатолия Васильевича царят гармония и позитивные взаимоотношения, а его

любовь к внукам, которые сами по себе уникальные ребята, как мне кажется, стимулирует его на большие дела, на принятие правильных решений, направленных на поддержание на самом высоком уровне авторитета школы МГИМО, а также на ее развитие.

И мне совершенно понятна философия Анатолия Васильевича, который как отец, дедушка и глава гармоничной семьи понимает, насколько важно сегодня, на этом витке развития человечества, когда мы видим турбулентность во всем, уметь подбирать слова, чтобы никоим образом

мы тогда формировали федеральную целевую программу по спорту. Желание это было взаимным — мне тоже хотелось пообщаться со студентами вуза, можно сказать, самого крутого, если оценивать степень желания ребят поступать туда. В МГИМО учится неординарная молодежь, и мне было важно получить от нее обратную связь.

Перед встречей со студентами я общался с Анатолием Васильевичем, а после нее мы опять сели поговорить, пообсуждать проблемы. Я был, конечно, потрясен его харизмой, особым даром общения. Меня подкупило в нем, просто влюбило его обаяние — ты прямо тянешься к нему, хочешь с ним что-то обсудить, не важно даже что!

Позже мне открылось в нем другое свойство, которое заключается в умении находить в человеке то, что его стимулировало бы к дальнейшему росту. Это крайне важное качество для руководителя, учителя, наставника.

Меня подкупило в нем, просто влюбило его обаяние. Позже мне открылось другое его свойство, которое заключается в умении находить в человеке то, что его стимулировало бы к дальнейшему росту. Это крайне важное качество для руководителя, учителя, наставника

не провоцировать конфронтацию, предотвращать любую агрессию. Из этого стремления к гармонии вырастает другая сторона его многогранной личности — он блестящий дипломат, который будет делать все, чтобы словами, аргументами, действиями предотвратить войну.

Не случайно современная российская дипломатия, ряды которой пополняет МГИМО, — это особенная школа, которая особняком стоит на карте мировых внешнеполитических служб. И заслуга в этом принадлежит Анатолию Васильевичу Торкунову. Я вижу, какие дружеские отношения у него с теми, кто с ним учился и сегодня занимает высокие позиции в нашей стране и за ее пределами, с каким уважением с ним общаются выпускники других лет из самых разных стран. Дух корпоративности, который он создал, служит сохранению мира на планете, а укрепление корпоративности МГИМО — это уже планетарная миссия.

МГИМО под руководством Анатолия Васильевича — гибкая структура, готовая отвечать на новые вызовы. Взять хотя бы мою сферу — спорт. Решение запустить программу подготовки спортивных дипломатов — яркий тому пример. Я не уверен, что где-то в мире существует такое образовательное направление, но оно важно: мы видим сегодня конфликты, которые разрушают мир спорта, убивают спортивную идеологию, призванную не разъединять, а объединять народы. Когда-то Олимпийские игры появились как миротворческое мероприятие, целью которого было остановить планету в бешеной гонке конфликтов и войн, найти на время Игр возможность мира. Уверен, эта программа вооружит ребят знаниями, которые помогут им отстаивать в международных структурах честь российского спорта.

Анатолий Васильевич — прекрасный друг. Умение дружить — редкость по нашим временам. Для многих это дело многотрудное. Анатолий Васильевич обладает этим даром, он готов помочь, невзирая на занятость. У меня на канале «Звезда» есть ток-шоу «Фетисов», на которое мы приглашаем интересных людей и обсуждаем с ними проблемы, которые касаются всех. Из-за пандемии и ограничений начались сложности с гостями. Звоню Анатолию

Я вижу, какие дружеские отношения у него с теми, кто с ним учился и сегодня занимает высокие позиции в нашей стране и за ее пределами, с каким уважением с ним общаются выпускники других лет из самых разных стран. Дух корпоративности, который он создал, служит сохранению мира на планете, а укрепление корпоративности МГИМО — это уже планетарная миссия

Васильевичу: «Можете приехать? Мы примем все меры предосторожности». Он: «Хорошо, как будешь готов — звони». Дело в том, что мы каждую неделю пишем программу, а он вдруг звонит мне на следующий день и говорит: «Ну как?» Оказалось, он думал, о чем мы могли бы поговорить, и решил: реформа образования, которую сейчас активно обсуждают. Я с радостью воскликнул: «Конечно, мы готовы!» Ведь более авторитетного человека для обсуждения этой темы сложно найти. Я очень благодарен Анатолию Васильевичу — он не просто выручил, у нас получилась действительно хорошая дискуссия, и рейтинги были неплохие.

Хотел бы пожелать дорогому другу в юбилей прежде всего здоровья, потому что нагрузка у вас, Анатолий Васильевич, как я понимаю, фантастическая. Недавно я прошел программу, которую мне посоветовал один ученый-диетолог, так она перезапустила мой метаболизм и избавила меня от 20 килограммов ненужного веса, все в организме нормализовалось. Так что, Анатолий Васильевич, присоединяйтесь, вам еще долго работать на благо МГИМО и нашей Родины. Главное — не утратить жажду движения вперед. Вы сами знаете: лучше победы может быть только следующая победа!

ВПЕРЕД И ВВЕРХ

Когда великую итальянскую актрису Анну Маньяни спросили, чему ее научила жизнь, она ответила коротко: мужеству. Подводя предварительные итоги большой жизни, именно так отвечают те, кто парит на гребне успеха, или, наоборот, те, кто находится на глубине падения. Потому что и тот и другой

Именно с таким случаем — неуклонного движения вперед и вверх — мы имеем дело, окидывая взглядом траекторию судьбы Анатолия Васильевича Торкунова.

Мальчик родился в 50-м году в пролетарском районе старой Москвы. Родители работали на ЗИЛе, были ува-

ДМИТРИЙ БАРЩЕВСКИЙ
кинорежиссер

НАТАЛЬЯ ВИОЛИНА
сценарист

жаемы и почтенны, потому и квартиру получили в добротном ведомственном доме. Правда, в 50-м завод еще звался ЗИСом — носил имя Сталина. Да и сам вождь был еще жив. Однако самое начало — до марта 53-го — маленький Толя вряд ли запомнил. Осознавать себя он стал в пору, которая получит название «оттепель».

А в год, когда он пойдет в школу, Всемирный фестиваль молодежи и студентов прорвет плотину железного занавеса и в Москву лавиной хлынет молодой, свободный и разноликий мир. Конечно, участия в фестивале школьники не принимали, но воздух, которым они дышали, уже был другим. И эти ребята тоже росли другими, непохожими на старших братьев...

Они входили в жизнь с расправленными плечами и дерзкими амбициями. В МГИМО на одном курсе с Толей — будущим ректором — учились и будущий министр иностранных дел Сергей Лавров, и 30 (тридцать!) чрезвычайных и полномочных послов России в разных странах. Карьера Анатолия круто и уверенно шла в гору. Молодой дипломат, аспирант, преподаватель, кандидат исторических наук, доцент, декан, первый секретарь посольства СССР в США, проректор, профессор и, наконец, с октября 92-го года и по сей день бессменный ректор МГИМО, пятикратно переизбранный коллективом... Даже встреча с зеленоглазой красоткой, в которую он опрометью влюбился, не смогла замедлить его стремительное движение. Он без раздумья предложил руку и сердце — видимо, ощущал в себе силы удержать рядом яркую и своенравную девушку. Хотя, как известно, это многих увело со столбовой дороги. Эта девушка и сегодня с ним. Вместе они воспитывают общих внуков, как вместе растили единственную бесценную дочь, которая взяла у мамы красоту и темперамент, а у папы наследовала педагогический дар и легкость в овладении науками.

Однако вернемся к делу жизни — Институту международных отношений. В 92-м, когда Анатолий Васильевич сел в ректорское кресло, еще года не прошло, как Советский Союз закончил свое существование. Вслед за крушением

государства стали рушиться и его устои. Действующее поколение, те, кому в 90-е было между сорока и пятьюдесятью, оказались людьми без опыта. Их прежние знания устаревали каждый день, а на обучение новому времени не было. Сколь многие — талантливые и достойные — слетели на этом вираже с орбиты, не успели, не поняли, не удержались в седле... Сколь многим не хватило мужества — той единственной науки, которой жизнь обучила Анну Маньяни... Анатолий Васильевич не дрогнул. Стараясь сохранить лучшие завоевания советской высшей школы, он погрузился в изучение и внедрение в практическую жизнь МГИМО новых мировых образовательных идей, программ, методов, технологий... Но если перелистать биографию, станет очевидно, что кроме строительства МГИМО, равного лучшим университетским образцам Европы и Америки,

Михаил Светлов говорил:
«Я могу прожить без необходимого, но не могу обойтись без лишнего». Театр — то «лишнее» в судьбе Торкунова, что питает его сердце и душу

Анатолий Васильевич в эти годы еще защитил докторскую диссертацию, получил пожизненный дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла и высокое звание академика РАН.

А еще он орденноносец, и кавалер, и командор, и председатель, и почетный член... Вот с такими «скромными» достижениями подошел Анатолий Васильевич к своему 70-летию, к дате, которая никак не вяжется с его образом. Потому что возраст — это пропажа способности удивляться, утрата любопытства к жизни во всех ее проявлениях, утомленное домоседство и апатия... Все эти признаки напрочь отсутствуют в характере Толи, его образе жизни и вечной охоте к перемене мест.

И даже несмотря на то, что юбилейная дата пришлась на пандемийный жутковатый год, какого еще не знала история, ког-

Рабочий момент съемки:
Наталья Виолина и Лариса Удовиченко

Дмитрий Барщевский обсуждает сцену
с Алисой Фрейндлих

да сам факт бодрого состояния духа и поддержания физической формы приравняется к подвигу, Анатолий Васильевич упорно сохраняет свой образ неизменным. Он подтянут, дружелюбен, открыт чужим проблемам. И быть может, только несколько чаще и с еще большим вниманием обращается из ректорского кабинета к своим студентам по удаленке, зная, как важно им сознавать, что в мятущемся море капитан крепко держит штурвал...

Нет нужды, времени и бумаги перечислять все общественные посты, многозвучные звания, бессчетные коллегии и комиссии, в которых Торкунов заседает... Причем не формально, а со знанием предмета. Мы смогли в этом убедиться, когда он вернулся из Петербурга с попечительского совета Александринского театра. Мы услышали подробный и глубокий анализ двух премьерных спектаклей.

Это было так захватывающе интересно, что не оставалось другого, как сесть в поезд и помчаться в Александринку. Хотя, откровенно говоря, в переложении Толи это было более увлекательно... Теперь мы понимаем, что ничего удивительного в этом нет: Анатолий Васильевич знает и любит театр так, что профессионалы должны завидовать...

Михаил Светлов говорил: «Я могу прожить без необходимого, но не могу обойтись без лишнего». Театр — то «лишнее» в судьбе Торкунова, что питает его сердце и душу. И если можно было бы начать вторую жизнь, мы думаем, он ушел бы в артисты...

Но в той единственной, которой сегодня 70, он — дипломат в самом высоком и широком значении этого слова. А дипломатия, как и политика, — искусство возможного. И невозможного тоже...

Анатолий Торкунов с друзьями —
Натальей Виолиной и Дмитрием Барщевским

результат требует мужества, чтобы идти дальше и оставаться самим собой — тем, кем ты был и есть. Полюсные результаты жизненного пути одинаково опасны: в первом случае — головокружением от успехов, во втором — удушьем отчаяния. Но если неудачи и беды закаляют, то в успехе прячется тайная угроза, возникает подобие кессонной болезни: тяжкие повреждения при слишком быстром всплывании. Не всякий организм с этим справляется. Здесь требуются самоконтроль, точность дыхания и каждого движения, чтобы не позволить крови закипеть.

Хотя юбилейная дата пришлась на пандемийный жутковатый год, Анатолий Васильевич упорно сохраняет свой образ неизменным. Он подтянут, дружелюбен, открыт чужим проблемам

ИГОРЬ КОСТОЛЕВСКИЙ: «АНАТОЛИЙ ОБЛАДАЕТ ОГРОМНОЙ СЕРДЕЧНОСТЬЮ»

народный артист Российской Федерации,
президент Российской национальной театральной премии «Золотая маска»

МЖ: Как и когда вы познакомились с Анатолием Васильевичем?

Мы познакомились очень давно. Нас познакомил общий друг — Михаил Ефимович Швыдкой. И как-то мы сдружились и с тех пор в общем-то и не расстаемся. Я как могу слежу за его жизнью, а он следит за моим творчеством, бывает на спектаклях. Он действительно театральный человек, все время ходит на спектакли... Знаете, как-то мне довелось из-за кулис наблюдать, как Анатолий Васильевич смотрит на сцену. А ситуация была такая. Сидят он, его чудесная Ирочка, а рядом какая-то женщина с ребенком. И меня совершенно поразило выражение лица Анатолия Васильевича: оно было ну точь-в-точь, как у того ребенка! Так непосредственно, так искренне он смотрел спектакль. Это детское восприятие, эта непосредственность, которую он сохранил в себе, — удивительное качество. Кто-то сказал: когда мы теряем в себе ребенка, из нас начинается уходить жизнь. Если человеку удастся сохранить в себе детское начало, мне кажется, это совершенно замечательно!

Анатолий Васильевич удивительно умеет слушать, с ним не только интересно разговаривать — это тот редкий случай, когда с ним интересно молчать. И за этим молчанием порой стоит больше, чем ты или он хотел бы сказать. И он умеет тебя выслушать. Наверное, поэтому у него огромное количество друзей — людей, которые его любят и которых он очень любит. И студентов — я знаю, что он вкладывает в них свою душу, заботится о них, он потрясающий ректор.

МЖ: Интерес к театру в студенческие годы вылился у Анатолия Васильевича в активное увлечение капустниками. Его дуэт с Сергеем Лавровым — до сих пор украшение их встреч однокурсников. Как вы думаете, не благодаря ли этому

обстоятельству в стране появились два ярких дипломата?

Я думаю, да. Ведь в дипломатии обязательно должен присутствовать момент игры. И это ощущение игры при всей ее серьезности присутствует и у Сергея Лаврова, и у Толи Торкунова — конечно, это следствие юношеского увлечения театром и капустниками.

Я бы отметил качество Торкунова, которое, кстати, и в Лаврове присутствует, — какую-то замечательную сдержанность и готовность, я бы так это назвал, к неожиданной импровизации. Они сразу оживают, когда кто-то задает неожиданный вопрос, даже дурацкий. И реакция очень живая и непосредственная

Но я бы отметил качество Торкунова, которое, кстати, и в Лаврове присутствует, — какую-то замечательную сдержанность и готовность, я бы так это назвал, к неожиданной импровизации. Они сразу оживают, когда кто-то задает неожиданный вопрос, даже дурацкий. И реакция очень живая и непосредственная.

МЖ: В фильме «Звезда пленитель-

ного счастья» вы создали романтический образ молодого декабриста, кавалергарда со шпагой на бедре. Дипломаты времен декабристов также носили шпаги, хотя в основном действовали «острой рапирой намека», которой они прекрасно владеют и в наши дни. Какой совет вы попросили бы у Анатолия Васильевича, если бы вам довелось сыграть дипломата?

Дипломатов мне не приходилось играть, приходилось перевоплощаться в разведчиков — кстати, профессии достаточно родственные... Знаете, я бы никаких советов, наверное, не просил у Анатолия Васильевича. Я бы хотел за ним понаблюдать побольше, за его манерой поведения, изучил бы его качества — сдержанность, деликатность, интеллигентность, умение слушать, видеть, воспринимать. Способность восприятия очень важна. По тому, как человек воспринимает, можно судить, насколько глубоко он чувствует, как сердцем принимает происходящее. А Анатолий Васильевич, конечно, обладает огромной сердечностью.

МЖ: А бывали ситуации, когда Анатолий Васильевич помогал вам по своей дипломатической или мгимовской линии? Или, наоборот, может быть, вы ему помогли в театральной сфере?

Анатолий Васильевич — чудесный друг, и он действительно, если тебе трудно, всегда придет на помощь. Тому я не раз был свидетелем. Насколько я помогаю ему — не знаю. Он ходит на мои спектакли, и я ему за это благодарен. Я рад, что у меня есть такие зрители, как Ирочка и Анатолий Васильевич. Дорогой Толя, что тебе пожелать в юбилей? Вперед, вперед и выше! А самое главное — здоровья! Тебе, всем твоим близким и всем-всем твоим друзьям, которых ты очень любишь и которые любят тебя.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ
директор ПИР-Центра, профессор МГИМО

С Анатолием Васильевичем мы знакомы больше четверти века. Он сразу со свойственным ему сочетанием энтузиазма и надежности словом и делом поддержал мое, в ту пору еще недавнего выпускника МГИМО, начинание — создать российскую неправительственную организацию по вопросам международной безопасности и нераспространения ядерного оружия. Институт получил название ПИР-Центр и со дня своего создания плотно, продуктивно, по нарастающей взаимодействует с МГИМО. И не было случая, чтобы при наших встречах Анатолий Васильевич не спросил заботливо: «Как там ПИР поживает?» Мне кажется, ему импонирует

вало, что кипение мысли может и должно идти не только в больших государственных структурах, но и в компактных независимых мозговых центрах. Еще в середине 90-х он прозорливо увидел перспективу в сотрудничестве между таким «бутик-вузом», как МГИМО, и таким «бутик-НИИ», как ПИР. И в том, что ПИР сегодня «поживает» и процветает, есть его немалая заслуга. Не уверен, что Анатолий Васильевич об этом помнит, но в далеком уже 1989 году в издательстве «Мысль» вышла в соавторстве с Ольгой Русаковой его книга «К югу от экватора: Южнотихоокеанский субрегион». Монография про Австралию и Океанию — самый далекий для нас

обитаемый регион мира, про который в Советском Союзе почти и не писали... Я тогда как раз оканчивал МГИМО, и живой язык книги, ее проблематика меня зацепили. Уже через много лет в разговоре с Анатолием Васильевичем выяснилось, что в ту пору у нас с ним была одна общая настольная книга об Океании — очерки датского путешественника Арне Фальк-Рённе «Слева по борту — рай». Прошли годы, но мой интерес к далекой Океании, посеянный когда-то книгой Анатолия Васильевича, не угасал. И вот мы с женой предприняли кругосветное путешествие, сердцевина которого как раз пролегла по тем островам. И вот я сижу в поселке Аваруа на островах

У нас с Анатолием Васильевичем, как выяснилось, была одна общая настольная книга об Океании — очерки датского путешественника Арне Фальк-Рённе «Слева по борту — рай»

Кука, листаю архивы местного МИДа про договор Раротонга, которому Торкунов посвятил немало страниц... Вот прохожу на корабле невдалеке от тех мест, где во Французской Полинезии проводились ядерные испытания, о которых я в свое время с карандашом читал у Торкунова. А вот я на самобытном Вануату, где воздвигнут бюст русскому мореплавателю Головину, и мне вспоминается меткий риторический вопрос Торкунова: «Был ли прав Миклухо-Маклай, мечтавший о сближении России и Океании?» Самое время облачиться в фирменную майку с логотипом МГИМО и пойти обсудить этот вопрос с местными дипломатами! Второе воспоминание — недавнее. 2014 год, 70-летие МГИМО мгимовцы отмечали буквально по всему земному шару. Один из таких товарищеских вече-

На самобытном Вануату, где воздвигнут бюст русскому мореплавателю Головину, мне вспоминается меткий риторический вопрос Торкунова: «Был ли прав Миклухо-Маклай, мечтавший о сближении России и Океании?»

Подписание трехстороннего документа с Миддлберийским институтом международных исследований в Монтерее (Калифорния), МГИМО и ПИР-центром о создании магистратуры двойного диплома

ров состоялся в Швейцарии, в Монтрё. И на его полях в «Монтрё Палас», хранящем дух Набокова, Анатолий Васильевич, наши коллеги из Миддлберийского института международных исследований в Монтерее (Калифорния) и ваш покорный слуга подписали прорывной трехсторонний документ о создании магистратуры двойного диплома в области нераспространения оружия массового уничто-

жения, ядерной политики и глобальной безопасности. Эта программа не имеет аналогов в мире, поэтому высококлассные специалисты, которых мы с тех пор выпускаем, насрывают в России, США, Китае, Испании, Мексике, Канаде... К тому же они «выпускники в квадрате» — сразу с двумя престижными дипломами, российским и американским, и за подписью председателя госкомиссии генерала

армии Вячеслава Трубникова, кстати выпускника МГИМО. Что хотел бы пожелать Анатолию Васильевичу в день юбилея? Когда утихнет пандемия и к нам вернется радость дальних странствий — проехать по Океании, о которой он писал три десятилетия назад. Проехать — и сделать новые открытия. Научные и житейские. Есть Берег Миклухо-Маклая. Будет и Берег Торкунова!

КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ: «ОПТИКА ТОРКУНОВА»

Около 20 лет назад я сидел в президиуме одного собрания, было довольно скучно. А рядом сидел Анатолий Васильевич Торкунов. Мы с ним и раньше пересекались в разных форматах, но общаться не доводилось. Я знал, что он ректор МГИМО, он знал, что я депутат Госдумы. И со скуки мы с ним начали обмениваться язвительными замечаниями по поводу происходящего. Вдруг я обнаружил, что ирония этого человека очень точна и разяща, но при этом не зла. У меня она другая, более жесткая. Позже я понял, что это свойство отражает в целом его характер. От его внимания не ускользает ничто, он все видит, все понимает и выдает всегда точные, порой ироничные определения.

Я когда-то интересовался теорией смеха, и вот что интересно: все смешное — вне нас. Скажем, с клоуна штаны свалились или кому-то кастрюля упала на голову. А все веселое — внутри нас. Анатолий Васильевич — веселый человек. Благодаря определенной оптике он видит в человеке или ситуации что-то веселое, в то время как наша картинка того же самого — обыденная.

После того «обмена ирониями» мы с ним как-то сразу начали общаться, я его пригласил к себе, он приехал с женой Ирой. И это просто поразительно: было ощущение, будто мы сто лет знакомы! Потом он нас пригласил в гости, раздался звонок и такое легкое: «Ребята, приезжай-

те!» Так мы начали дружить.

С Анатолием Васильевичем очень приятно общаться. Он весел, остроумен и по-доброму ироничен. Моя жена говорит, что он настоящий академик, и это правда: он не просто нереально много знает, он понимает природу человека, его сильные и слабые стороны. И это очень важно, потому что многие знают о многом, но только не о человеческой природе, из-за чего получается какая-то каша в отношениях.

Для меня Анатолий Васильевич — настоящий друг. Без оговорок на обстоятельства. Самый простой из всех сложных людей и самый сложный из всех простых.

Он своим умом и волей вписал МГИМО в постсоветскую реальность, нашел способы активизировать связи с выпускниками, первым начал инструментально использовать попечительский и наблюдательный советы для компенсации провалов рынка, запустил работу Эндаумента как способ финансирования важнейших направлений работы университета.

Торкунов — настоящий дипломат, я бы сказал, дипломат без изъянов. Как бы ни была остра переговорная ситуация, он всегда сохраняет ресурс для продолжения контактов. В этом смысле он, не побоюсь это сказать, идеальный человек — и для дружбы, и для работы.

С тех пор как в МГИМО создали попечительский совет, я стал там работать, бывать в университете. Помню, сидя в ка-

бинете Анатолия Васильевича и слушая его рабочие разговоры, я вдруг понял: большего борца за студентов, защитника их прав на таком уровне я нигде и никогда не видел. Это потрясающе! Приходят кадровики, деканы, а он им: «Слушайте, ну любой же может оступиться, это что, принципиально — вот так с ним поступать? Нет, давайте подождем. Если он хочет учиться, давайте дадим ему шанс!»

Анатолий Васильевич — человек до такой степени на своем месте и так любит студентов, что остается только за них порадоваться: студенты МГИМО — самые счастливые!

У меня в семье три выпускника МГИМО — жена Елена, дочь Варя и сын Коля, мы любим Анатолия Васильевича всей семьей.

ЛЕНА РЕМЧУКОВА:

«Он для меня — настоящий академик, ироничный, умный, знающий. Он сохранил престижность диплома МГИМО в совершенно новую эпоху жизни страны!»

ВАРЯ РЕМЧУКОВА:

«Экосистема МГИМО — на платформе Торкунова. Золотые студенческие годы напрочь связаны с Анатолием Васильевичем Торкуновым. Он любит студентов по-настоящему, с уважением их личности».

НИКОЛАЙ РЕМЧУКОВ:

«Торкунов. Мужественно мудрый человек. Остроумный. Имеет фирменный стиль работы, которому хочется подражать студентам: всегда спокойный и сдержанный, а работает много и на опережение. Все мы слышали о немецком трудолюбии. Но известно, что средний кореец в год работает на 1000 часов больше среднего немца. И корейская экономика за последние 25 лет выросла в 4 раза. Похоже, секрет успеха корейца Торкунова — в этом постоянном труде, помноженном на глубокое понимание людей и трендов».

ИГОРЬ ЮРГЕНС
президент
Всероссийский союз страховщиков

Жизнь столкнула нас с Анатолием Васильевичем в 2006 году, когда он вошел в правление моего Института современного развития (ИНСОП), созданного для экспертного сопровождения нацпроектов, которые курировал тогда еще вице-премьер Дмитрий Медведев.

С самого первого момента знакомства и до сегодняшнего дня я мог бы охарактеризовать этого человека двумя словами: благожелательная фундаментальность. При первом контакте Анатолий Васильевич, даже если он тебя не знает, сначала очень благожелательно тебя слушает, а потом фундаментально тебе либо отвечает, либо помогает, либо отвергает. Причем этому свойству соответствуют и его манера держать себя, и взгляд, и речь. Это — Торкунов. Таким он занимает место в моем сердце и душе, за это я его уважаю, и я думаю, что многие скажут то же самое, только другими словами.

Судьба распорядилась так, что в 2011 году, после Ярославского форума, последнего под эгидой президента Медведева, на котором он произнес серьезную речь европейского президента («Россия — часть мирового сообщества», реформы, свобода), и, к сожалению, омраченного трагедией с ярославской хоккейной командой «Локомотив», политическая ситуация резко поменялась и ИНСОП стал не нужен. У меня замолк телефон, повисла долгая тишина, которая в один из дней прервалась звонком. «Ну как дела? — спросил Анатолий Васильевич. — Если что, я всегда с тобой». Это были не просто слова, он пригласил к себе, мы выпили по рюмке в его кабинете. Я ничего у него не просил, устроился потом сам, и жизнь пошла своим чередом. Но такое не забывается.

Анатолий Васильевич сыграл выдающуюся роль в деле развития российского образования, в истории МГИМО. Такую роль классики описывали как роль личности в истории. Мы знаем учебные заведения, которых больше нет, но есть вузы, которые стойкими усилиями таких людей, как Торкунов, являют собой удивительные примеры развития.

Немалую роль в деле трансформации МГИМО сыграл созданный Анатолием Васильевичем первый в стране Эндаумент — Фонд целевого капитала. Я предполагаю, что такие выпускники, как Владимир Потанин, Алишер Усманов, Борис Титов

и другие крупные предприниматели — выпускники МГИМО, как в России, так и в других странах внесли свой вклад в Эндаумент именно «под Торкунова», будучи уверенными в его основательности и надежности.

Я мог бы охарактеризовать Анатолия Васильевича двумя словами: благожелательная фундаментальность

Эти его качества помогают в его многогранной деятельности как на посту ректора МГИМО, члена коллегии МИДа, академика РАН, так и в качестве руководителя многих общественных начинаний, организаций, таких, например, как российско-французский диалог «Трианон».

Что пожелать Анатолию Васильевичу? В жизни каждого человека наступает момент, когда надо самому себе сказать: а что дальше? Я очень бы хотел и для МГИМО, и для МИДа, и для самого Анатолия Васильевича, чтобы он сказал: надо продолжать. Но когда он скажет себе: «Слушай, я и Родине, и МИДу, и МГИМО отдал довольно и хочу вздохнуть полной грудью!» — я желаю, чтобы этот момент пришел не скоро. И пришел по его собственной воле, и только по ней.

МАРК КУРЦЕР

академик РАН,
доктор медицинских наук,
заведующий кафедрой акушерства
и гинекологии педиатрического факультета
РНИМУ им. Н. И. Пирогова,
создатель Группы компаний «Мать и дитя»

В 2004 году мне довелось быть доверенным лицом Владимира Владимировича Путина на президентских выборах. В этом качестве я и познакомился с Анатолием Васильевичем Торкуновым, который также был его доверенным лицом. Первое впечатление — большой дипломат, человек высокой культуры, интеллигентный, грамотный специалист, с первой минуты располагающий к себе.

Затем мы вновь встретились, когда Юрий Михайлович Лужков вручал нам памятный знак от президента — президентские часы. Мы подружились, стали встречаться, общаться по разным вопросам, и могу сказать, что я многому учился у Анатолия Васильевича, поражаясь его умению тонко понимать происходящее, стремиться к коллегиальности в обсуждении вопросов, проявляя подчеркнутое уважение к собеседникам.

Мы виделись в компаниях и на мероприятиях. Я присутствовал на 70-летнем юбилее МГИМО во Дворце съездов, по приглашению Анатолия Васильевича несколько раз выступал в МГИМО с лекциями. В свою очередь, Анатолий Васильевич приезжал к нам в клинику, и я показывал ему наше медицинское хозяйство.

Я рад, что нашей дружбе уже много лет. У нас с Анатолием Васильевичем и его супругой Ириной Геннадьевной за плечами опыт не только прекрасного общения,

Та идеология, которую исповедует Анатолий Васильевич, та насыщенность факультетами и разнообразными курсами позволяют мне надеяться, что со временем он замахнется и на внедрение программ, связанных с медициной

но и совместных путешествий. Вспоминаю, как несколько лет назад мы ехали на машине из Франции в Барселону. Путевые условия были довольно сложные: путешествовали в ночное время, ни гидов, ни сопровождающих не было. И если бы не навигационные способности Анатолия Васильевича, который выступал в качестве штурмана (за рулем был я), мы бы точно заблудились и никогда бы до Барселоны не доехали!

Анатолий Васильевич проявил себя как высокопрофессиональный штурман и в области образования, его роль в раз-

витии МГИМО и вообще российской высшей школы огромна. Когда в начале 90-х он был избран ректором, институт не занимал ведущих позиций. А сегодня МГИМО — мощный университет. И та идеология, которую исповедует Анатолий Васильевич, та насыщенность факультетами и разнообразными курсами позволяют мне надеяться, что со временем он замахнется и на внедрение программ, связанных с медициной.

Что вам пожелать в юбилей, дорогой Анатолий Васильевич? Будучи врачом — акушером-гинекологом, я желаю вам обращаться отныне к врачам только моей профессии!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ: «ПОМОЩЬ ИНСТИТУТУ? КАК ГОВОРЯТ ФРАНЦУЗЫ, ÇA VA SANS DIRE!»

режиссер-кинодокументалист,
заместитель руководителя Администрации Президента РФ (1997–1998),
помощник Президента РФ (2000–2008)

МЖ: Как и когда вы познакомились с Анатолием Васильевичем?

Я был еще студентом четвертого или пятого курса, а Анатолий Васильевич уже вершил судьбы и производил очень солидное впечатление в роли помощника ректора МГИМО Николая Ивановича Лебедева. Тогда я с ним и познакомился.

МЖ: Мы знаем о звездном курсе Торкунова. Ваш курс (МП, 1976) также стал для МГИМО особенным — это Алишер Усманов, Фаттах Шодиев, вы. Ваша поддержка МГИМО в сложный период 1990-х была очень важна.

Так легли карты или решил Всевышний. Игра случая. Помимо вышеназванных на курсе было немало и других талантливых людей. Просто все мы еще школьниками бредили МГИМО, а дальше нам повезло оказаться всем на одном курсе.

Что касается поддержки института, то это, как говорят французы, ça va sans dire! Поддержать любимый вуз для каждого из нас — дело чести. Для нас он всегда был особенным, любимым, чтимым и судьбоносным. Все, что произошло в моей жизни после МГИМО (журналистика, дипломатия, PR на государственном уровне и даже кинодокументалистика), случилось во многом благодаря МГИМО.

МЖ: Как вы оцениваете роль Анатолия Васильевича в развитии МГИМО?

Ректор и его команда — большие молодцы, им удается уже столько десятилетий идти в ногу со временем. А это очень тяжело! За развитием МГИМО сегодня не уследишь — он слишком быстро меняется! Кстати, я тоже приложил к этому руку: вместе с Анатолием Васильевичем, руководителями МИДа и Еврокомиссии

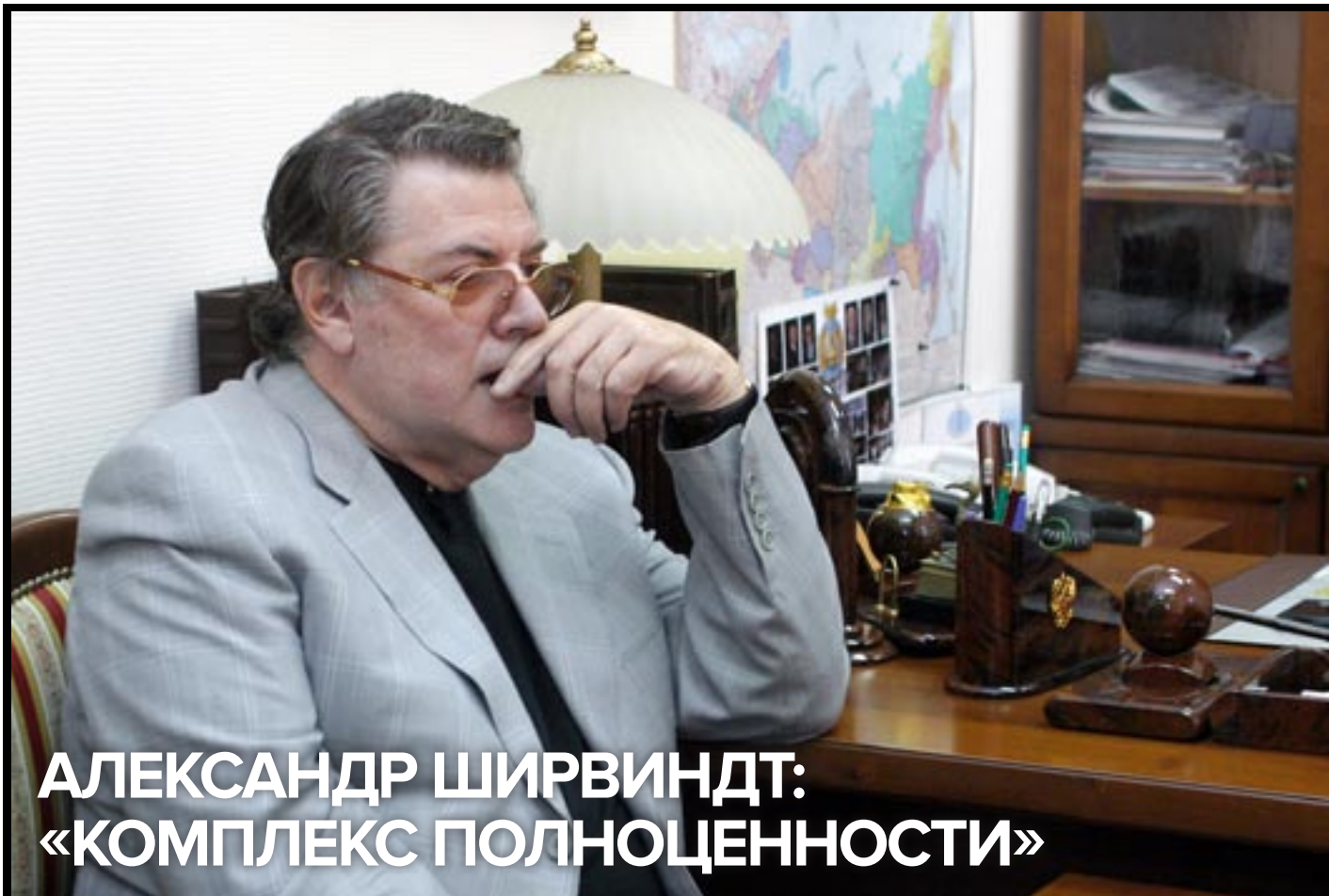

Начало 70-х годов. МГИМО.
Сергей Ястржембский — донор

создавал Европейский учебный институт. И очень рад, что он успешно работает.

МЖ: Анатолию Васильевичу исполняется 70, МГИМО недавно исполнилось 75, что бы вы пожелали ректору в контексте этого общего юбилея?

Да уж, цифры! Звучат солидно! Но я пожелаю и моему другу Анатолию Васильевичу, и институту в целом не поддаваться магии цифр. Идти своей дорогой и радовать выпускников и друзей молодостью духа и зрелостью действий!

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ: «КОМПЛЕКС ПОЛНОЦЕННОСТИ»

Художественный руководитель Театра сатиры, народный артист РФ —
о своей дружбе с А. Торкуновым

Все чаще и острее одолевает тоска по гармоничной личности. Сколько обидных разочарований при ближайшем рассмотрении человеческой особи! Я за свою жизнь разочаровывался до такой степени, что даже страшно. Сколько гениальных физиков оказывались унылыми, печальными молчаливками. Сколько великих актеров в общении оказывались фанерными примитивами. Сколько непримиримых борцов за справедливость в быту оказывались трусливыми подкаблучниками. И так далее. Поэтому, когда на жизненном пути встречается комплексно-полноценная личность, радость зашкаливает необыкновенно.

Торкунов — это предельный для современного человека комплекс полноценности. Красив, умен, изыщен, мудр, хитер. Доброжелателен. По сути, а не для позы. Предан друзьям, круг которых стабилен вне зависимости от ситуации. Ироничен и грустен, что необходимо при привязанности к многолетнему месту службы.

А если эта служба — многолетняя кузница дипломатической элиты страны, тут без энциклопедической образованности и юмора долго не протянешь.

Об Анатолии Васильевиче я мог бы рассказывать бесконечно. Но ограничусь тем, что, во-первых, горд своей дружбой с ним,

Торкунов — это предельный для современного человека комплекс полноценности

во-вторых, признателен, что он искренне, а не по тяжелой необходимости любит театр. И с восхищением наблюдаю за красотой Ириной — музой и вдохновителем всего того, что я сформулировал выше.

Дорогой Толя, будучи старше тебя

на 16 лет и 2 месяца, вынужден с высоты этого возрастного гандикапа сообщить тебе, что ты молодой и у тебя все впереди. Или спереди. Я не знаю, как грамотнее, — выбери, что тебе интереснее. Целую, обнимаю. Твой.

АНДРЕЙ ДАНКО
почетный доктор МГИМО
МИД России,
председатель Национального
совета Словацкой
Республики (2016–2020)

Большинство людей, которых мы встречаем на жизненном пути, постепенно забываются. Но есть те, встреча с которыми, даже короткая, запоминается навсегда. Первая встреча с Анатолием Васильевичем Торкуновым произвела на меня впечатление на всю жизнь. Я узнал человека с огромнейшей харизмой, большим сердцем, глубочайшими познаниями, богатым опытом и, бесспорно, блестящим образованием. Именно таким и должен быть ректор одного из самых престижных и респектабельных высших учебных заведений в мире. Горжусь, что могу назвать его своим товарищем, который являет хороший пример во многих областях жизни. От души желаю Анатолию Васильевичу всего наилучшего, здоровья, счастья и с нетерпением жду наших будущих встреч!

КАРЕН ШАХНАЗАРОВ: «ГЛАВНОЕ И ВАЖНОЕ УСИЛИЕ»

Кинорежиссер, гендиректор киноконцерна «Мосфильм» — о художественных достоинствах высокой дипломатии Анатолия Торкунова

По-моему, это был Ален Рене, французский кинорежиссер, который, отвечая на вопрос, в чем заключается работа режиссера, сказал: «Чтобы сделать фильм, надо приложить массу тяжелых усилий, но самое главное и важное усилие надо приложить для того, чтобы зритель не увидел этих усилий».

Немыслимо тяжело! Это практически невозможно — искать деньги, преодолевать сопротивление бюрократии. Такое впечатление, что весь мир будто создан для того, чтобы помешать тебе сделать что-то толковое. И я понимаю, каких усилий это потребовало от Анатолия Васильевича, но, повторяю, выглядело все так, будто он их не затратил.

эти качества располагают к нему. Кстати, не только доброжелателей, но и людей противоположных взглядов, что тоже часть дипломатии — располагать к себе своих контрагентов, оппонентов.

С Анатолием Васильевичем всегда легко, интересно и необыкновенно весело проводить время. Он человек огромных знаний, я узнал от него массу нового, он прекрасно владеет любой темой, великолепно знает литературу, живопись, историю, он театрал, наконец.

Анатолий Васильевич обладает вы-

В Анатолии Васильевиче очень много художественного, у него натура художника. Вообще, я считаю, что высокая дипломатия — это искусство, а не наука и бюрократия. И в лице Торкунова мы имеем дело именно с художником от дипломатии

дающимися способностями: во-первых, мощным интеллектом, во-вторых, по-настоящему глубоким разносторонним образованием — это настоящий русский интеллигент, наконец, безусловным наличием феноменальных организаторских способностей, воли и умения добиваться целей, которые он ставит.

Не знаю, насколько лестно ему будет услышать, но он из тех, кто принадлежит к советской дипломатической школе — школе очень высокого уровня. Она отличалась тем, что люди, которые работали в этой сфере, были высококультурными,

Мне кажется, это очень соответствует стилю Анатолия Васильевича Торкунова. В его исполнении та колоссальная работа, которую он проделал, восстанавливая МГИМО, развивая его и выводя на новые орбиты, выглядит так, будто бы все у него происходило очень легко и как-то само собой. А на самом деле за этим стоит непосильный труд. Я прожил достаточный кусок жизни, работая в разных качествах, в том числе директором «Мосфильма», и поднимал киностудию примерно в те же годы, когда он поднимал МГИМО, и должен сказать, что это

А между прочим, в этом талант большого художника. В Анатолии Васильевиче очень много художественного, у него натура художника. Вообще, я считаю, что высокая дипломатия — это искусство, а не наука и бюрократия. И в лице Анатолия Васильевича мы имеем дело именно с художником от дипломатии, и это сказывается на всем, в том числе на его манере держаться и общаться с людьми. Он необыкновенно обаятелен, доброжелателен, ровен со всеми, открыт — видно, что он очень искренний человек. И человек огромного юмора. Все

знающими специалистами с широким кругозором. Мне кажется, в этом смысле Анатолий Васильевич — продукт всего лучшего, что создала советская дипломатическая школа. К сожалению, как мне кажется, этот уровень несколько утерян, класс таких людей истончился. Но он пытается эту школу воссоздать. Он превратил МГИМО в блистательный вуз, и в этом его огромная заслуга!

Я знаю Анатолия Васильевича довольно давно, но плотно мы сблизились лишь несколько лет назад, когда я стал работать в рамках «Трианонского диалога», которым он руководит с российской стороны. На мероприятиях «Диалога» мне посчастливилось наблюдать его близко. И Анатолий Васильевич открылся для меня как блистательный дипломат! Это тот действительно высокий класс дипломатии, когда, с одной стороны, он умело проводит свои задачи, а с другой — действует очень принципиально, никогда не поступает теми принципами, которым он сам следует и как человек, и как профессионал.

Да и существует «Трианонский диалог»,

Анатолий Васильевич обладает выдающимися способностями: во-первых, мощным интеллектом, во-вторых, по-настоящему глубоким разносторонним образованием — это настоящий русский интеллигент, наконец, безусловным наличием феноменальных организаторских способностей, воли и умения добиваться целей, которые он ставит

как мне кажется, благодаря его усилиям и руководству. Подобные мероприятия ведь могут легко превратиться в формальность, такие я тоже видел: люди ездят друг к другу в гости, встречаются, что-то говорят... Анатолий Васильевич сделал этот «Диалог» действительно полезным и действенным инструментом народной дипломатии, сближения двух стран. Не хочу обидеть французских коллег, но в том, что он реально работает, прежде всего заслуга Анатолия Васильевича.

Я искренне симпатизирую Анатолию Васильевичу, можно сказать, по-человечески его люблю.

Что пожелать человеку, выдающемуся во всех отношениях, который находится в расцвете своих сил? Я знаю, что у таких людей не бывает чувства самоуспокоения. Наверняка у Анатолия Васильевича есть масса задач, которые он хотел бы решить, в том числе в родном институте, поэтому я ему желаю здоровья и долгих-долгих лет деятельности на благо нашей Родины и нашего народа! Зная Анатолия Васильевича, я уверен, что для него это не пустые слова.

АЛЕКСАНДР ВУЧИЧ: «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ИСКРЕННЯЯ ЛЮБОВЬ К МОЛОДЕЖИ»

Президент Сербии — о роли А. В. Торкунова как дипломата и деятеля образования и науки

С Анатолием Васильевичем Торкуновым, выдающимся академиком, я встретился впервые в конце 2017 года в Москве и потом в 2019 году в Белграде. Обе встречи, в ходе которых мы обменялись мнениями по разным направлениям сербско-российского партнерства, прежде всего по вопросу новых

механизмов сотрудничества в сфере образования и науки, отличались особой теплотой. На меня произвели большое впечатление его профессионализм, талант руководителя, а также искренняя любовь к молодежи. В частности, запомнилась его манера вести беседу — очень продуманная, спокойная, вежливая,

но очень конкретная и предметная.

У меня самые теплые воспоминания о церемонии присвоения звания почетного доктора МГИМО и выступлении уважаемого Анатолия Васильевича по этому случаю. Я благодарен ему за то, что решением ученого совета университета он присудил мне это звание и, таким

Я благодарен
Анатолию
Васильевичу
Торкунову за то, что
решением ученого со-
вета университета
он присудил мне зва-
ние почетного доктора
МГИМО

образом, отнес меня к небольшому числу государственных деятелей, которые получили его. Эту престижную награду считаю привилегией, и поэтому она занимает особое место на стене в моем кабинете.

Поздравляю дорогого друга по случаю 70-летнего юбилея — с искренними пожеланиями крепкого здоровья, чтобы он мог и впредь вносить существенный вклад в светлое будущее российской академической жизни.

АЛЕКСАНДР ДЫНКИН

президент Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, академик РАН

Осенью 1989 года в переполненном зале ожидания вылета на Москву еще в старом аэропорту Сеула мой товарищ профессор Валерий Зайцев познакомил меня с молодым проректором МГИМО корейцем Толей Торкуновым. Не могу сказать, что мы сразу понравились друг другу. И это тоже было правильно. Мы были уже 40-летними докторами наук, и бросаться на шею к первому встречному не входило ни в его, ни в мой негласный кодекс. Но даже в коротком small talk Анатолий убедительно поддержал установление дипотношений Москвы и Сеула. Современному читателю это может по-

Много раз за границей видел, как теплеют глаза у наших дипломатов при упоминании имени Торкунова. Многие, очень многие из них гордятся своим Ректором

казаться банальностью. Но тогда вопрос решался через ЦК КПСС и вопреки позиции тогдашнего министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Отметил про себя, что проректор ведомственного вуза отличается государственным мышлением, подходит к проблеме с позиций национальных интересов страны. Впоследствии, когда мы подружились, не раз и не два был свидетелем широты мышления Анатолия Васильевича. А к нашей дружбе приложили руку два человека. Первым назову своего закадычного друга юности Ивана Тюлина, который был очень близок и с Толей, и с его женой Ириной.

Ванечка был человеком безупречных качеств, талантливым франковедом, глубоким знатоком российской, французской и мировой культуры, джентльменом и отчасти педантом. Когда он безвременно ушел из жизни, общение с Анатолием заполняло возникшую в душе каждого из нас пустоту. Вторым человеком, который нас сблизил, был Евгений Максимович Примаков. Мы с Толей считали его не только своим учителем, но и другом. Инициативу создания нового отделения в системе РАН мы подробно обсуждали вместе. Вместе и пришли с этой идеей к Евгению Максимовичу. И она воплощена в жизнь. Международные исследования зажили своей полноценной жизнью, а Анатолий Васильевич является руководителем секции Отделения глобальных проблем и международных отношений, одним из самых авторитетных и уважаемых ученых.

Чем подкупает Анатолий Васильевич? Мне очень симпатично то, что он человек с миссией. Миссия его — МГИМО. Благодаря Анатолию институт пережил трудные 90-е. Сегодня он является сильнейшим в стране и Европе гуманитарным университетом

А уже после ухода Евгения Максимовича мы запустили Примаковские чтения — нематериальный памятник нашему учителю. За короткий срок чтения вошли в топ-10 самых престижных мировых конференций. Быстро летят годы. Мы видимся не так часто, как хотелось бы. У каждого груз ответственности, масса обязанностей. Но мы в постоянном профессиональном и дружеском контакте. Чем подкупает Анатолий Васильевич? Мне очень симпатично то, что он человек с миссией. Миссия его — МГИМО. Благодаря Анатолию институт пережил

трудные 90-е. Сегодня он является сильнейшим в стране и Европе гуманитарным университетом. Без подвижничества Торкунова, его способности убеждать, таланта педагога, государственного деятеля и дипломата это было бы невозможно. Воистину человек на своем месте и в нужное время. Помню, был членом комиссии по присвоению статуса «Национальный исследовательский университет». Очень

ни, и как исследовательский центр. Толе свойственно научное, гуманистическое мировоззрение. И в этом урок Е. М. Примакова, который А. В. Торкунов очень органично воспринял и неуклонно проводит в жизнь. Он стал ведущим экспертом мирового класса по проблемам Северо-Восточной Азии, архитектуре мирового порядка. Его анализ тенденций международных отношений важен не только для на-

переживал, когда вынужден был сообщить Толе, что МГИМО недобрал голосов. Его реакция удивила: «Мы не сырые и убогие, чтобы получать бюджетные средства. Справимся». И действительно, справились. За последние десять лет МГИМО резко нарастил исследовательский потенциал, открыл массу новых востребованных специальностей. Те же, кто создавал факультеты и направления в других вузах, делали это часто по телефонному справочнику МГИМО. А МГИМО уверенно движется вперед, входит в мировые престижные рейтинги и как учебное заведе-

учного сообщества, но и для коллегии МИДа, членом которой он является. Много раз за границей видел, как теплеют глаза у наших дипломатов при упоминании имени Торкунова. Многие, очень многие из них гордятся своим Ректором. Он заслужил именно такого написания своей должности. Точнее, не должности — своего призвания. А еще он очень теплый, обаятельный и надежный друг. Поверьте, это не пустые слова. Дорогой и прекрасный Толя, с днем рождения! Желаю оптимизма, уверенности и счастья. Живи долго и весело!

К. ТОКАЕВ: «ТРУД УКРАШАЕТ ЧЕЛОВЕКА, А ЧЕЛОВЕК — СВОЕ ВРЕМЯ»

Президент Казахстана, выпускник МГИМО желает А. Торкунову творческой энергии и бодрости духа

МЖ: Уважаемый Касым-Жомарт Кемелевич! Как бы вы охарактеризовали феномен МГИМО, который сумел на протяжении всей своей 75-летней истории, пережив крутой слом эпох, не только сохранить уникальный бренд и качество образования, но и нарастить мощности, выйдя на международный рынок образовательных услуг? Роль Анатолия Васильевича Торкунова в истории института невозможно переоценить — как бы вы определили ее для себя?

Считаю, что за всеми общепризнанными достижениями МГИМО прежде всего стоят люди. Поэтому нужно воздать должное уникальному профессорско-преподавательскому составу универ-

Анатолию Васильевичу удалось совместить бережное отношение к славным традициям университета с глубоким пониманием требований нынешней эпохи и современных тенденций в сфере образования

ситета — им по праву гордятся все, кто в разное время учился здесь. Анатолий Васильевич Торкунов возглавил вуз в переломный период, в 1992 году. Его главная заслуга состоит в том, что он смог сохранить и приумножить высокий интеллектуальный потенциал МГИМО, превратил нашу альма-матер в мировой по своему значению центр подготовки специалистов-международников. Высок и научный потенциал МГИМО, труды его ученых востребованы в мировом экспертном сообществе.

Анатолию Васильевичу удалось совместить бережное отношение к прошлому университета, его славным традициям с глубоким пониманием требований нынешней эпохи и современных тенденций

в сфере образования. МГИМО сумел открыть новые горизонты в подготовке профессиональных кадров в различных сферах международной деятельности.

Важным достижением академика А. В. Торкунова, на мой взгляд, является укрепление научных связей со странами евразийского пространства. МГИМО пользуется большим авторитетом в Казахстане как кузница кадров не только для МИДа, но и для других государственных органов, а также для бизнес-структур. Анатолий Васильевич не раз отмечал, что сообщество студентов из Казахстана является одним из самых многочисленных в университете.

По моему глубокому убеждению, МГИМО очень повезло с ректором. Анатолий Васильевич, будучи многолетним руководителем такого известного вуза, укрепил его авторитет в международном сообществе. Работая заместителем Генерального секретаря ООН, я воочию убедился в том, что МГИМО широко известен как вуз мирового уровня. Поэтому считаю Анатолия Васильевича выдающимся организатором высшего образования, крупным ученым и дипломатом.

МЖ: Вы довольно давно знаете Анатолия Васильевича. Как вы можете охарактеризовать его незаурядные человеческие и деловые качества, талант администратора?

Удивительное качество Анатолия Васильевича — это его верность своему призванию, преданность МГИМО. По окончании института у него была возможность начать карьеру в одном из посольств, однако он предпочел учебу в аспирантуре МГИМО и работу в вузе. Его отличает глубокое погружение в проблематику, будь то научная сфера или организационные аспекты. Мне нравится его благожелательное отношение к людям, что, конечно, не исключает и критического взгляда на их недостатки.

МЖ: Вы окончили единственный в мире вуз, готовящий дипломатов, начинали карьеру как дипломатик-аист. Когда-то в интервью нашему журналу вы сказали, что у китайцев есть мудрость: «Лед толщиной три чи не замерзает за один день». Как бы вы применили ее к МГИМО?

У китайского народа очень много западающих в память мудростей, говорящих о важности терпеливого отношения к течению времени и планомерного достижения высоких целей. В этом плане МГИМО

ассоциируется у меня еще с одной пословицей: «Путешествие длиной в тысячу миль начинается с первого шага».

Лишь упорный труд, постоянство и настойчивость могут дать достойные результаты. С удовлетворением отмечаю высокий уровень языковой подготовки в МГИМО, который по-прежнему является основным поставщиком дипломатических кадров. В этом тоже безусловная заслуга ректора А. В. Торкунова.

МЖ: Имена МГИМО и Анатолия Васильевича Торкунова неразрывно связаны и будут связаны впредь. Если перефразировать поэта: «Мы говорим «МГИМО» — подразумеваем «Торкунов», мы говорим «Торкунов» — подразумеваем «МГИМО». Институт стал делом его жизни. Возможно, у казахов тоже есть мудрость, которой

можно охарактеризовать эти уникальные отношения? Поделитесь ею, пожалуйста.

О таких личностях, как Анатолий Васильевич, казахи говорят: «Еңбек — адамның көркі, адам — заманның көркі», что в переводе звучит как «Труд украшает человека, а человек — свое время».

Хотел бы привести и слова великого Абая, 175-летний юбилей которого мы отмечаем в этом году: «...Они добиваются истины, справедливости, блага в интересах человечества, для них не существует в жизни радости и удовольствия, помимо их труда. Не будь этих мыслителей, идущих верным путем, наступило бы всеземное крушение. Эти истинные ученые являются костяком всех человеческих творений, их умами приводится в порядок все, что есть на земле...» (Абай. Слова назидания, слово 38-е).

О таких личностях, как Анатолий Васильевич, казахи говорят: «Труд украшает человека, а человек — свое время»

МЖ: Что бы вы пожелали Анатолию Васильевичу по случаю юбилея?

Конечно, 70 лет — это славная дата. Но по меркам современного человека это наступление человеческой зрелости, которой присуща мудрость. Поэтому хочу пожелать Анатолию Васильевичу крепкого здоровья, творческой энергии и воплощения всех намеченных планов. Пусть его неиссякаемый оптимизм и бодрость духа служат во благо дальнейших успехов МГИМО.

ТЬЕРРИ МОНБРИАЛЬ

директор Французского института международных отношений (ИФРИ)

Сотрудничество между Французским институтом международных отношений и МГИМО насчитывает столько же лет, сколько и сам ИФРИ, а он отметил в 2019 году свое 40-летие — в том числе в Москве, в рамках прекрасного гала-ужина, организованного ректором Торкуновым.

Изначально нашим главным партнером в МГИМО был Иван Тюлин, выдающийся знаток моей страны и ее языка, о котором мы вспоминаем с большой теплотой. Именно он познакомил меня с Анатолием Торкуновым, личность и компетенция которого сразу же произвели на меня впечатление и покорили меня. Думаю, я могу сказать, что с самого начала мы стали друзьями.

Не думаю, что есть западный деятель образования, университетский ректор, который в течение 30 лет возглавлял бы элитарный вуз, сохраняя его на должном уровне, — по крайней мере, вряд ли суще-

Не думаю, что есть западный деятель образования, университетский ректор, который в течение 30 лет возглавлял бы элитарный вуз, сохраняя его на должном уровне, — по крайней мере, вряд ли существует сопоставимый пример среди вузов Франции

ствует сопоставимый пример среди вузов Франции.

Есть, правда, ИФРИ, но он не является университетом — это исключительно исследовательский центр и дискуссионная площадка, и я не могу напрямую сопоставить его с МГИМО. В противном случае я мог бы поддразнить моего дорогого друга Анатолия, сказав, что бессменно руковожу учреждением, которое создал 40 лет назад!

Но если говорить серьезно, то я действительно искренне восхищаюсь тем, как мастерски ректор Торкунов провел реформу университета в 90-е годы, когда условия были очень сложными. Это огромный и крайне редкий успех.

Я прекрасно помню, как нелегко было ректору Торкунову, да и сейчас, я уверен, непросто! Поэтому я хотел бы высказать в его адрес слова уважения, ведь одна из причин, в силу которых мы с ним так хо-

обычно ценность инициатив такого рода определяется исключительно достоинствами и самоотверженностью людей, которые ими занимаются. Анатолий Торкунов очень серьезно отнесся к этой задаче, и «Трианонский диалог» во многом обязан ему своим успехом.

Добавлю, что в Торкунове гармонично сочетаются лучшие качества выдающегося дипломата, а именно способность устанав-

рошо понимаем друг друга, заключается в том, что мы оба прошли через более или менее одинаковые испытания.

Если вы спросите о роли Анатолия Торкунова в продвижении внешней политики России за рубежом, то я скажу, что он один из наиболее авторитетных специалистов-международников России, не случайно руководство страны поручило ему возглавить с российской стороны важное начинание — «Трианонский диалог».

шения с партнерами, честно и последовательно отстаивая интересы своей страны.

Что пожелать Анатолию по случаю юбилея? Поскольку в последнее время много говорят о Китае, я сформулирую свои пожелания так же, как это, по-видимому, сделал бы просвещенный китаец. Желаю Анатолию тысячу лет счастья, деятельной активности во благо МГИМО и в интересах совершенствования системы международных отношений!

ДАВИД ИОСЕЛИАНИ

заведующий кафедрой интервенционной кардиоангиологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, академик РАН, доктор медицинских наук

Можно много говорить о том, что Анатолий Васильевич — выдающийся организатор, дипломат, ученый, это очевидно для всех. Но мне важно сказать о том, чего не знают люди, которые не общаются с ним близко: Анатолий Васильевич — удивительно хороший, добрый человек.

Я знаю об этом, потому что мне посчастливилось войти в его ближний круг. Познакомились мы почти 30 лет назад — в начале 90-х. В ту пору я близко общался с Евгением Максимовичем Примаковым, он был моим близким другом. И так получилось, что мы с ним постепенно стали прирастать друзьями, сложилась компания, я бы даже сказал — товарищество весьма достойных людей. В основном это были дипломаты, политики, были и два врача — гинеколог Борис Толокно и ваш покорный слуга.

У нас была традиция каждые выходные собираться или у меня, или у Евгения Максимовича. Встречи заканчивались хорошими застольями, которые мы проводи-

Когда егеря начали гнать на охотников зверя, раздался выстрел. Мы с удивлением обнаружили, что стрелял Анатолий Васильевич. Он пояснил, что у него случайно выстрелило ружье. Все всё поняли и рассмеялись.

А Евгений Максимович пошутил: «Все понятно, Анатолий Васильевич у нас — Гринпис»

ли очень весело. И Анатолий Васильевич был действительным членом нашего содружества.

Время от времени наша команда путешествовала. И я хочу рассказать историю, связанную с одной из таких поездок — в Литву. Поехали мы туда по приглашению нашего друга Юрия Антоновича Зубакова, который в начале 2000-х годов был там российским послом. И вот довольно большая группа друзей во главе с Евгением Максимовичем села в поезд (у нас был целый вагон) и поехала в Вильнюс. Нас прекрасно встретили, мы много гуляли по городу, общались с друзьями, а на второй день по программе у нас значилась охота. Я заметил, что Анатолий Васильевич от этого не в восторге, но для него было важно поддержать компанию, не испортить всеобщее веселье, мы же в гостях.

И вот рано утром нас повезли в охотхозяйство, где всем раздали ружья. Настал ответственный момент: на заданном месте нас расставили по точкам. Наконец егеря начали гнать на охотников зверя. И вдруг — вы-

стрел. Мы опешили, потому что выстрел — это конец охоты: все звери разбежались. И с удивлением обнаружили, что стрелял Анатолий Васильевич. Он пояснил, что у него случайно выстрелило ружье. Может, и случайно, но нам всем почему-то показалось, что он это сделал специально. Нет, он, конечно же, не хотел сорвать охоту, просто он не мог участвовать в этом жестоком развлечении. Сначала мы все были в легком замешательстве, но потом все поняли и рассмеялись. А Евгений Максимович пошутил: «Все понятно, Анатолий Васильевич у нас — Гринпис». Разумеется, эпизод завершился хорошим застольем, но прозвище это приклеилось к Анатолию Васильевичу. Шутка шуткой, но, если серьезно, ситуация показала, какой он на самом деле чело-

Ирина Геннадьевна была душой наших встреч, она ведь прекрасно музицирует, играет на фортепиано, благодаря чему наши посиделки расцветали, мы слушали удивительную музыку, пели хорошие песни

век — очень миролюбивый, доброжелательный, настроенный на добро, а охота просто была противна его натуре.

Кстати, о шутке. Какое тонкое у Анатолия Васильевича чувство юмора! Он не только сам прекрасно шутит, но и отлично понимает чужой юмор. Это на самом деле редкое качество, довольно много людей не понимают юмора, да и шутить не умеют. Отдельно хочу сказать об Ирине Геннадьевне, которая была душой наших встреч, она ведь прекрасно музицирует, играет на фортепиано, благодаря чему наши посиделки расцветали, мы слушали удивительную музыку, пели хорошие песни.

Наше товарищество объединяло и объединяет важное качество — умение дружить. Это настоящая дружба, основанная на уважении. У нас никогда не было принято обращаться друг к другу с какими-то просьбами, мы никогда не вели себя навязчиво, тем более что в общем люди благополучные, самодостаточные. Довольствовались просто

дружбой, плечом друг друга. Но если, не дай бог, с кем-то несчастье, мы оказывались рядом, стараясь быть нужными и полезными. К сожалению, такие отношения сейчас встречаются все реже, люди стали более расчетливыми, прагматичными, черствыми. А в тот период дружба ценилась превыше всего. Она даже насаждалась нашим старшим другом Евгением Максимовичем Примаковым, а до него — выдающимся кардиохирургом Владимиром Ивановичем Бураковским, к сожалению рано ушедшим из жизни. Даже когда Примаков был назначен премьер-министром и график у него стал более жестким, ничего не изменилось, он все равно находил время, чтобы встретиться, как и раньше. Мешало только оби-

лие охраны: премьер — весьма охраняемое лицо. Нашей компании в Москве немножко даже завидовали, далеко не каждый мог попасть на наши посиделки.

Что я хотел бы пожелать Анатолию Васильевичу? Так держать! Он совсем не выглядит на 70, находится в прекрасной физической форме. Как врач могу сказать: объясняется это тем, что он ведет активную жизнь и очень гармоничен на своем месте. Поэтому я хотел бы пожелать, чтобы, во-первых, активная жизнь у него не прекращалась и впредь, а во-вторых, чтобы он еще долго-долго мог наслаждаться и своим делом, и своей профессией, как он наслаждается ими сегодня. Он этого, поверьте, заслуживает.

МИХАИЛ ШВЫДКОЙ: «ПРОФЕССОРОМ, СКАЗАЛ ОН, Я ТЕБЯ ВСЕГДА ВОЗЬМУ»

Анатолий Торкунов — удивительный друг, считает спецпредставитель президента России по международному культурному сотрудничеству

САнатолием Васильевичем Торкуновым меня познакомила Галина Борисовна Волчек. Это случилось почти 30 лет тому назад на приеме в посольстве ФРГ. Было понятно, что у них теплые дружеские отношения. Она так его и представила: «Это Толя Торкунов, большой друг «Современника». Естественно, я знал имя Анатолия Васильевича, но представить себе не мог, что он не просто большой любитель театра и знаток искусств, но и необычайно артистичный по природе своей человек.

И дело не только в том, что МГИМО всегда был центром притяжения творческих людей. Вся Москва 60–70-х годов была полна слухами о мгимовском джаз-клубе, капустниках, фразы из которых разле-

Анатолий Васильевич твердо знает, что дипломатия, как и жизнь, исключает монологизм. Именно поэтому он в постоянном диалоге с окружающим миром и со временем. Ему интересно жить и работать

тались среди молодежи. Все знали, что в этом привилегированном по советским меркам учебном заведении кипит настоящая творческая жизнь. Все были наслышаны о молодых поэтах-дипломатах, которые увлекались стихотворными представлениями Театра на Таганке. Среди них были по-настоящему талантливые литераторы. А. В. Торкунов, как и многие его сверстники и коллеги, увлекался искусством. Его жена Ирина Геннадьевна, профессиональный незаурядный музыкант, немало этому способствовала. Но важнее другое — Анатолий Васильевич понимает, что сама профессия дипломата требует артистизма, который не могут заменить самые обширные знания, без творческого начала профес-

сия превращается в ремесло.

Для того чтобы сохранить качество образования после распада СССР, нужны были не только привычные административные умения, но и понимание новых вызовов времени. Помню, как грустил Анатолий Васильевич по поводу того, что его выпускники 90-х годов не хотят идти по традиционной дипломатической стезе, а сразу уходят в бизнес. Кстати, во многом из-за того, что многие дипломаты, коллеги и друзья А. В. Торкунова сумели стать в высшей степени успешными бизнесменами, именно они в трудные годы помогли МГИМО не только выжить, но и обрести современный облик, расширить содержание образовательных программ.

Анатолий Васильевич Торкунов — удивительный друг. Когда я в очередной раз терял работу и у меня возникало трагическое ощущение обретенной свободы,

Сама профессия дипломата требует артистизма, который не могут заменить самые обширные знания, без творческого начала профессия превращается в ремесло

Толя неизменно говорил: «Профессором я тебя всегда возьму».

Кореист по своей первой специальности, автор множества работ по проблемам Корейского полуострова, переведенных на разные языки, он обладает универсальными знаниями, которые позволяют ему ориентироваться в мировой истории и истории дипломатии в том числе. Анатолий Васильевич твердо знает, что дипломатия, как и жизнь, исключает монологизм. Именно поэтому он в постоянном диалоге с окружающим миром и со временем. Ему интересно жить и работать. Его опыт не сделал его осторожным, а его мудрость не стала препятствием для решительных поступков.

Оскар Уайльд писал: «Трагедия состоит не в том, что мы стареем, а в том, что мы остаемся молодыми». Уверен, что Анатолий Васильевич сможет справиться и с этой проблемой.

КОНСТАНТИН ЭРНСТ: «ТОРКУНОВ — ОДИН ИЗ САМЫХ УМНЫХ ЛЮДЕЙ В ЭТОМ ГОРОДЕ»

Генеральный директор Первого канала К. Эрнст знаком с А. Торкуновым почти четверть века. «Знакомство наше произошло задолго до того, как Анатолий Васильевич стал председателем совета директоров Первого канала, это было довольно банально, на каком-то общем совещании. Никакой истории авантюрного знакомства я вам не расскажу, я не спасал его из горящего самолета, а он не выкупал меня у талибов... Возникла чисто человеческая симпатия — стали приглашать друг друга на мероприятия, ездили друг к другу в гости, общались семьями».

МЖ: Человек в этой должности довольно часто оказывается на положении свадебного генерала, но Анатолия Васильевича в такой роли представить невозможно.

Вы правы. Во-первых, его на эту должность назначил президент. Это было доверие президента, основанное на том, что Анатолий Васильевич — человек, который понимает и политическое, и воспитательное значение телевидения. А как дипломат и профессор, он совмещает в себе ряд качеств, которые, безусловно, полезны для деятельности на посту председателя совета директоров Первого канала.

МЖ: Вы сказали про воспитательное значение телевидения. Но не секрет, что молодежь уже не смотрит телевизор. В том числе студенты МГИМО — публика, довольно продвинутая по части поиска информации.

Молодежь смотрит телевидение. Но в интернете. И наиболее успешные программы и сериалы молодняк знает. Разве молодежь не смотрит Урганта? А это контент Первого канала. Или шоу «Голос»? Или сериалы «Метод» и «Триггер»? Да, возможно, они не смотрят передачу в то время, когда она идет по телевизору. Но телеканал, вообще говоря, это не передатчик на башне, а совокупность контента, который производит определенная команда, в данном случае команда канала, председателем совета директоров которого почти десять лет является Анатолий Васильевич Торкунов.

МЖ: Большинство выпускников МГИМО мало знают об этой стороне деятельности нашего ректора. Как проходят заседания совета? Мы присылаем Анатолию Васильевичу документы, он их изучает, звонит мне, за-

Анатолия Васильевича на эту должность назначил президент. Это было доверие президента, основанное на том, что Торкунов — человек, который понимает и политическое, и воспитательное значение телевидения

дает вопросы, потом приезжает сюда, садится в это кресло во главе стола...

МЖ: Это он привозит с собой салфетки *Tork*? (Показывает на коробку с салфетками *Tork*.) Или вы ему подкладываете в порядке подхалимажа? (Смеется.) Действительно! Я не обращал внимания. Конечно, это совпадение!.. Так вот, он садится в это кресло и ведет совет директоров, заслушивает разных докладчиков, задает им вопросы, появляются какие-то финальные решения или письма в какие-то госорганы либо происходит подведение итогов по каким-то срокам. Анатолий Васильевич — уникальный человек, если он чем-то занимается, он занимается этим очень честно, глубоко, четко, профессионально. Знаете, у нас есть один член совета, который периодически, ссылаясь на свою занятость, не приезжает, а передает свой голос кому-то, хотя у нас все люди занятые... Так вот, Анатолий Васильевич никогда не ссыла-

ется на свою чрезвычайную занятость, он всегда на посту. Когда у канала возникают проблемы — экономические или организационные, он неизменно выходит с разными инициативами в верхние эшелоны власти. И что важно — никогда не злоупотребляет своей позицией на канале в интересах МГИМО. Он очень высокого качества председатель совета директоров.

МЖ: А были жаркие дискуссии, сшибка позиций внутри совета, которые ему приходилось разруливать?

Конечно. И Анатолий Васильевич делает это дипломатически, тонко. У нас было довольно много таких историй, ведь в совете представлены разнообразнейшие люди — и Карен Шахназаров, и директор *Russia Today* Маргарита Симоньян, и Михаил Боярский. У Анатолия Васильевича, как у председателя, есть два голоса, которыми он может качнуть решение в одну из сторон, и это всегда мудрое решение. Поскольку у него ранг чрезвычайного и полномочного посла, мы все его чрезвычайно любим и уважаем. А его полномочия в рамках совета директоров безграничны.

МЖ: Вы не могли бы припомнить ситуацию, когда Анатолий Васильевич был не согласен с каким-либо замыслом канала? Вот я вижу у вас на стене постер сериала «Школа» Гай-Германики, который вызвал неоднозначную реакцию в образовательном сообществе. Да, у нас с Анатолием Васильевичем был разговор об этом сериале, он высказал ряд сомнений. Но когда я изложил ему нашу логику, он согласился. В текущем медийном пейзаже — я говорю это с сожалением — привлечь к себе внимание важная тема может только благодаря «боль-

шому хайпу», как это называет молодежь, или скандальному шуму. Произнесенное вполголоса рискует не быть услышанным. Но в подавляющем большинстве вопросов Анатолий Васильевич нас поддерживал, особенно мне помогла его поддержка во время работы на Олимпиаде в Сочи. Это был довольно тяжелый период, мы работали в гипертрудных условиях — временных и финансовых. И должен сказать, что Анатолий Васильевич — настоящий и очень надежный друг. Он вообще один из самых по-настоящему умных людей в этом городе. И давайте честно скажем, что образ МГИМО нового времени был за последние 30 лет создан именно Анатолием Васильевичем.

МЖ: А он делится с вами какими-то проблемами МГИМО, его успехами? Мы довольно часто созваниваемся, и он рассказывает о достижениях института, периодически делится проблемами, потому что он этим горит, болеет, порой сетуя на то, что их решение назрело. С его подачи мы время от времени засвечиваем проблемы в образовательной сфере. Но только если данный вопрос становится,

Поскольку у Анатолия Васильевича ранг чрезвычайного и полномочного посла, мы все его чрезвычайно любим и уважаем. А его полномочия в рамках совета директоров безграничны

с его точки зрения, общенациональным явлением и касается не только МГИМО, но и всего образовательного цеха. В этом смысле, повторюсь, он не злоупотребляет своей позицией, с чувством меры у него все отлично.

МЖ: На Первом канале работает группа выпускников МГИМО, что их отличает?

Это всегда люди с хорошей языковой, политической и исторической подготовкой, люди, которым никогда ничего не надо объяснять — надо просто показать фронт работ, остальное в них вложил родной институт.

МЖ: Что бы вы хотели пожелать Анатолию Васильевичу в его юбилей? Для меня это человек, который, возглавив МГИМО в драматичное время начала 90-х годов, когда Советский Союз развалился, а новая Россия была еще чрезвычайно слаба, вместе с группой сильных людей в разных областях сделал все, чтобы за последующие годы вернуть стране достоинство и силу. Россия — великая страна, ей никогда не дадут упасть великие мужи, которых она в каждый свой период будет посылать на спасение Родины. Трудно что-то пожелать человеку, обладающему всеми качествами, к которым большинству надо бы стремиться. Я хотел бы пожелать Анатолию Васильевичу только одного — здоровья, все остальное — мудрость, ум, благородство и представление о том, что должно делать, — у него есть.

ФРЕДЕРИК ПАУЛСЕН

председатель совета директоров Ferring Pharmaceuticals, почетный генеральный консул Российской Федерации в Швейцарии

Двадцать лет назад Артур Чилингаров, чья дочь является выпускницей МГИМО, представил меня ректору этого вуза Анатолию Торкунову.

Я знал о серьезных проблемах, с которыми университет сталкивался в тот период, и решимость ректора вывести вуз из непростой ситуации произвела на меня сильное впечатление. У нас было несколько встреч, в ходе которых родилась идея начать использовать в этих целях практику фандрайзинга. Позже она оформилась в учреждение Эндаумент-фонда МГИМО — первого в своем роде в России.

Двадцать лет спустя меня по-прежнему восхищают предприимчивость Анатолия Торкунова и его успешные инновационные начинания.

Как одному из тех, кто поддерживает университет, мне важно чувствовать уверенность в том, что средства фонда идут на благое дело. При ректоре Анатолии Торкунове у меня в этом нет никаких сомнений. Динамичное развитие МГИМО, его рост как учебного заведения — оче-

видное свидетельство успеха, достигнутого под началом этого видного руководителя.

Говорят, МГИМО — элитарный вуз. Это представление оказывается неверным, как только вы знакомитесь с Анатолием Торкуновым — скромным, прагматичным руководителем, преданным делу образования и проявляющим искреннюю заботу о студентах. Это привлекает партнеров, нравится студентам и, по сути, является его главным активом.

Я рад жертвовать на благо развития МГИМО, а также на организацию юбилейных мероприятий университета и с удовольствием лично принимаю участие в чествовании его достижений и продвижении его перспектив ради успеха в будущем.

2010–2020

А. ТОРКУНОВ: «В это десятилетие у меня две значимые вехи — внуки и храм в честь святого князя Александра Невского, который мы построили при МГИМО»

ХРАМ

6 марта 2016 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил храм в честь святого князя Александра Невского, возведенный по инициативе студентов и преподавателей.

Идея его строительства возникла еще в 1999 году. Спустя шесть лет возведение собора благословил патриарх Алексей II. В это же время храм решили назвать в честь Александра

Невского. Возведение собора началось в 2013 году.

«Я каждый день езжу мимо нашего храма и каждый раз испытываю чувство огромной радости от того, что все у нас получилось, хотя было непросто, — сказал **А. Торкунов**, удостоенный во время церемонии открытия ордена Серафима Саровского II степени. — Наш храм не только очень красивый, элегантный, не только укра-

шает эту часть Москвы — он теперь может послужить и жителям района, и нашим молодым людям, студентам, которые могут прийти сюда помолиться перед экзаменом или сочетаться браком, венчаться, да и крестить здесь своих детей. Я дважды принимал участие в этой церемонии, крестил своих внуков. И для меня и всей моей семьи это одно из самых ярких воспоминаний.

А. Торкунов: «Я каждый день езжу мимо нашего храма и каждый раз испытываю чувство огромной радости от того, что все у нас получилось, хотя было непросто»

его всегда, когда будем возвращаться в мыслях ко дню великого освящения храма благоверного князя Александра Невского. И я хотел бы сказать, Ваше Святейшество, я хочу вас заверить, что у людей, которые считают себя молодыми христианами, ваши действия вызывают полную поддержку. Потому что для них, конечно, очень важно, кто является главным пастырем, для них важны не только красивая церемония

и прекрасный хор, который ее сопровождал, но патриаршее Слово.

Несколько лет назад мы выпустили большую книгу, посвященную князю Александру Невскому, которую вы, Ваше Святейшество, благословили, потом переиздали ее, и думаю, что к его 800-летию юбилею, который пройдет в 2021 году, дополним и издадим вновь. Мне впервые пришлось подробно ознакомиться с биографией Александра Невского — это, конечно, совершенно удивительная фигура в русской истории. При всей ее противоречивости (а фигура любого деятеля раннего Средневековья была крайне противоречивой!) ясно одно: этот человек сделал неимоверно много для сохранения русской идентичности, Русской православной церкви и Руси как единого государства, которое с последующими приращениями стало великой Россией!

А. Торкунов: «Меня пять раз избирали ректором МГИМО. Причем тайным голосованием — люди мне доверили... В чем секрет такого успеха? Руководитель все время должен жить обновлением, воспринимать жизнь в режиме онлайн»

Генсек ООН Пан Ги Мун в МГИМО

Для нашего университета иметь такой храм — огромная обязанность и обязательство. Вы, наверное, помните, что раньше во многих российских посольствах стояли часовни или храмы в честь Александра Невского, а теперь такой храм находится рядом с МГИМО. И старшее и молодое поколения мгимовцев смогут быть здесь, и это только сплотит семью тех, кто занимается

профессионально защитой внешнеполитических интересов России...»

ПЯТИЖДЫ РЕКТОР

«Меня пять раз избирали ректором МГИМО, — говорит **А. Торкунов**. — Причем тайным голосованием — люди мне доверили...

В чем секрет такого успеха? Всех, с кем я работал и работаю, я всегда

поддерживал. Но я всегда считал, что в ответ на эту поддержку справедливо требовать от своих соратников стопроцентной лояльности, солидарной работы в команде. И думаю, что здесь требовательность надо еще повышать...

И главное — быть самому в процессе творчества. Руководитель все время должен жить обновлением, воспринимать жизнь в режиме онлайн. В этом особенность работников интеллектуального труда. К сожалению, думы у руководителя не всегда о хорошем — о проблемах. Но надо не просто думать, а предлагать решения. И многие решения, которые позволили университету развиваться, — говорю это, совершенно не преувеличивая свою роль, — были предложены мной. Естественно, после

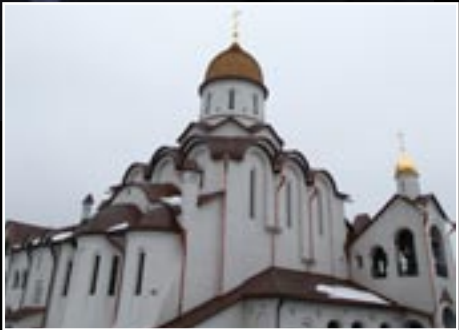

ОТЕЦ ИГОРЬ

настоятель храма Святого благоверного князя Александра Невского — патриаршего подворья при МГИМО

ЯРОСЛАВ СКВОРЦОВ

декан факультета МЖ, староста прихода

Отец Игорь: Листая страницы истории храма Александра Невского при МГИМО, я вспоминаю, что в этом году — 15 лет как православные преподаватели и студенты МГИМО по благословению святейшего патриарха Алексия II организовались в приход святого благоверного князя Александра Невского.

Ярослав Скворцов: Это историческое событие запечатлено на фото, которое я бережно храню: самая первая встреча инициативной группы во главе с ректором с приснопамятным Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

О. Игорь: И мы по праву можем говорить, что от этой встречи во главе с Анатолием Васильевичем идет отсчет приходской жизни нашего храма. Тогда никто и не подозревал, сколько придется пройти коридоров и кабинетов, встретиться и обрести друзей или столкнуться с равнодушием, прежде чем мы обретем сначала маленький, но на тот момент самый большой временный храм

в Москве, и сколько маленьких, но значимых для нас радостей-поддержек мы переживем.

Я. Скворцов: Я заметил, что Анатолий Васильевич всегда активно включался в решение вопросов, когда дело начинало буксовать и мне лично казалось: еще чуть-чуть — и опустятся руки... Помните, мы обсуждали возможность возродить домовый храм в доме у Москвы-реки, на Остоженке; или когда мы буквально вскочили на подножку уходящего поезда и так попали в программу «Двести храмов»?

О. Игорь: А заседание в ректорском зале, когда обсуждалось строительство временного храма нашего прихода. Его тогда возглавляли Анатолий Васильевич и Владимир Иосифович Ресин, опытный строитель, очень проницательный человек в деле подбора строителей. Много было желающих поучаствовать в строительстве временного храма. Споры были ожесточенные, какой храм строить, из чего, кто будет строить... И в какой-то момент мне показалось, что я, как настоятель и ответственный за дальнейшую судьбу храма, стал уступать непонятным для нас людям, я не понимал, что они хотят — помочь или нажиться, уж больно неискренними показались они мне в своих речах, убеждая Владимира Иосифовича в своей компетенции и бескорыстии. Все сомнения развеял Анатолий Васильевич, когда решительно поддержал нас, выразил свое доверие нам — не строителям! — чтобы мы принимали архитектурные решения, руководили стройкой. И приход его не подвел.

Я. Скворцов: Вспоминается и такой эпизод: сентябрь 2015-го, 12 сентября... Престол нашего тогда еще строящегося храма. Мы кресты в тот день освящали. Анатолий Васильевич подъехал заранее — обошел стройку, заглянул во временный храм, поставил свечку... И вот когда крест на купол храма уже подняли, мне в тот момент хотелось прыгать от счастья!

О. Игорь: Это была первая архиерейская служба в нашем храме. Готовясь к ней, согласовывая разные тонкости, мы были в замешательстве, что не можем гостей после богослужения по всегдашней русской традиции угостить чаем, не было у нас ничего, даже помещения, где можно было бы принять, да и электричество тогда было временным, от дизельного генератора. Но разрешил эту ситуацию опять

Анатолий Васильевич, приняв гостей в стенах МГИМО, организовав культурную программу и, конечно, хлебосольно встретив гостей.

Я. Скворцов: А когда в декабре 2014-го нужно было лично присутствовать на совещании у Владимира Иосифовича, помните? Анатолий Васильевич приехал: «Надо значит надо!» И все вопросы были решены!

О. Игорь: О! Не так все просто было. По какой-то своей оплошности я сообщил Анатолию Васильевичу время

он чего, и стал дожидаться отведенного нам времени. Это спасло нас в очередной раз уже при решении различных тонкостей строительства постоянного храма.

Честно говоря, мне было приятно и как-то неожиданно, когда во время строительства Анатолий Васильевич постоянно не только интересовался его ходом, но приезжал, обходил стройку, задавал очень точные вопросы. Но знаете, что меня радовало больше? Что Анатолий Васильевич не просто осматривал территорию своего попечения и заботы, это

Я. Скворцов: «Во все праздники и пения многолетия звучит самый большой колокол, весом около трех тонн, пожертвованный семьей Анатолия Васильевича»

начала заседания у Ресина, которое проходило в храме Христа Спасителя, на час раньше. Погода была ужасная, на улицах лежал глубокий снег, Москва стояла, все опаздывали. Но Анатолий Васильевич приехал, как всегда, вовремя, к назначенному времени, получает, на час раньше начала заседания. Без упреков осведомился, не перепутал ли

было нечто большего порядка — выстраивание личных взаимоотношений с Богом, хотя, простите меня, это уже очень личное... И конечно, не могу не поблагодарить Анатолия Васильевича за внимание, отзывчивость, готовность участвовать во всех социально-благотворительных мероприятиях прихода. Благоустройство территории храма — это тоже инициатива нашего ректора.

Я. Скворцов: Во время пения многолетия принято совершать праздничный звон в самые большие колокола храма. Так вот, во все праздники и пения многолетия звучит самый большой колокол, весом около трех тонн, пожертвованный семьей Анатолия Васильевича, о чем свидетельствует надпись на колоколе. Хотя вы, дорогой Анатолий Васильевич, и не хотели делать эту надпись, мотивируя тем, что это нескромно, но я рад, что уговорил вас. Теперь этот колокол носит имя «Ректор» и звучит сильно, убедительно и чисто.

соответствующего обсуждения, ведь я работаю с умными людьми старшего и среднего поколений и всегда внимательно их слушаю. Но так и должно быть, я же ректор, меня люди избрали.

Я всегда исходил и исхожу из того, что человек должен самореализовываться. Но в честной конкурентной борьбе. И если ты работаешь в коллективе, в команде, значит, ты подчиняешь себя общему делу. Если это требование тебя не устраивает — до свидания! В свое время от нас ушло много молодежи. Многие вернулись, а многие жалеют, что ушли... Я хочу подчеркнуть, что даже в такой замкнутой среде, как университет, есть совершенно фантастические возможности для самореализации. Ты можешь заниматься наукой, писать, участвовать вне университета в разного рода комитетах, советах, общественных и общественных комиссиях при парламенте,

А. Торкунов: «Даже в такой замкнутой среде, как университет, есть совершенно фантастические возможности для самореализации»

Общественной палате и т. п. Вы знаете, как много наших университетских людей известно за пределами МГИМО. Иногда меня спрашивают, не жалею ли я, что не построил посольскую карьеру. Как я уже сказал, с 1993 года я чрезвычайный и полномочный посол, с 1996-го — член Коллегии МИДа, главного коллегиального органа министерства, где принимаю самое

активное участие в дискуссиях, связанных с внешней политикой. Можно говорить, что я не классический дипломат, но дело в том, что сейчас вообще меняется алгоритм нашей профессии: многие сегодня занимаются дипломатией не в рамках, так сказать, «двусторонки», а решают какую-то конкретную внешнеполитическую задачу либо участвуют в международных конференциях, совещаниях, а я принимал участие во многих таких форумах. Или выполняют поручения, связанные с оказанием руководству страны содействия в развязывании сложных проблем, как это было в моем случае в комиссии по трудным вопросам в российско-польских отношениях. Сейчас это российско-французский «Трианонский диалог». Думаю, что у меня еще есть в этом смысле потенциал, и я был бы не прочь его использовать. И использую по возможности. Ведь наш институт делает много и для практической политики. Мы готовим аналитические материалы, проводим ситуационные анализы, много делаем по заказу и указанию министерства».

СТРАТЕГИЯ «МГИМО-2025»

«В прошлом году мы прописали проработанные планы развития и обновления университета в стратегии на ближайшие пять лет, — говорит **А. Торкунов**. — Формально стратегия рассчитана на пять лет, но мы смотрим несколько дальше. Сплав устремлений и целей формирует наше видение университета через десять лет — МГИМО-2030.

Я вижу его университетом, готовящим высокопрофессиональных специалистов для России и стран — партнеров в различных сферах: политике, экономике, юриспруденции, сельском хозяйстве, спорте, природоохранной деятельности и других.

Только представьте: скорость обновления знаний, компетенций и специализированных навыков сегодня такова, что они устаревают за три-пять лет, то есть быстрее, чем в среднем длится программа высшего профессионального образования! Растут индивидуализация образования и конкуренция со стороны корпоративных университетов. Идут процессы цифровизации экономики, социальной сферы, размываются национальные границы рынка образования и труда.

Наше представление о МГИМО-2030 опирается на традиции российской дипломатической школы и лидер-

А. Торкунов: «Планы развития и обновления университета заложены в новую стратегию. Сплав устремлений и целей формирует наше видение МГИМО-2030»

ство в преподавании и исследовании международных отношений, а также на международную сеть высокопрофессиональных и влиятельных выпускников.

МГИМО ставит целью выйти на самый передовой международный уровень в сфере науки и образования, достигнуть самого высокого в России показателя возврата на инвестиции на студента, встать не просто в один ряд с такими признанными вузами, как Science Po, LSE, HEC, но полноценно

конкурировать с ними за иностранных студентов из развитых стран.

Частью концепции новой стратегии является понимание, что МГИМО — человекоцентричный университет, мы гордимся этим и будем всячески углублять это качество, создавая удоб-

ную физическую среду для групповой и самостоятельной работы студентов и сотрудников университета. Вуз — это не бизнес, не предприятие по производству кока-колы. Его основная задача — производство знаний и передача их новым поколениям».

**НОБУО
ШИМОТОМАИ**
факультет права, кафедра
глобальной политики
Университет Хосэй, Токио,
Япония

учета азиатского и евроазиатского измерения нельзя полноценно рассматривать мировую экономику, политику и науку. И академик Торкунов, как выдающийся ученый и лидер, соединяет гуманитарные науки Азии и Запада.

Самая важная черта историка — сбалансированность. Это понятие прекрасно подходит для описания научной персоны Торкунова. Сегодня мировую

Самая важная черта историка — сбалансированность. Это свойство прекрасно подходит для описания научной персоны Торкунова. Его суждения и оценки по многим темам звучат убедительно

Поздней осенью 2000 года А. В. Торкунов опубликовал книгу «Загадочная война» — исследование о корейской войне, а в российском посольстве в Токио посол А. Н. Панов провел ее презентацию. К тому времени я уже приобрел книгу и кратко рассказал в интервью газете «Асахи симбун» о новых идеях, которые были в ней изложены.

В то время холодная война рассматривалась в основном как европейский феномен, а азиатская холодная война была менее исследованной областью. Однако книга Торкунова ознаменовала начало серьезных исследований этой темы. В российских архивах были найдены новые материалы о холодной войне, которые позволили взглянуть на ее историю под новым углом. В результате японские, корейские, американские и китайские историки начали использовать российские источники для изучения холодной войны в Азии. Я также внес свою лепту в изучение влияния событий 1956 года на политику КНДР, написав об этом книгу, которая была переведена на русский язык японистом профессором Стрельцовым и опубликована в издательстве МГИМО-Университета.

В течение последних двадцати лет благодаря поддержке академика Торкунова японские ученые и журналисты каждый год приезжают в МГИМО. В результате на-

Н. Шимотомай на дискуссионной площадке с завкафедрой дипломатии МГИМО А. Пановым

учных обменов появились успешные инициативы, включая проект «Параллельная история», посвященный двусторонним отношениям России и Японии за последние 170 лет. Работа была опубликована на русском, японском и английском языках в МГИМО, Токийском университете и издательстве Brill.

Международная политика и международные отношения традиционно считались продуктом Вестфальской системы и стран, имеющих выход к Атлантическому океану. Однако в XXI веке во всем мире укрепляется «разворот на Азию». Без

политику часто оценивают по «политике слов». Его сбалансированные суждения и оценки по многим темам, даже по таким вызывающим споры, как bipolarность и холодная война, а также по новым и старым проблемам звучат убедительно. На «Валдае» я иногда видел, как даже самые непримиримые ораторы внимательно прислушивались к его мнению.

Хочу надеяться, что историческая и в то же время современная традиция его научных исследований будет еще долго преобладать в международном дискурсе.

ДМИТРИЙ КОРОБКОВ
председатель совета директоров Группы маркетинговых коммуникаций «АДВ»,
член попечительского совета МГИМО

Трудно переоценить личный вклад Анатолия Васильевича в эволюцию МГИМО. Он — истинный визионер, и именно его уникальная интуиция вкупе с профессиональными навыками позво-

ляет всегда выбирать верное направление развития университета и выпускать специалистов, обладающих фундаментальными знаниями и практическими умениями в самых востребованных сегодня специальностях. Умение не просто следовать профессии, но привносить в нее что-то свое или даже вовсе создавать нечто новое было и остается отличительной особенностью всех выпускников МГИМО.

И конечно же, наша компания рада при активной поддержке Анатолия Васильевича

дать студентам возможность реализовывать их креативный потенциал и расширять горизонты — теперь и в теме цифровой экономики и искусственного интеллекта, которую мы продвигаем в МГИМО.

Я желаю Анатолию Васильевичу долгих лет активной жизни, счастья, благополучия и новых успехов в академической сфере! Пусть и впредь его профессиональные знания и опыт способствуют дальнейшему развитию нашей альма-матер!

Анатолий Васильевич — истинный визионер, и именно его уникальная интуиция вкупе с профессиональными навыками позволяет всегда выбирать верное направление развития университета и выпускать специалистов, обладающих фундаментальными знаниями и практическими умениями в самых востребованных сегодня специальностях

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ
заместитель Председателя
Совета безопасности РФ

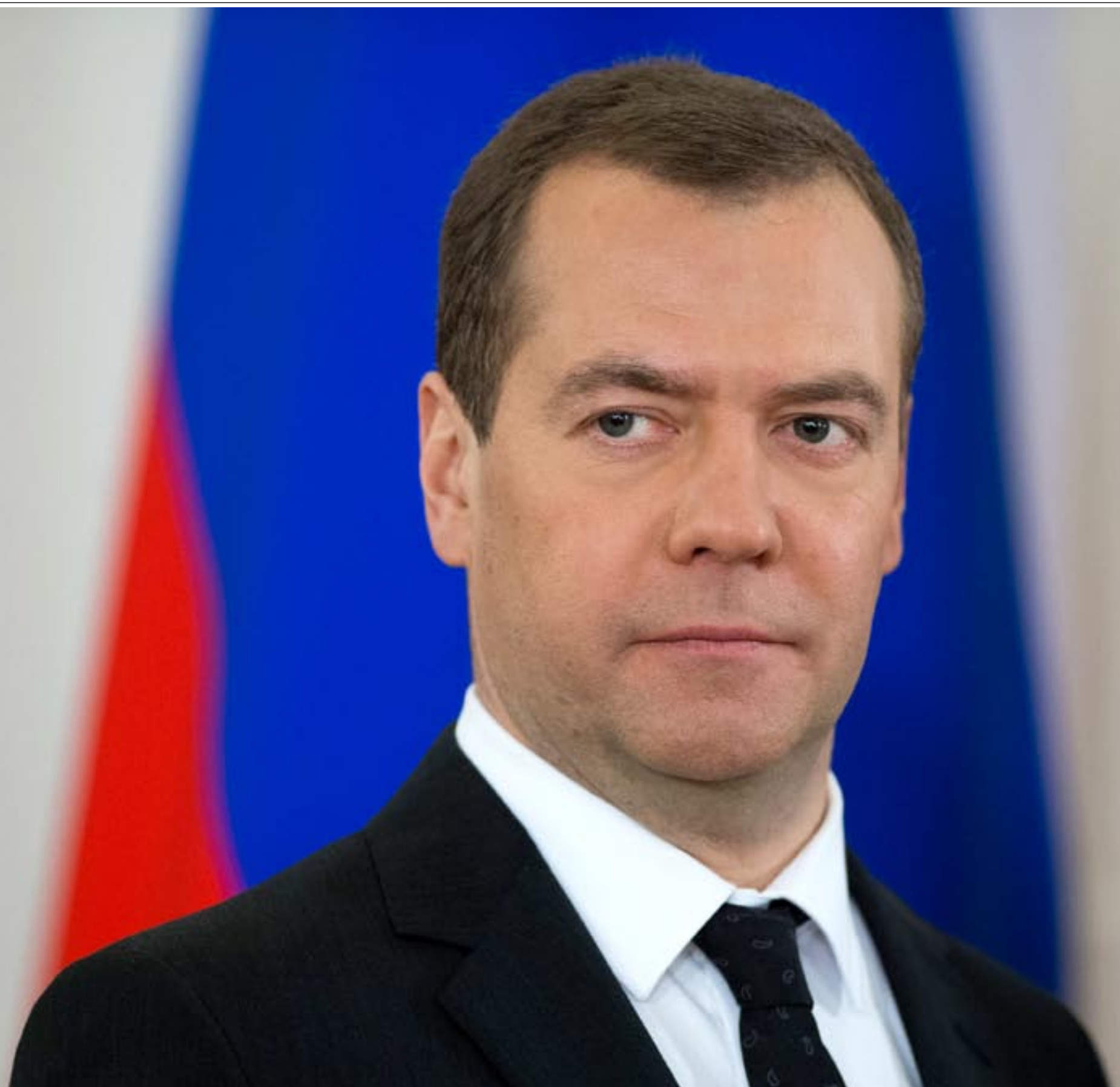
26 августа свое 70-летие отмечает ректор Московского государственного института международных отношений Анатолий Васильевич Торкунов — известный дипломат, сильный управленец, талантливый преподаватель и ученый. Человек, который пользуется высоким авторитетом среди самых разных людей во всем мире.

Родной вуз Анатолий Васильевич возглавил на рубеже эпох, когда отечественная дипломатическая служба остро нуждалась в специалистах, способных твердо отстаивать внешнеполитические интересы новой России. И эффективно руководит им на протяжении нескольких десятилетий. Во многом благодаря Анатолию Васильевичу МГИМО стал одним из наиболее престижных учебных заведений страны, которое развивается в соответствии со временем. Здесь активно внедряются современные образовательные программы, ведутся серьезные научные

исследования. А выпускники МГИМО по-прежнему составляют кадровую основу российской дипломатической службы, успешно работают во многих областях.

Сам Анатолий Васильевич не просто дает студентам огромные знания, но и учит их в любой ситуации быть дипломатами. Все, кто слушал его лекции, с глубокой признательностью отзываются о преподавательском мастерстве и эрудиции Анатолия Васильевича. Главное же, что отличает его независимо от юбилейных цифр, — стремление непременно идти вперед, быть открытым всему новому. Для МГИМО, который всегда должен чутко отзываться на перемены в стране и мире, это качество особенно ценно. А значит, впереди у них еще много знаковых достижений.

От всей души желаю Анатолию Васильевичу крепкого здоровья, благополучия и успехов в каждом его начинании!

**АЛЕКСАНДР
КАРЕЛИН**
депутат Государственной
думы РФ,
трехкратный чемпион
Олимпийских игр

С Анатолием Васильевичем нас познакомила интереснейшая работа в рамках проектов Фонда публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, во время которой очевидно подтвердились яркие таланты Торкунова — дипломата и очень требовательного организатора. Анатолий Васильевич — настоящий профессионал, отличный собеседник с широким кругозором, с характерной манерой сдабривать речь анекдотами и интеллектуальными шутками. Плоды деятельности ректора Торкунова видны в высокой репутации его родного МГИМО. Один из знаковых проектов, в котором участвовал вуз, состоялся, когда Анатолий Васильевич вовлек большую группу преподавателей и студентов в орбиту масштабного планетарного форума — Фестиваля молодежи и студентов, прошедшего в октябре 2017 года в олимпийской столице нашей страны, городе Сочи. Это было замечательное приключение, наполненное множеством увлекательных событий, встреч, при этом были достигнуты главные педагогические цели, каждый участник фестиваля увидел гостеприимную Россию, познакомился с нашими богатыми культурными традициями.

Желаю академику Торкунову оставаться верным себе — строгим и веселым, жизнерадостным и требовательным, принципиальным и расположенным к общению. Ко всему этому — доброго здоровья и благодарных учеников!

Есть люди, которые поражают своим интеллектом, широкими познаниями, своей открытостью миру. Есть люди, которые владеют особым талантом наблюдать, понимать и анализировать постоянно меняющийся мир. Есть люди, которые притягивают к себе, к которым сразу испытываешь доверие. Олицетворением всех этих качеств является Анатолий Васильевич Торкунов, которого невозможно представить без улыбки, тонкой шутки, но вместе с тем это серьезный администратор и ученый. С Анатолием нас связывают и личная дружба, и общее понимание, насколько дипломатическая профессия сложна, многогранна и, несомненно, необходима. Но не только понимание — скорее даже страсть к диалогу как инструменту превращения невозможного в возможность, в чем, в сущности, смысл дипломатии. Как выпускница и почетный доктор МГИМО, я рада поздравить Анатолия Васильевича с 70-летием. Его биография — это и история МГИМО последних

**С Анатолием
Торкуновым нас
связывает
страсть к диалогу как
инструменту превра-
щения невозможного
в возможность, в чем,
в сущности, смысл
дипломатии**

ИРИНА БОКОВА
генеральный директор
ЮНЕСКО (2009–2017)

десятилетий. В свое время институт, а сегодня уже университет, он всегда был престижной школой международных, одним из наиболее известных и уважаемых учебных заведений не только в России, но и во всем мире. Большим завоеванием Анатолия Васильевича считаю тот факт, что сегодня в большинстве международных рейтингов МГИМО входит в пятерку ведущих российских вузов. Искренне рада, что, согласно авторитетному Global Go To Think Tank Index за 2019 год, МГИМО занял восьмое место в мире в категории «Лучший исследовательский центр на базе университета». Впечатляющий успех! И все это благодаря прежде всего лидерству, динамизму и стратегическому видению Ректора Торкунова. С праздником, дорогой Толя!

ВЛАДИМИР РЕСИН
депутат Госдумы РФ,
советник мэра Москвы

Я был первым заместителем мэра Москвы и курировал строительство, когда в 2006 году принимал решение о возведении нового корпуса МГИМО. Я подумал тогда: не распалась связь времен! Дело в том, что мне довелось участвовать в строительстве корпусов здания университета на юго-западе еще в 70-е годы. В ту пору я работал руководителем Главмосинжстроя, а автором проекта и его главным архитектором был, кстати, знаменитый Михаил Васильевич Посохин.

Насколько я знаю, Анатолий Васильевич в те годы был помощником ректора МГИМО, и, вполне возможно, мы пересекались по вопросу о строительстве, однако познакомились и стали дружить лишь в начале 90-х.

Я знал не понаслышке о всех трудностях, которые в то время переживали вузы: сам был завкафедрой Плехановского университета, которой

руководил и сейчас. Говорят, не мы выбираем время, а время выбирает нас, и это полностью относится к Анатолию

Говорят, не мы выбираем время, а время выбирает нас, и это полностью относится к Анатолию Васильевичу. Почти тридцать лет назад он стал ректором МГИМО, и я считаю это судьбоносным событием

Васильевичу. Почти тридцать лет назад он стал ректором МГИМО, и я считаю это судьбоносным событием. Я наблюдал, как на глазах менялся институт, прирастая мощностями, в том числе благодаря новому корпусу, введенному в строй в 2010 году (построили его, кстати, очень хорошо!).

Все эти годы мы с Анатолием Васильевичем довольно тесно соприкасались по работе. Он очень заботился о своих преподавателях, по его просьбе мы решили целый ряд вопросов о предоставлении жилья сотрудникам МГИМО.

Из уважения к Анатолию Васильевичу город пошел ему навстречу и разрешил проектирование и строительство большого общежития, которое университет возводит своими силами и, думаю, в этом году сдаст. Хорошо помню, как я занимался вопросом оборудования подземного перехода через улицу Лобачевского перед входом в институт: Анатолий Васильевич попросил, обеспокоенный тем, что студенты, спешащие на учебу, иногда попадали под машины.

Но особо я хочу упомянуть проект строительства храма для студентов и преподавателей МГИМО, инициированный Анатолием Васильевичем и благословленный патриархом Алексием. Он стал фактически вторым ведомственным — как раньше называли, «приписным домовым при университете» — храмом в современной России, традиция возведения которых была прервана на целых сто лет. Причем строили его на народные деньги — помогали и преподаватели, и студенты, и жители района, и отдельные благотворители. Но главное, храм этот, названный в честь святого Александра Невского, появился у второго (после МГУ) московского университета. Когда-то он стоял одним из первых в нашей программе строительства новых московских храмов, а в этом году будет построено и сдано уже сто храмов! Ректор МГИМО был удостоен за это подвижничество высшей награды православной церкви.

Анатолий Васильевич как метеор пронесся через этот временной отрезок (как быстро пролетели 30 лет!), но след остался: и колокола звенят, и университет встал в полную силу, его выпускники востребованы и в Москве, и в России, и за рубежом, они находят себя не только на дипломатической работе, но и в других областях. Я знаю большое количество специалистов с дипломом МГИМО, работающих и в госаппарате, и в московском правительстве, и в моей сфере — стройкомплексе.

Обычно принято перечислять многочисленные качества и достоинства юбиляра, но я, человек несентиментальный, привык излагать коротко. Для меня Анатолий Васильевич — глыба. Он на-

стоящий академик, ученый, настоящий политик, человек, который посвятил себя делу. В народе о таких людях говорят: трудоголик. Из тех, кому отдыхать некогда, за ним студенты как за каменной стеной. Эта стабильность и успешность — его достижение и огромная работа, порой даже своими решениями опережающая время! Мне кажется, он и не отдыхает. Но это мое личное

мнение. Словом «глыба» сказано все — у нас не так много людей, которых можно этим словом назвать, по пальцам пересчитать.

Я бы пожелал Анатолию Васильевичу не останавливаться на достигнутом, идти дальше, развивать свое дело. Новое время ставит новые вопросы, надо их решать, не оглядываясь на то, что было, только созидать! И на этом

Хочу особо упомянуть проект строительства храма для студентов и преподавателей МГИМО, инициированный Анатолием Васильевичем и благословленный патриархом Алексием. Он стал фактически вторым ведомственным — как раньше называли, «приписным домовым при университете» — храмом в современной России

пути будет у него и здоровье, и успех, и личное удовлетворение. И самое главное — еще много пользы Анатолий Васильевич сможет принести и институту, и студентам, и нашей стране.

Что такое 70 лет! Для меня это мальчишка. У Анатолия Васильевича еще все впереди. Ему остается только пожелать долготерпения, сил и энергии на реализацию всех его идей и проектов. Работа с молодежью может быть делом нелегким, но это наша надежда, наше будущее. Здоровья ему и успехов!

Я думаю, что МГИМО под его руководством ждет большое будущее, перспективы для студентов в новом мире огромные, пусть только учатся прилежно. Лучшие умы старались составить для них эффективные обучающие программы. Университет предоставляет возможность стать специалистом высокого класса — надо обязательно этим пользоваться. Поддержка правительства гарантирует, что МГИМО будет развиваться и дальше. Будут строиться новые корпуса, общежития и филиалы. Мы по праву гордимся одним из лучших мировых вузов.

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК
президент Федерации хоккея России

Мы с Анатолием Васильевичем почти одногодки, он 50-го года рождения, я — 52-го, и когда мы встречаемся, нам есть о чем поговорить и есть что вспомнить. Когда я стоял в воротах сборной во время легендарной серии СССР — Канада в 1972 году, вся страна сидела у телевизоров, миллионы советских людей болели за нас, был среди них и Анатолий Васильевич. Он мне очень эмоционально рассказывал, как вся его семья переживала, радовалась нашим голам и победам.

Насколько я знаю, он как раз в 72-м окончил МГИМО, где учился на дипломата, а мне примерно в то же время доверили стать основным вратарем сборной. В газетах нас, спортсменов, тогда называли послами российского спорта, то есть, получается, я тоже был дипломатом. И это нас роднит, потому что все

Когда я стоял в воротах сборной во время легендарной серии СССР — Канада в 1972 году, вся страна сидела у телевизоров, миллионы советских людей болели за нас, был среди них и Анатолий Васильевич. Он мне очень эмоционально об этом рассказывал

эти десятилетия мы вместе с Анатолием Васильевичем делали одно большое дело в интересах нашего государства — работали для того, чтобы был мир во всем мире, чтобы люди общались и дружили. С недавних пор все как-то стали про это забывать, но сегодня ситуация в мире и вокруг нашей страны такова, что надо опять объединяться, как раньше говорили, в борьбе за мир.

Кстати, мы, спортсмены, можно сказать, уже объединились с МГИМО, ведь с недавних пор в университете начали готовить спортивных дипломатов. А это очень важно, особенно теперь, когда на Западе раскручивают скандал вокруг проблемы допинга. Нам нужны подготовленные люди, кадры, способные защитить и страну, и наших спортсменов, у которых возникают такие проблемы. Но одно дело — профессиональный

юрист и адвокат, чье слово не так весомо в спортивном мире, а другое — трехкратный чемпион Олимпийских игр или мира, который окончит в МГИМО соответствующую программу и будет вооружен специальными юридическими знаниями. У нас впереди еще масса испытаний, и нам нужны бойцы, правофланговые на этом фронте борьбы за честь российского спорта!

Если вы спросите, какое амплу могло бы быть у Анатолия Васильевича на ледовой площадке, то я отвечаю: нет, не нападающий, не защитник, даже не вратарь, он был бы прекрасный тренер. Может быть, даже играющий. Эта роль наиболее близка его позиции ректора. Задача тренера — создать классную команду. И своим примером, отношением к делу, своими моральными установками он поддерживает среди игроков дисциплину, порядок, трудолюбие. Ведь это ему, а не игроку отвечать за результат, за то, чтобы были победы. А с другой стороны, он принимает на себя всю от-

Анатолий Васильевич создал в МГИМО команду, у которой будут большие победы! Я могу сравнить его в этом смысле с великим тренером-новатором Анатолием Владимировичем Тарасовым, даже своей профессорской статьёй ректор Торкунов мне его тренерскую статью напоминает

Я не так близко общаюсь с Анатолием Васильевичем, но, когда мы встречаемся, меня всегда поражает, как он разбирается в моем спорте. Мне это очень приятно — не всегда ожидаешь от академика, фундаментально образованного в гуманитарных областях человека таких познаний в хоккее.

Как профессионал, я очень уважаю профессионалов в любой области. Анатолий Васильевич — профессионал своего дела, который вывел свой университет, МГИМО, в лидеры российского образования, он признан во всем мире.

От Анатолия Васильевича всегда исходит добрая аура, с ним хочется общаться. При этом ты забываешь обо всем плохом, что, может, было на душе, хочется говорить только о хорошем — получаешь удовольствие просто от общения, не важно, какую тему с ним обсуждаешь.

Я бы пожелал Анатолию Васильевичу в первую очередь крепкого здоровья, потому что остальное у него есть — зна-

Школа вратарей Владислава Третьяка

ответственность за поражение, за ошибки. Так вот, Анатолий Васильевич создал в МГИМО такую команду, у которой, говоря спортивным языком, будут большие победы! Я могу сравнить его в этом

смысле с великим тренером-новатором Анатолием Владимировичем Тарасовым, даже своей профессорской статьёй ректор Торкунов мне его тренерскую статью напоминает.

ния, опыт, любимое дело, хорошая семья. Как спортсмен хочу пожелать ему побед на всех направлениях деятельности. И чтобы он получал удовольствие от жизни. Он это заслужил.

ИРИНА ТОРКУНОВА

Вся моя жизнь прошла рядом с Анатолием Васильевичем, я себя без него практически не помню. Познакомились мы с ним в студенческой компании. Я, окончивая училище при консерватории, готовилась в тот период к поступлению в Гнесинский институт, а он только вернулся из Северной Кореи. Поженились мы к концу моего первого курса и к концу первого курса аспирантуры Анатолия Васильевича. Через три года у нас родилась Катюша.

Анатолий Васильевич — очень добрый человек. Мне кажется, он просто родился таким — добрым ко всем людям. Я не помню ни одного его поступка, который не был бы продиктован

добротой. Никогда не слышала, чтобы он людям говорил «нет», если можно было сказать «да», будь он чрезмерно занят или ему это неудобно. Узнав про чье-то несчастье, Анатолий Васильевич говорит не «Ах, как мне жаль!», а «Чем я могу помочь?». Такая у него деятельная доброта.

Анатолий Васильевич потрясающе эрудирован. И если знает конкретную область, то знает ее основательно. И не только в своей профессиональной сфере, но и во многих областях. Например, он очень хорошо знает театр, и не только сегодняшний, но и всю историю русского и советского театра, этапы становления режиссеров, актеров, их роли.

Анатолий Васильевич фантастически работоспособен. Он за письменным столом всегда, даже в выходные: трудится — пишет, читает. Писал диссертацию — одну, вторую, книги. И еще он все время покупает книги, в книжном на Арбате его знают и любят. Каждый раз приходит домой с очередным чемоданом книг и говорит: «Представляешь, девочки в магазине мне книги подарили, сами их подобрали, говорят: «Вам будет интересно». Читает он и на айпаде, в поездки покупает электронные книги, новинки отслеживает. Как он все это успевает прочесть, я не понимаю! Я сама очень читающий человек, но Анатолий Васильевич в этом просто недостижим.

Анатолий Васильевич с годами стал мудрее, терпимее. Когда умный человек взрослеет, он становится мудрым, потому что к уму прибавляются жизненный опыт, испытания в жизни, иногда очень серьезные, жизнь ведь у нас всех такая: то прыгаем через

У Анатолия Васильевича много наград, в том числе иностранных, но для него самая высокая награда — это отношение друзей и выпускников

ямы, то карабкаемся в гору. Бывает, большие испытания ломают многих, и кто-то прогибается, причем делает это... неправильно, что ли, унижительно для себя, хотя нехорошо так про людей говорить. Так вот, я не помню этого у Анатолия Васильевича, он всегда старался выходить из трудного положения с достоинством. И от этого становился крепче. Я бы сказала, он... качественный человек, хотя это, возможно, неверное слово по отношению к человеку, но высшая проба качества у него есть. У него много наград, в том числе иностранных, но для него самая высокая награда — это отношение друзей и выпускников.

Я всю жизнь горжусь своим мужем. На какой бы ступеньке он ни стоял, я всегда им гордилась.

